МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

альманах

Литературный перекресток 17

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6
Л 64

Литературный перекресток. № 17, 2021: альманах,
Московский союз литераторов. — М.: 2021. — С. 152.

Дизайн обложки:
Александр Астрин

Для писем: 125009, Москва,
Б. Дмитровка, 5/6, строение 8,
Московский союз литераторов.
Тел.: 8(495)692-06-03
Электронная почта: litcross@aport.ru

Орфография, пунктуация и стиль авторов сохранены.

Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и авторам не возвращаются.

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6

© Коллектив авторов, текст, 2021
© Александр Астрин, обложка, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Вадим Жук. Там, где в комнатках башки… О литпроцессе. Ходят-бродят братцы-папарацци… Мы проживем библейские века… Один я в гримерке, со щек осыпается пудра… Охотник. Из Зощенко. Волжские песчаные откосы… Нас поместят в аквариум сухой… Не ходи ты, кот, по мне… Когда я в милой маме умещался… Живое. Из волн выходили одна за одной Афродиты… Дождь оптовый топает и топчется… А вообще все тихо и привычно… 5
Михаил Стародуб. Бабочки касанье на губах!.. Там, где счастья светлячок… Сельская зарисовка. У красотки… Мечта невежи… Эпитафия. Еще кому-то важно… Не спешите сдаваться… Вдохновенье... Да здравствует воображенье! 14
Татьяна Шипошина. Ночь... Одуванчики. Ген протеста. Jamais. Татьянин день. Грустные взрослые стихи про Дедушку Мороза. По Невскому гордо шагаю… Немного о… Возвращение из Крыма 19
Екатерина Ксенофонтова. Ассоль. Ты в больнице лежала… Над морем есть башня Христова… К бабочке 27
Светлана Кременецкая. Россия. Пальмира. Ладони матери. Гламур. Мы словно птицы… Не мешайте влюбленным… Не обещай! 30

ПРОЗА

Жанна Голубицкая. Отрывок из книги «Тегеран-1360» 35
Михаил Стародуб. Стекляшки на витраж. Размышления и остальное для души подходящее (отрывок из повести, часть третья) 46
Татьяна Шипошина. Из новогодне-рождественской поэмы в прозе (отрывок) 56
Виктор Черняк. Отстающий класс, или цена оценки 70

Павел Чхартишвили. В галактике Z9225w.
Повесть (часть вторая) 94
Лада Кутузова. Зачем он ломал мои игрушки?
Убить в себе лошадь 117
Наталья Дзе. Столяров и Цыганов. За курицей. Пишите письма.
Великая почтальонша. Не сбылось. Шушувич. Трудное решение.
Итальянский мужчина и русская литература 122

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРОЗА

Андре Вюрмсер. Новеллы (перевод с французского
Елены Ксенофонтовой)..... 144

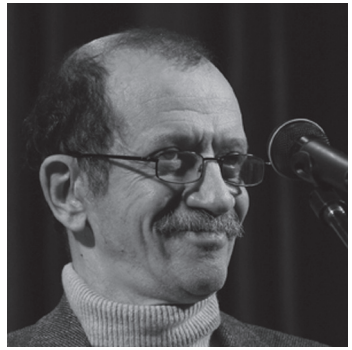
ИРОНИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Александр Смирнов. Фразы 150

Главный редактор
Михаил Стародуб

Координатор
Джангули Гвилава

Редакционная коллегия:
Татьяна Шипошина *(1-й заместитель главного редактора),*
Жанна Голубицкая *(заместитель главного редактора),*
Ева Меркачева, Лада Кутузова



ВАДИМ ЖУК

Работал актером в театрах Сибири. Снимался в фильмах Александра Сокурова, Игоря Масленникова, Владимира Хотиненко, Антона Барщевского и других. Автор капустников для Центрального дома актера. Ведущий и председатель жюри фестиваля капустников «Веселая коза». Ведущий премии Конгресса фантастов России «Странник». Председатель или член жюри, автор сценария и ведущий церемоний ряда анимационных и театральных фестивалей: «Золотой софит», «Крок», Открытый российский фестиваль анимационного кино в Суздале и так далее. Автор либретто (совместно с Игорем Иртеньевым) мюзикла «Веселые ребята» (композитор – Максим Дунаевский). Автор либретто оперетты «Чайка» на музыку Александра Журбина и «Русское горе» на музыку Сергея Никитина, «Шинель. Пальто» на музыку Максима Дунаевского, идущих на сцене театра «Школа современной пьесы», музыкального спектакля «Лес» с Владимиром Дашкевичем в санкт-петербургском театре «Комедианты» и других. Автор сценария (с Екатериной Михайловой) полнометражного мультфильма «Возвращение Буратино». Автор и соавтор сценариев анимационных фильмов «Собачья дверца», «Сказка про Волка», «Лис», «Ваня и Леший» и ряда других. Написал ряд песен к анимационным фильмам: «Маша и Медведь», «КОАПП 20 лет спустя», «Солдатская песня» и прочее. Выпустил сборники лирики: «Стихи на даче» (изд-во «Зебра-Е»), «Жаль-птица» (изд-во «Время»), «Ты» (изд-во «Век информации»). Автор сборника драмы и драматических стилизаций «След в след» (изд-во «Время»), сборника стихов «Угол Невского и Крещатика» совместно с Т. Вольтской (изд-во «Радуга»). Печатался в журналах: «Знамя», «Арион», «Звезда», «Октябрь», «Новый мир» и зарубежных изданиях.

* * *

Там, где в комнатках башки
Живут стишки.
Там, где в спальнях да столовых
Слово вяжется со словом.
Где со второго этажа
Сходит рифма чуть дыша.
Где и тепло и горячо
И непонятно как еще.
Где нота, строчка или кисть
Друг другу не соврут ни в жисть.
Где даже так бывает, что проснешься
И — ни с какого — улыбнешься.

О литпроцессе

Ни на еловом языке, ни на ежовом
И даже не на ножевом.
На жеваном каком-то, на ужовом,
на неживом
Выпиливают лобзиком бумажным
Стихи свои,
Так что в округе скопом мрут букашки,
А соловьи,
Под мышки подхватив своих подружек
И соловьят,
Спасают свои песенки и души
И прочь летят.

* * *

Ходят-бродят братцы-папарацци,
Щурятся из каждого угла.
Не пустили Пушкина во Францию,
Франция сама к нему пришла.
Ах ты, достоевщина-толстовщина,
Утонула курица в борще.
Вот сижу, выстраиваю общество,
Чтобы справедливость и вобще.
Чтобы не обидеть мушку-мошку,
Чтоб дружили Шапочки и Волки.
А тут и Чехов кашляет в ладошку,
Вешает по стеночкам двустволки.

* * *

Мы проживем библейские века.
Трехтысячный приблизится к окошечку!
И вот тогда, хорошая, тогда —
Терешечку ты мне родишь, Терешечку.

Ты будешь молодая мать.
В чепце! Счастливая, нарядная.
Средь акушерской суеты лежать,
Терешечкины черточки разглядывая.
Он нам построит дом на берегу.
В нем прорва дарований обнаружится –
То он обманет бабушку Ягу,
То с лебедями вольными подружится.
Он упразднит все думы и кремли,
Он будет настоящий лидер нации,
Он будет президентом всей земли
Без этой вашей инаугурации!
И вот однажды он заедет к нам,
Картошки привезет, починит флюгер.
И будет плакать, стоя у окна,
Что девушка одна его не любит.

* * *

Один я в гримерке, со щек осыпается пудра.
Как плохо сыграл я одну из любимых ролей.
Уж лучше бы выучил «Так говорит Камасутра»
И на именинах читал для детей нефтяных королей.
Как все, кто сегодня, как ты б не сказала — успешны,
Еще ненавидимей слово — востребованы.
…Давай, дорогая, найди нам свободный скворешник,
Где мы никогда, никому, ничего не должны.
Театр пустеет. На стенках игривые рамки,
Где мы улыбаемся ровно эпоху назад.
Когда-нибудь имя окажется в рамке в программке,
И выйдет на сцену в костюме моем дебютант.
И как аплодировать будут ему, неумехе!
И как он покажется необходимым для всех!
…А мы бы с тобой поместились и в грецком орехе.
Прими нас, пожалуйста, грецкий орех.

Охотник

Он повстречался этим утром мне
На сумрачной границе леса,
Прижавшийся к невидимой стене,
Я у него не вызвал интереса.
Глаза над скулами поставленные зло,
Под горлом кунья оторочка,
И перекинута через седло
С губою рассеченной строчка.
Он быстрым взглядом взгляд мой погасил,
Как будто — жив ли я еще? — проверил.
И долго раненых и мертвых выносил
Нарушенный копытом муравейник.

Из Зощенко

В таких временах первобытно-общинных,
Что хоть из пещеры очаг выноси,
Вполне косолапый, ужасный мужчина
Застенчивым глазом косит.
Она-то кореньев съедобных приперла,
Гарниром кормить молодую семью
И нитку рябины надела на горло,
Точнее на шейку свою.
А он-то громила, а он-то барашек,
Буквально насмешка над нами, людьми,
Нарвал ей пучок белоснежных ромашек
И тычет ей — «На, мол, возьми».
И вот она несколько обалдевает
И шибко дивится поступком таким.
Но — только представь — лепестки обрывает
И смехом смеется своим!

* * *

Волжские песчаные откосы,
Купола отмытые блестят.
В августе выгуливают осы
Сладкоежек — маленьких осят.
В Угличе Петруши, Гриши, Вани,
Много ходит всякого кого,
Только среди всех этих прозваний
Димы не найдешь ни одного.
Дети прилипают к сладкой вате,
Высеченный колокол молчит.
В Угличе светло и тиховато,
В храме осторожный блеск свечи.
Время недвижимо тяжелеет,
Держит тайну пятый век подряд.
В клобуках и рясах на аллеях
Клены высоченные стоят.

* * *

Нас поместят в аквариум сухой,
В затейливые домики и станут
Заточенными палочками жадно
Подталкивать друг к другу. Добиваясь,
Чтоб, наконец, у нас произошло
Желаемое ими, а они
Смотрели бы, научно и бесстыдно.
Нам ранят эти палочки бока,
Но мы, я бы сказал, любвеупорны,
Мы будем упираться и пищать
И не хотеть из рук их принимать
Ни пищи, ни воды. И только ночью,
Когда лабораторный свет погаснет,
Мы, страстные, приникнем каждой клеткой
Друг к другу. Как когда-то, как всегда.
И может быть, заплачем над стихами,
Которыми я это описал.

* * *

Не ходи ты, кот, по мне
Серыми ногами,
А займись ты макраме
Или оригами.
Столько на родной земле
Радостных занятий,
А тебе бы только млеть
Да искать объятий.
Налови стрекоз себе
Слюдяную конницу,
Да и сигани с небес —
Прямо с нашей звонницы.
Пусть карета в облаках
Легкая котовья —
Над синицами в руках,
Над моей любовью,
Над «прошло» и «впереди»,
Перед ликом Божьим.
А ходить-то по груди
Это каждый может.

* * *

Когда я в милой маме умещался,
Был вовсе никакой и не велик.
То в ящерку, то в рыбку превращался,
Готовясь выходить на материк.
Слегка отцова голоса боялся,
Не знал, что есть татарин и еврей.
По радио транслировали вальсы
И сводки с пашен, пасек и полей.
Разваливаться взял себе манерку,
Родиться замышлял в начале дня.
Продумывал советы акушерке —
Как правильно публиковать меня,
Была зима, мне сделалось тоскливо,

Я прислонился к внутренней стене.
Вдруг мама закричала некрасиво,
И за нее неловко стало мне.
Потом раз-два — и я уже на воле.
Нашел ногой порожек бытия.
И заорал, как зверь в нечистом поле.
А думал пошутить: а вот он я!

Живое

1

Весь день, играемый с листа,
И даль, одетая невестой,
Живая оторопь куста,
Едва звучащий гром небесный.
Послушный самолет живой,
И в нем — серебряном сосуде —
Летят и вертят головой
Прекрасные живые люди!

2

К купанью вычерчен маршрут.
Там пионерка-водомерка,
Ведущая себя примерно,
Стежками зашивает пруд.

Пришел стишок, бесцеремонно
Толкает ивушку плечом.
Как у Володи Салимона —
И обо всем и ни о чем.

* * *

Из волн выходили одна за одной Афродиты,
Встречала их местная и представлялась — Клико.
Их, мокрых еще, провожали к машинам бандиты
И с песней Канчели вели в ресторан «Сулико».
Качая пейзаж, мелодично скрипели качели,
Коровки божились, что если куснут, то шутя.
Спасатель с ухмылкой глядел за плечо Боттичелли,
И вместе с веревкой добило чурчхелу дитя.
Я, может быть, море, а может быть, век перепутал.
Я ждал, что Психея появится вместе с волной.
Когда я стоял, полотенцем отельным закутан,
У жадного моря, к себе повернувшись спиной.

* * *

Дождь оптовый топает и топчется,
Все закрыл текучею спиной.
Может быть, чего не очень хочется,
И не делать в этот выходной.
Видно, что умелый он и опытный,
Из прожженных знающих дождей,
«Грядки, — говорит, — твои не вскопаны,
Хламно на площадке для детей».
Может, не вязаться вовсе в свары с ним,
Мокрецом, пришельцем, наглецом?
Перебрать кишочки самоварные
И сидеть с помещичьим лицом?
Вспомнить Таню, Верочку, Наталию,
Перечень, как видишь, невелик.
Засмеяться, что в твоих литаниях
Не найдется Стелл и Анжелик.
Засмеяться. Потому что плачется,
А чего нельзя — того нельзя.
И смотреть, смотреть на воздух крапчатый,
Кукурузу желтую грызя.

* * *

А вообще все тихо и привычно,
И чайник разговаривает вслух,
И у тропинки пожилой лопух
С лицом потрепанным, но симпатичным.
Приходят ежедневные стихи,
Без блеска, но в приличных босоножках,
И муравей, окончивший МАРХИ,
Идет в свой офис по сухой дорожке.
Побрейся. Джинсы старые надень,
Пока она покорно ждет в передней.
Не знать бы только в предпоследний день,
Что завтра будет день последний.

МИХАИЛ СТАРОДУБ

Московский союз литераторов. Выпускник Школы-студии (вуз) при МХАТ СССР, Литературного института им. А. М. Горького. Лауреат конкурсов журнала «Русский переплет», 2003 и 2008. Знак «Серебряное перо Руси», 2014. Лауреат конкурсов: «Золотое перо Руси 2011, 12, 15 гг.», лауреат 1-й степени конкурса «Русский STIL-2016» (Германия), лауреат IV Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман», 2019 (Калининград), лауреат (1-е место в номинации СКАЗКА) Международного литературного конкурса «Созвездие духовности», 2019 (Киев), 1-е место в номинации ПРОЗА Международного литературного конкурса «Скромный гений 2020», победитель многих других конкурсов. Книга «Простись с невинностью, бумага!» награждена Серебряным дипломом за 2-е место в номинации ПОЭЗИЯ на Германском (г. Берлин) международном литературном конкурсе «Лучшая книга года», 2020 г. Автор и исполнитель песен. Песня «Колыбельная Мише» — лауреат Всероссийского конкурса «Новые песни детства» музыкального проекта «Дорогами добра», 2012 г. По мотивам рассказа «Корешок» снят одноименный полнометражный художественный фильм (2012 г., студия «ИНТРОСПЕКТИВА»). Автор пьес, книг (последние — «Сказки старого дуба». М., БОС, 2018; «Приключения Штука и Дрюки». М., Аквилегия-М, 2020; «Тест на милосердие». Волгоград, «Перископ-Волга», 2021).

* * *

Бабочки касанье на губах!
Этакая вольность…
Отчего бы?
Изумившись, замираем оба.
Беззастенчив, мягок, нестерпим
бледных шелковистых крыльев взмах.
Должно полагать, я был любим —
мимолетно.
Вскользь, увы и ах!

* * *

Там, где счастья светлячок
и удачи родничок,
Бабка Зависть — пучеглаза,
тетка Немощь — с медным тазом,
братец Страх — мохнатоног.

Мир прекрасен, но жесток.

Сельская зарисовка

Вопит нерезаный петух
и важно гадит там и здесь.

Паук ловушки начал плесть.

Коровий хвост гоняет мух,
а голова —
траву жует.
Там, где у небушка восток,
неспешно солнышко встает.

Напыжился соломы стог.

Терзают старенький забор –
прорехи —
с некоторых пор.
На кустиках травы —
роса.
Беспечны птичьи голоса.

Толстушка на коня садится
и добродушно матерится.
Его шершавой пяткой бьет,
конь фыркает и скорбно ржет.

* * *

У красотки — две ходилки,
две проворные хваталки,
васильковые гляделки.
И еще — соображалка
с чуткой встроенной сопелкой,
слушалками и жевалкой.

Sapiens с логином «ЛЕНКА».

Под животиком — рожалка,
а внизу спины — сиделка.

Дайте денег хоть немножко
на прокорм и на одежку!

* * *

Мечта невежи —
                долголетье.
Бедняга пробует ловчить
и хоть частично получить
болячку модную в наследье.
Жизнь длится.
                День за днем ползет.
Хворь точит. Немощь плоть грызет…

Эпитафия

Прощай…
        прощай, жизнь коротка.
Но не забудь спросить у местных —
насколько безгранична бездна?
Как уклониться от прыжка?
Нужны ли в бездну пропуска?

Ужели это на века?
Прозрения наверняка
ошеломляют.
                Но пока
я воздержусь от переезда…

* * *

Еще кому-то важно
жить честно и отважно.
Еще кому-то нужно
быть щедрым и радушным.
А кто-то в полной мере
еще в Россию верит.

Все это не мешает остальным:
практичным, ловким, деловым.

* * *

Не спешите сдаваться, братцы
(черный ворон ехидно не каркай)!
Может запросто так оказаться,
что решат богоравные парки
(иль нетленные мойры, быть может)
в обстоятельства дела вмешаться.
— Раз! —
        и ножнички прыгнут из ножен.
— Два! —
        и нить злой страшилки прервется.
Не спешите сдаваться, братцы!
— Три! —
        и в новеньких декорациях
незнакомая пьеска начнется…

* * *

Вдохновенье —
с чудом в связке!
Это дерзость
(но в подсказках).
Доля смысла. Звездный луч.
От головоломки ключ.
Ощущенье, что у вас
появился третий глаз!
Время необыкновенья.
Личный шанс на откровенье.

* * *

Да здравствует воображенье!
Где ум практичный не хозяин,
затейливый сюжет случаен,
а место действия —
в движении:
шатер, подмостки, балаган,
с утра арена, днем светлица,
под вечер — море-океан,
где зреет юный ураган…

…Чтоб в полночь вдруг угомониться,
смиренно к Господу проситься —
за пазуху или в карман.

ТАТЬЯНА ШИПОШИНА

Московский союз литераторов. Член МГО СПР. Председатель литературного объединения «Детские авторы России» (ТО ДАР). Автор более пятидесяти книг для взрослых, детей и подростков. Многие книги переизданы. Лауреат и дипломант литературных конкурсов: «Новая детская книга» РОСМЭН, 2012; «Новая сказка», «Аквилегия-М», 2015; «Золотое перо Руси», 2016; «Добрая Лира» (Санкт-Петербург), 2016 (победитель); Корнейчуковская премия; Особый приз конкурса «Однажды в Москве» (издана книга «Подземный Голландец»). Лауреат Международного литературного конкурса им. С. Михалкова, 2014, 2016, 2020 (по результатам конкурса в издательстве «Детская литература» изданы книги: «Ангелы не бросают своих» и «Тайна горы». Третья книга готовится); лауреат премии «Просвещение через книгу» Московской Патриархии и многих других литературных премий и конкурсов. Обладатель знака «Золотое перо Руси», 2016, знаков «Орден В. В. Маяковского», 2014, «Наставник молодежи», 2019.

Ночь…

Ночь-уравниловка. Блеск фонаря.
Дремлет в борделе последняя фря.
В теплой постели спит депутат.
Спит олигарх. Спит адвокат.

Бара ночного стихло нутро,
Остановилось трудяга-метро,
Дремлет за кустиком пост ДПС,
Скальпель хирурга начал разрез.

Спит либерал в «голубых пижамáх»,
Спят просто люди в просто домах,
Равенство-ночь.
Тренировка конца.
Легкость полета.
Тяжесть свинца.

Стихла молитва,
Землю храня,
Помилуй меня...

Одуванчики

Там где мусор, пакеты-стаканчики —
Одува-одува-одуванчики!

Где заборы и где загородки —
Самородки горят, самородки.

Их не сеет никто и не жнет,
Им неведомы путы и гнет,

Им неведомы двери, границы,
Дай им срок — полетят, словно птицы,

От машины, что косит траву,
Убегут, улетят, уплывут...

Ген протеста

1.

Как опара топорщит тесто,
в людях царствует ген протеста.
И как жарит (блин) сковородка,
предстает вранье
самородком.

Не смотри Ты с Креста, не надо!
Мы ж не Ты...
Мы в своих нарядах.
Ты прости — мы в своих обносках.
И не видим мы дальше носа.

Дорогие мои собратья!
За кого пойду умирать я?
Поломаю замки и двери
и умру...
Но когда поверю.

Как же быть?
Нам понять едва ли,
«За кого» мы протестовали,
«За кого» же мы лоб расшибли —
ох ты, гой еси,
крабле-крибле...

2.

Адвокатам хорошо.
У них расценки.
Выгодно им,
Когда стенка на стенку.
Выгодно адвокатам,
Когда брат на брата,
Только жалко нас,
Жаль, ребята.

Что не очень мы умны,
Плохо терпеливы,
Покупаемся мы
На призывы,
Ах, как сладко!
Как песочное тесто —
Облизать бы блюдце
Протеста...

Вот придумали нам
Кумира,
Повыманивали
Из квартиры,
Только в мире нет
Идеальной власти,

И крошатся зубы
От сласти.

Ох ты, Родина моя,
Другой не имею,
На дороге я стою,
Все немею,
Отчего опять, скажи,
Сердце сжалось,
То ли чешется кулак,
То ли жалость...

Надежде Днепровской

Jamais

Жизнь по-прежнему вяжет свое макраме,
Крутит-вертит узлы меж людьми,
Но однажды ты вспомнишь о слове «Jamais»,
О, Jamais de la vie, mon ami...

Нет, не стоит развешивать рюшки в тюрьме,
Храмы строить свои на крови.
Детство, юность, французский... Уходят. Jamais...
Не вернуться.
Jamais de la vie.

Ну, так что ж.
Мир — прощанье.
Такой удивительный путь.
И одно за другим — все прими.
Лица, люди, поступки, стремленья, толпу —
О, Jamais de la vie, mon ami...

Татьянин день

Ох, как силушка-то из меня перла,
Так, что крики застревали у горла,
Вот, наверно, стала б святою,
С силой такою
На молитве стоя...

Да стояла-то — не на молитве,
А ходила-то стопами по бритве,
Так хотелось мне
Высших баллов,
Что была сама себе — вышибалой.

Но, а если было мало и худо,
Уж я силушкой плескала повсюду...

А теперь стою без сил, без прикраса,
Как наемник
Единодесятого часа.

Грустные взрослые стихи про Дедушку Мороза

Жалко-жалко, очень-очень,
Дед Морозу нас, людей.
И слезинки, между прочим,
Застревают в бороде.

Унесут ручьи и реки
Прошлогоднее дерьмо,
Но все те же человеки:
Жив дурак, на месте чмо.

Потому и плачет старый,
Добрый Дедушка Мороз,

Где угары и удары,
Подворотни и Канары,
Дурдома и санитары,
Пеньюары, тротуары,
Фейки, лайки и фанфары,
Тыры-пыры, тары-бары,
Вам подары —
чки
принес.

* * *

По Невскому гордо шагаю,
Людей и машин не боясь.
Мои сапоги наступают
В подмерзшую серую грязь.

А вместе со мной, облаками,
Из прежних мерцающих лет,
Как крыльями, машут руками —
Все те, кого более нет.

Над Невским они пролетают,
Людей не боясь и машин,
И тают... и тают... и тают...
От мне неизвестных причин.

Родные, знакомые лица...
Но я не на Невском давно!
А мне это, видимо, снится.
Такое ночное кино.

Немного о...

Итак, хотелось бы представить
Все то количество стихов,
Что написались лет за десять
Не мной, не мной. Всего.
Имхо.
Их на веревочке развесить
И обогнуть весь шар земной.
С моими или не со мной...

Итак, хотелось бы представить
Ту часть, что я из них прочла.
Ну, может, больше бы могла,
Но вот беда — не получилось.
По уважительным причинам,
По лени или по вине,
С финалом их и их зачином...

Отсюда: не виню я брата,
Что он читает — не меня.
Я и сама не виновата...
Читает Бог.
К исходу дня
Внесет редакторскую правку.
И наши жизни,
Как стихи,
Все ждут редакторской руки.

Возвращение из Крыма

Ну, не делай грустное-грустное лицо!
Полно ли,
Иль пусто ли —
Что, в конце концов!
Жизнь твоя сжигается
Много, много лет.
Ждет и приближается
Занебесный свет.
Нет, но ты не очень-то...
Ты ж еще ничо!
Колется, но хочется,
Че-нибудь исчо...
А потом что делать-то?
Делать что потом?
Ну...
Отдать владения
В детский дом.

ЕКАТЕРИНА КСЕНОФОНТОВА

Московский союз литераторов. Окончила Государственный университет печати, отделение станковой живописи. Преподавала в Детской художественной школе им. В. А. Ватагина. Участвует в выставках художников Москвы и России, работы Екатерины Ксенофонтовой отмечены дипломами. Работает для периодических и иных изданий в качестве художника-графика, публиковала очерки, посвященные культурологическим темам. Является членом Творческого союза художников России, а также Творческого объединения женщин-художников «Ирида». Публиковалась в архангельской областной газете; в издании социально-этнографического направления «Мир культур России» (№ 10 — 2002 г.; № 1, 3, 5, 9, 10, 11, 12 — 2003 г.; № 1, 2, 3, 4 — 2004 г.); в «Литературном перекрестке» (№ 4, 2004 г.; № 6, 2010 г.; № 7, 2012 г.; № 8, 2016 г.).

Из серии «Крымские зарисовки разных лет»

Ассоль

Ты в белом платке ришелье
И юбке материи грубой
Все греешь, подставив заре,
Морщинами сжатые губы.

Хранит кофта алая пыл
Вне времени и обстоятельств.
А Грэй, поматросив, уплыл,
Не взял на себя обязательств.

* * *

Ты в больнице лежала.
Над тобой в тишине
Только муха жужжала
На больничной стене.

Муха страстно желала
Съесть ржаного кусок,
И голодное жало
В твой вонзила в висок.

— Кто же та вольтижерка,
Журавлиных ли стай?
Получи свою корку…
И еще прилетай!

* * *

Над морем есть башня Христова,
С нее открывается вид
На дол без единого дома,
Он русские кости хранит.
Там ноги не чувствуют пыли
И крымские травы легки
На кладбище, что разорили,
Дополнили большевики.
Не сыщешь надгробные плиты,
Лишь крест освящает покой,
Да солнце наносит визиты
И ветер соленый морской.

К бабочке

Огнем то пламенным, то дымным
Сверкала ты, как светофор,
И раем луг странноприимным
Стелил свой ласковый простор.

Был день, как век. Полны загадки,
В узорах дивной красоты,
Крыла твои с веками в схватке
Пыльцу теряли, как цветы.

Какою истиной священной
Ты мерила свои дела?
Порхавшая среди Вселенной
Мечте подобно — умерла.

И на обочине дороги
Среди камней, среди пыли
Ты ждешь, колеса или ноги
Растопчут крылышки твои.

Но с первым бриза дуновеньем,
Взлетишь ты к солнечным богам,
Навеки ставшая мгновеньем
В пути к зеркальным берегам.

СВЕТЛАНА КРЕМЕНЕЦКАЯ

Выпускница факультета прикладного искусства МТИ, факультета дошкольного образования МИОО, театрального факультета МИОО. Член Московской областной организации Союза писателей России. Лауреат ВВЦ, награждена медалью; дипломом за участие в фестивале «Свет моей Родины». Лауреат всесоюзного конкурса «Творчество добра», организованного Университетом «Гуманус» советско-американского фонда «Культурная инициатива» и Учительской газетой. Член Международной гильдии поэтов имени Н. С. Гумилева.

Россия

Россия, корни береги —
Они огонь алтарный, святцы,
Где лики старцев так строги,
Но сердцем благостным светятся.

Не отдавай своих основ!
Не дай мутить родник исконный!
Как снег чистейший твой покров —
Не дай пятнать золой и кровью!

Не дай святое воронью
И псам бродячим в растерзанье!
Свободу, честь, любовь твою
Не выгони на прозябанье.

Россия, береги детей
От искушений бездорожья,
От обезвоженных путей…
К корням прольется влага божья,

Как совести немолчный глас —
Прольется праведный источник,
И слезы покаянных нас
Приблизят день глубокой ночью.

Россия, слово береги —
Родную речь, дедов заветы
И чистой реченькой беги —
Вселенскою Рекою Света!

Моя любовь, моя Земля,
В тебя я верю — в Исполина,
Где ты сильна — одна семья.
Где ты, Расеюшка, Едина!

Пальмира

Пальмира плачет — в руинах Пальмира.
Пальмира вся музыкой ныне парила…
В Пальмире — полмира? Когда будет мир,
Чтоб не было боле в руинах Пальмир?
Пальмира вся в музыке ныне парила,
Руинам и людям созвучья дарила,
Чтоб сердце, что плачет, опять воскресало,
Аккорды неистово в разум бросала…
Чтоб сердце, что плачет, опять воспарило —
Любило, надеялось, полнилось силой.
Летели симфонии стройные хоры.
Под музыку плакали люди и горы.
Пальмиру палили… потом говорили…
И музыки звуки над городом плыли.
Но города нету! Печаль на планете.
А люди все ссорятся — малые дети.
То строят и имя дают, разрушают,
То музыкой снова себя воскрешают.
Никак не поймут, что Пальмира — они,
Что лучше цвести, чем губить свои дни.
В гармонии нет террориста лихого.

В гармонии нет палача и святого.
Сама я — Пальмира, и слезы текут.
В моей тишине сердца звуки плывут…
И пальмовой веткой мне машет Аллах:
«Живите в миру, но пребудьте в мирах!»
Живая Земля! Пребывайте же в мире!
Я пальмову ветку несу из Пальмиры.

Ладони матери

Душа согрета и расслаблена покоем.
Сквозь веки льется тихий ясный свет.
Я помню состояние такое —
Ладони матери, как теплый, нежный след.
Как легкое воздушное касанье,
Прикосновенье мерности иной,
Где все — безмерность, все — одно сиянье,
Склонившаяся радость надо мной.
Защищена заботой неусыпной
И прощена заранее за все.
Живу ее любовью и молитвой
И вижу я Величие ее!

Гламур

Прелестна головка гламурной девицы:
Два кукольных глаза, как веер, ресницы.
Забита головка — чего только нет:
Игрушки, сердечки, перчатки, браслет.
В головке — духи и помада, конфеты,
Сидит подкаблучник, бубнящий сонеты.
Подружка в головке на сайт в Интернет
Строчит для девицы прикольный совет.
Меха, финтифлюшки и страстный роман.
И с вишенкой тортик, цветочный туман.
Здесь сумочка, пудель на тоненьких ножках,

Здесь много всего и всего понемножку:
Две мысли, пять шуток, ужимка, каприз
И, для комплимента, улыбка на «бис»!

* * *

Мы словно птицы, капельки дождя,
Два дерева, расцветших на рассвете,
Босые и ликующие дети,
Два космоса, две искорки огня…
Мы стали всем, нам все равно, кем быть.
Лишь бы любить всем сердцем, как сумели.
Не разлучат нас даже лютые метели.
Нам по весне ручьями рядом плыть.

* * *

Не мешайте влюбленным ни взглядом, ни криком.
В унисоне сердец время кончило бег.
Наслаждайтесь любви ароматом и ликом.
Прикоснувшийся к ней — есть уже Человек.
Узнает Небеса по полету и неге.
Безоглядность доверия, яркость дней и ночей!
Остановка пришла в сумасшедшем забеге.
Прорастайте в Любовь, в потакании ей!

Не обещай!

Не обещай сосульке лета,
Что средь зимы наступит май,
И пню весеннего расцвета
Не обещай! Не обещай!
Не обещай звезду снять с неба,
Создать из ада светлый рай,
Стать для других насущным хлебом

Не обещай! Не обещай!
А если чудо сделать можешь,
Задумал — делом совершай.
Словами — только цепи множишь.
Не обещай! Не обещай!

ЖАННА ГОЛУБИЦКАЯ

Московский союз литераторов. Джамиля Голубицкая (творческий псевдоним — Жанна Голубицкая), выпускница филологического факультета МГУ, специалист по РКИ («Русский как иностранный»). С 2002 по 2008 г. — шеф-редактор журнала «Изюминка» (Издательский Дом «С-Инфо»), в настоящее время — штатный журналист российской федеральной общественно-политической газеты «Московский комсомолец» с 11-летним стажем, сотрудник Отдела социальных проблем, семьи, молодежи и образования, постоянный ведущий психологической рубрики «Ты и Я». Автор 7 книг (издательства «АСТ», «Амфора», «Давид»), награждена медалью «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе». С новой книгой «ТЕГЕРАН-1360» стала победителем конкурса (организованного Eurasian Creative Guild, LONDON) «Открытая Евразия — 2019» в категории «ЛУЧШИЙ ЖЕНСКИЙ АВТОР».

ТЕГЕРАН-1360

(отрывок из книги. Начало в № 11, 12, 13, 14, 15)

Дорога домой, 1982, сентябрь

Отрывок из книги «ТЕГЕРАН-1360»

До тегеранского вокзала 40 лет назад, как и сегодня, можно было доехать прямо по главной улице — только в то время она называлась Моссадык, а теперь Валиаср. Но папа почему-то без конца сворачивал в какие-то маленькие узкие переулки, выныривая из них на широкую улицу лишь ненадолго. На дорогах уже был «шулюх», так персы называют автомобильные пробки, машины дергались туда-сюда, братика быстро укачало, и он разревелся.

— Останови на секунду! — просила мама. — Ребенка тошнит!

— Не могу, — коротко отвечал папа, продолжая петлять по крохотным улочкам.

По мере углубления на юг, где был вокзал, они становились все более кривыми и разбитыми. Кое-где глинобитные стены старых домов словно брали «жопо» в тиски, у дверей сидели отрешенные старики с пергаментной кожей и смотрели нам вслед пустыми глазами. Это был южный Тегеран,

который я почти не знала, — кварталы бедноты. Кожа у здешних обитателей была дочерна высушена солнцем, женщины в чадрах прошмыгивали вдоль стен как черные привидения, а разносчики газет тут не зазывали покупателей, а курили, сбросив вязанки газет прямо на пыльную щербатую мостовую. Должно быть, жители южных окраин не умели читать, и газетные торговцы в их краях не торговали, а перекуривали.

Мама сидела сзади с братом на руках и без конца оборачивалась. Я, сидя спереди рядом с папой, с ужасом наблюдала, как босоногие ребятишки гурьбой бросаются прямо под колеса.

В одном из переулков дорогу нам преградил нищий без ног. Он неожиданно выкатился на своей тележке прямо нам под капот. Глаза его затянули бельма, и было непонятно, видит он нас или не понимает, где находится. Папа чертыхнулся, заблокировал все двери и принялся сдавать назад.

— «Мазда» пикап, — сказала мама, снова обернувшись.

Машина с открытым кузовом сзади нас занимала всю улочку и, похоже, не собиралась уступать нам дорогу. Отчаянно сигналя, «жопо» пятился прямо на нее. В сантиметрах от нашего заднего бампера пикап нехотя заскрежетал и медленно пополз назад. «Жопо» напирал на него задом, рискуя поцарапать об него багажник. Мама прижала братика к себе и его стошнило. Мне тоже было нехорошо, в салоне воняло бензином и опасностью.

Улочка заканчивалась такой же узкой развилкой. Папа фактически подтолкнул пикап влево, выкрутил руль, дал по газам и метнулся вправо. Из-под колес с диким воплем выпрыгнула кошка, я закрыла лицо руками.

— Ну все-все! — папа хлопал меня по плечу. — Давай, прощайся со своей «жопо», мы почти приехали!

Мы снова ехали по Моссадык среди нормальных машин, по тротуарам шли нормальные привычные тегеранцы. Впереди маячил съезд к вокзалу.

К 10 вечера того дня — 13 сентября 1982 года — мы уже прибыли в Табриз, столицу иранского Азербайджана.

Там наши три вагона отцепили от поезда, уходящего назад в Тегеран, и потащили электровозом к Джульфе-иранской. За окном уже было темно, но спокойного сна не предвиделось до самой азербайджанской Нахичевани. Нам предстояло пересечь две границы и две таможни и только на советской территории можно будет расслабиться.

Когда наш мини-состав громыхнул и остановился в Джульфе-иранской, приземистых построек которой в темноте не было видно вовсе, все были очень напряжены.

Вскоре наш проводник попросил всех занять свои места, согласно купленным билетам, и раздалось уже знакомое:

— Салам алейкум, пасдаран-е-энгелаб-джамхурие-ислами-Иран[1], — и появились бородатые мужчины в беретах и американской военной форме, с автоматами за плечами.

В этот раз объясняться с ними было легче, так как с нами был мой папа.

Но быстро стало понятно, что что-то идет не так.

Обычно даже самые суровые стражи исламской революции расслаблялись и улыбались, когда слышали, что иностранец свободно говорит на их языке. А папу они вообще частенько принимали за своего, мусульманина. И, даже узнав, что он «шурави», продолжали общаться доброжелательно. Так было даже в священном Куме, куда он «привез целый автобус пьяных русских женщин». Но не в этот раз. Пасдары глядели на нас исподлобья, о чем-то постоянно шушукались и на папины улыбки не отвечали, хотя он, как обычно, пытался с ними пошутить.

У родителей были дипломатические паспорта и досмотру наши вещи не подлежали. Однако пасдары, равно как и присланные в наш вагон таможенники, багажом в этот раз почти не интересовались. Надорвали всего несколько коробок из проводницкой, вяло посветили в них фонарями и снова всем своим вооруженным отрядом человек в восемь вернулись к нашему купе. Мы, как и было велено, оставались на своих местах: я на полке рядом с мамой и братом, а папа напротив нас.

Один из автоматчиков, самый рослый, вместо берета закутанный в платок, что-то грозно сказал на своем языке. Выражение его глаз скрывали черные очки «вражьей» фирмы Rayban. Судя по повадкам, он был самый главный.

— Они требуют свидетельство о рождении ребенка, — перевел папа маме. — Покажи им, пожалуйста.

Мама извлекла из сумочки документ в синей корочке, выданный в нашем консульстве.

Главный выхватил его из маминых рук и, глядя в него, что-то громко затараторил. Его соратники тоже загалдели.

— Что они там обсуждают?! — недоумевала мама. — Там же по-русски написано!

— Не знаю, — пожал плечами папа.

Он пока тоже не понимал, куда они клонят:

— Вряд ли они понимают по-русски и даже по-английски. Но такое ощущение, что они знают, что там написано!

---

[1] «Вас приветствуют стражи революции Исламской Республики Иран» (*перс.*)

Тут главный сделал шаг вперед, оказавшись прямо между нами, ткнул в моего младшего братика, прижимающего к себе свой так и не дорисованный домик, и разразился какой-то грозной речью.

В процессе этой речи папа заметно бледнел. Мы с мамой не понимали ни слова, но чувствовали, что происходит что-то нехорошее. Братик вытаращил на оратора полные ужаса глаза, а потом вдруг обворожительно улыбнулся — он всегда так делал, когда ощущал, что взрослые вокруг на взводе. Персы обычно таяли при виде детской улыбки, даже если они стражи исламской революции, но не в этот раз.

Главный страж еще больше насупился, передвинул автомат за спину и потянул руки к моему брату. Мама вскочила как тигрица.

— Ирина, сядь! — закричал папа.

Одновременно закричали на своем остальные проверяющие.

— Что тут происходит? — в коридор из своего купе вышел Серегин папа.

За его спиной маячили тетя Вера, Серега и мелкий Сашка, который, не осознав весь пафос происходящего, показал в сторону главного в платке и заявил:

— О, Али-Баба!

Главарь недобро зыркнул на Сашку, указал в сторону Сережкиного семейства дулом автомата и что-то рявкнул по-своему, после чего весь вооруженный отряд с новой силой разорался на фарси.

— Не говори так, Саша! — зашептал Серегиному брату мой папа. — По-персидски «али баба» значит «вор», они понимают это слово. Но не понимают, что ты имеешь в виду сказочного персонажа! Они требуют убрать посторонних. Верочка, забери Сашу и Сережу, пожалуйста, и идите в купе от греха подальше. А Саша-большой пусть в коридоре побудет, если можно. Мало ли что…

— Да, Саша, не уходи! — испуганно попросила Серегиного папу моя мама.

Главарь постучал дулом автомата об пол, требуя тишины. Когда все замолкли, он продолжил свою грозную речь.

— Именем Аллаха и закона исламской революции, — перевел папа едва заметно дрогнувшим голосом, — они уполномочены изъять у нас гражданина, родившегося на священной земле Исламской Республики Иран.

— Это кого это? — не сразу въехал Серегин отец.

— Нашего сына! — срывающимся голосом прошептала моя мама. Она стала белая как полотно, мне показалось, что она сейчас упадет без чувств.

Папа вступил с отрядом в какие-то переговоры. Но по его тону и лицу было понятно, что он обескуражен и в кои веки не знает, как себя вести.

Тут неожиданно в руки взяла себя мама.

— Ты нам переводи! — твердо сказала она. — Все, до единого слова! И чтобы у нас были свидетели. Саша, ты тут? — она позвала Серегиного папу.

— Да, я тут! — ответил он из коридора.

Судя по голосам, там уже сгрудились и остальные пассажиры нашего вагона — женщины и мальчишки.

— Они говорят, что в Исламской Республике Иран действует закон земли, — послушно начал переводить папа. — Тот, кто родился на священной земле победившего ислама, до своего совершеннолетия вывезен быть не может.

— Скажи им, что ребенок, родившийся в семье советских граждан, — советский гражданин! — велела мама. — И что свидетельство о рождении ему выдал консульский отдел при посольстве СССР.

— Я уже сказал, — развел руками папа, — но их это не волнует. Они говорят, что шариат не признает никаких бумажек, кроме древнего закона священной земли. Он гражданин Исламской Республики Иран по месту рождения, и мы не имеем права его вывозить. Вот исполнится ему 16 лет, и тогда по местным законам он сможет сам решить, ехать ему к шурави или нет. А до этого его будут воспитывать строго по шариату, в приюте при военно-революционном комитете.

Мама схватилась за голову.

— Во, где родился, там и пригодился! — неожиданно для самой себя пошутила я. Просто устала бояться этих автоматчиков.

Мама посмотрела на меня как на врага народа.

И только мой брат не понимал, что речь о нем, и пытался разрядить обстановку, приветливо улыбаясь иностранным дядям. В своей пушистой желтой кофточке он смотрелся очень трогательно. Трудно было представить, что из него может вырасти страж исламской революции.

— Я же говорила, не пишите ребенку это жуткое место рождения! Как нарочно! — простонала мама.

— Но он же действительно родился в Тегеране! — растерянно оправдывался папа.

Но по его лицу я поняла, что теперь растерянность наигранная, он что-то придумал.

Папа что-то сказал автоматчикам на фарси, и ему позволили выйти из купе. Я видела, что первым делом он подошел к нашим бимарестанским попутчицам тете Розе и тете Любе — должно быть, попросил прощения, что из-за нас такой сыр-бор. А потом вовсе вышел из вагона.

Главный автоматчик снова потянул руки к моему брату и на сей раз умудрился схватить его за желтую кофточку. Пасдар потянул его к себе, а мама

к себе. Я испугалась, что сейчас они его разорвут. Брат, похоже, наконец, смекнул, что дело пахнет керосином, и заорал как пожарная сирена. И тут на сцене появилась сестра-кал, во всем своем 90-килограммовом великолепии.

— Так, мальчики, что это тут у вас? — осведомилась тетя Роза, вторгшись своим пышным бюстом в самую гущу пасдаров.

Платок на голову к Джульфе она, конечно, накинула, как и все женщины в вагоне, включая меня. Но прочие свои выразительные формы чадрой прикрывать была не обязана, как иностранка.

Пасдары обомлели, будто бы никогда не видели так близко пышущей здоровьем женщины. А она продолжала напирать на них своим рубенсовским телом, оттирая их собой от моего ревущего на руках у мамы братика.

— Вы что, не видите, это же ребенок! — строго втолковывала она обалдевшим стражам исламской революции по-русски. — Ре-бе-но-чек! Он плакать без мамки будет! Уа-уа-уа! Вот так! Ты спросил, может, он еще из сиськи кушает, а?

И тетя Роза артистично показала на себе, откуда кушает малыш.

Пасдары попятились, а один даже воздел руки к потолку вагона и пожаловался на что-то Аллаху.

— Воооот! — удовлетворенно прогремела сестра-кал. — Усек? А ты его в свой революционный детдом забрать решил! Вот тебя бы от сиськи оторвали и в детдом!

Моя мама аж открыла рот. Внезапным представлением от тети Розы она была удивлена не меньше пасдаров.

Сестра-кал тем временем, неуклонно наступая всем своим богатым телом, почти оттеснила вооруженный отряд из нашего купе. Пасдары от нее пятились, видимо, опасаясь совершить «харам» — грех прикосновения к голой неверной женщине, коей в глазах Всевышнего является каждая иноверка без чадры.

Когда пасдары отступили за пределы купе и столпились в коридоре напротив нашей двери, тетя Роза с воплем «Ну что, маленький, ам-ам!» сделала вид, что расстегивает на груди блузку.

Тут же дверь нашего купе с грохотом захлопнулась с той стороны. Это сделал старший автоматчик, причем стыдливо прикрыв глаза ладонью.

Сестра-кал скорее щелкнула задвижкой и выдохнула. Мама, видимо, утратила дар речи: она только хлопала глазами, ошарашенно глядя на тетю Розу.

Братику надоело рыдать, и он спросил:

— А где те дяди?

— В детдом пошли тебя устраивать, — прошипела я. — Сиди тихо, а то отдадут!

Братик обиженно заморгал.

— Не разговаривай с ним так, — ожила мама. — Он же все понимает!

— Да ничего он не понимает! — огрызнулась я. — Даже то, что это все из-за него! Не могли в Москве его родить, что ли?!

— Так, сейчас тебя предложим вместо него! — повысила голос мама.

— Ну и пожалуйста! — надулась я. — Я давно догадывалась, что я вам не нужна! За меня бы никто не стал с пасдарами биться!

— Ну что ты, деточка, я бы стала! — успокоила меня тетя Роза. — Не до выяснения отношений сейчас! Твой отец сказал, что мы должны выиграть время, чтобы он успел куда-то позвонить из их станционной конторы. И чтобы они не слышали куда.

— Боже мой! — ахнула мама. — Но куда? В Москву? Послу в Тегеран? Да кто что может сделать с этими фанатиками в этой дыре?! Да пока они свою ноту составят и отправят, мы состаримся тут! Вместе доживем до его совершеннолетия, — мама кивнула на братика.

— Увы, понятно, что ребенок — лишь предлог, — вздохнула сестра-кал. — По каким-то причинам вас хотят задержать в стране. Других советских детей, рожденных в Иране, всегда выпускали без проблем. А тут прицепились, закон какой-то вспомнили!

Мама закрыла лицо руками.

— Э, ну ты давай не дрейфь! — затормошила ее тетя Роза. — Саша сейчас в коридоре наших стражей отвлекает, чтобы муж твой успел позвонить. Мы успели договориться. Сначала у Саши с Верой якобы случайно вывалятся письма. Пока их будут изымать-оформлять, время пройдет. А как только они освободятся, Люба сделает вид, что ей плохо. Она знаешь как умеет обмороки изображать! Недаром она псих!

— Доктор-псих, — машинально поправила мама. — А как же письма? Их же кто-то передал!

— Ну ты нашла о чем беспокоиться! — возмутилась сестра-кал. — Тебе что дороже — чужие письма или твой ребенок?! Я знаешь чего больше всего боюсь?

— Чего? — встрепенулась мама.

— Что они сейчас заявят, что нельзя всех из-за одних упрямых задерживать. И всех отправят, а вас оставят. Вот тогда за вас точно никто не поручится!

— Только не это! — воскликнула мама.

— Ну мы-то точно без вас никуда не поедем, — заверила сестра-кал. — А вот что за люди в других двух вагонах, мы не знаем, знакомых там нет! Так что держим оборону до последнего!

В этот раз «тележки» (колеса поезда на более широкие, подходящие для советских рельс) почему-то меняли на нашей стороне — в советской Джульфе. По большому счету это было хорошо — меньше общаться с пасдарами, но не в нашем случае. Сестра-кал была права: самое страшное — остаться на этом полном фанатиков ночном полустанке одним, без своих.

Сколько мы просидели так в купе, я не знаю. Мне показалось, что целую вечность. Но, судя по тому, что никакой паники в соседних двух вагонах не возникло, мы были в графике, и из-за нас наши три вагона все еще не опаздывали к нахичеванскому поезду — следующему составу, к которому нас должны прицепить. Иначе пассажиры бы возмущались. Для многих было важно оказаться в Москве к определенному дню, а для наших вагонов пропустить очередной состав — потерянные сутки.

Наконец двери распахнулись, и на пороге купе снова возник наш вооруженный отряд. Главный автоматчик был все так же мрачен, но уже намного вежливее. Позади маячил папа, вид у него был довольный.

Главарь торжественно-сурово произнес какую-то речь на фарси.

— Он говорит, что наш вопрос решился и мы можем следовать в Советский Союз, — перевел папа. — Но уважаемый ага[1] хочет напомнить нам, что, согласно закону земли, наш сын все равно остается полноправным гражданином Исламской Республики Иран. И хоть мы сейчас и вывозим его против его воли, пользуясь его несознательным возрастом, наш долг пояснить ему его статус, как только мальчик будет в состоянии его осознать. В любой момент он может обрести счастливую возможность вернуться на родину, встать под знамена исламской революции и посвятить свою жизнь служению Аллаху, за что на небесах ему воздастся в полной мере. И в отличие от «кафиров»[2] он обретет загробный мир в садах Эдема, а не муки в геенне огненной....

— Господи Иисусе, прости меня грешную! — в сердцах пробормотала сестра-кал. — Страсти-то какие он несет!

— Ходахафез, сафар бахайр![3] — завершил свою пламенную речь предводитель пасдаров и поправил автомат.

Остальные молча развернулись, и отряд отправился на выход.

Папа с грохотом захлопнул купе и перевел дух.

— Свидетельство о рождении ты забрал у них?! — подскочила мама. — А то теперь еще в Союз не станут пускать, скажут, что украли ребенка у персов!

---

[1] господин — *перс*.

[2] неверных — *перс*.

[3] До свидания, счастливого пути! — *перс*.

— Все в порядке, успокойся уже, — сказал папа, доставая из внутреннего кармана злосчастное свидетельство о рождении.

— Сестра, рисовать! — заявил мой младший брат как ни в чем не бывало.

— Эх ты, рисовальщик! — потрепала я его по макушке. — Чуть без тебя не остались! Теперь опять придется с тобой сидеть, пока родители на работе. А я уж понадеялась, что с тобой тут посидят!

Мама только покачала головой.

Я подумала, что все-таки люблю своего братика и жалко было бы оставить его в Иране. Хотя с тех пор, когда младшенький мне особо надоедал, я каждый раз, как и велел главный «пасдар», исполняла свой «долг» и напоминала ему, что его ждут не дождутся в иранском революционном детдоме.

— Кому ты позвонил? — тихонько спросила мама папу.

— Одному уважаемому мулле, имеющему вес в хомейнистской верхушке, — ответил он. — Но теперь нам надо поторапливаться за кордон, пока он жив. А то этих мулл «с весом» взрывают одного за другим, не успеешь оглянуться!

— Не из-за нас же его могут взорвать?! — испугалась мама.

— У них своих проблем хватает, — улыбнулся папа. — Но, может, этот человек просто еще не знает всего. Поэтому пошел навстречу и прямо по телефону именем Аллаха распорядился оставить нас в покое, понимая, что для каждого мусульманина сын — это святое.

— Чего — всего? — переспросила мама, но тут же осеклась.

В этот момент наши вагончики дернулись, заскрежетали и тронулись.

Я вышла в коридор.

Купе тети Любы и тети Розы пропахло валерьянкой. Доктор-псих продолжала капать ее в стаканчик.

— Так удачно изобразила сердечный приступ, — пожаловалась она, — что теперь и впрямь сердце прихватило! В моем возрасте нельзя так нервничать!

— Да какой у тебя возраст-то? — осадила ее сестра-кал. — Не прибедняйся, Любань, ты еще ого-го-го! Вон как эти молодчики вокруг тебя хлопотали, даже нашатырь раздобыли! Я уж побоялась, что они теперь тебя вместо ребенка захотят себе оставить! Был бы у тебя мужской гарем!

— Ага, прямо тут, в станционном домике! — подхватила доктор-псих. — Жила бы на иранской границе предводительницей гарема из пасдаранов — красота!

— А что, Любань! Мужички здоровые, крепкие, непьющие и не гулящие, им шариат не велит. Защищали бы тебя.

— От кого? От проезжающих советских вагонов? Здесь даже не ездит больше никто!

— Ну да, от тлетворного влияния проезжающих мимо шурави! — расхохоталась сестра-кал.

— А я в вагончики, едущие из Москвы, потихоньку от мужей буду заглядывать и спрашивать: товарищи, люди добрые, водочки не найдется?! А то страсть как остограммиться хочется в этой мусульмании!

— Сейчас иншалла, как у вас в мусульмании говорят, до Баку доберемся и остограммимся! После перенесенного стресса нам положено! — обнадежила попутчицу тетя Роза.

— Ой, к добру ли ржем? — всплеснула руками доктор-псих и сама себе ответила: — Хотя шутка ли такое пережить! Расскажу дома — не поверят!

— А брат твой — теперь наш сын полка! — сказала мне тетя Роза. — После этого шоу на него претендует не только исламский революционный комитет, но и коллектив советского госпиталя Красного Креста и Красного Полумесяца! Ни ради кого в своей жизни я не вела себя так развязно, как ради твоего брательника!

— Я ему обязательно передам, когда он вырастет, — улыбнулась я.

— Но скажи, Люб, хорошо все же, что мы перед этим как следует подкрепились! — не унималась сестра-кал. — Как мы их уделали, а?! А будь я на диете, разве полезла бы на этих с автоматами?! Сидела бы в купе, как тощий заяц, и поджилками бы трясла!

— Ну, может, у тебя все жирное перерабатывается не в холестерин, а в энергию! — примирительно сказала доктор-псих.

— Еще в какую! — подтвердила тетя Роза, выпятив свой щедрый бюст. — В убойную прямо силушку!

В соседнем купе у Серегиных родителей радовались, что не пришлось пожертвовать ничьими письмами, которые дядя Саша с тетей Верой взялись доставить. Как и пообещал моему, Серегин папа якобы случайно высыпал перед носом у пасдаранского отряда запрещенную корреспонденцию, чтобы они отвлеклись и не мешали папе звонить. Пасдары было бросились распечатывать упавшие конверты, но везде натыкались на короткие поздравительные открытки с видами Тегерана. Они повертели их в руках, даже понюхали, но изымать не стали. Как знать, может, им все же хотелось, чтобы открытки дошли по адресу и шурави в своей заснеженной Москве увидели, как прекрасен солнечный Тегеран. Они швырнули письма назад дяде Саше, что-то грозно проворчав на своем, и уже хотели идти за моим папой, но тут у доктора-психа случился «сердечный приступ». Главному пришлось посылать подчиненного в другой вагон за нашатырем, не мог же он отпустить за

ним кого-то из советских пассажиров, которые не имели права покидать свои места. Бросить иностранную пассажирку на произвол главный тоже не мог: ему пришлось бы слишком долго объяснять своему руководству, отчего на вверенном ему пункте досмотра скончалась советская докторша.

Все это потом взрослые еще много раз вспоминали и обсуждали в деталях, чокаясь и хохоча во время стоянки в Баку.

* * *

Мы вернулись в Союз в начале мехра 1361-го или в конце сентября 1982-го.

Бабушка, мамина мама, временно осталась у нас в Сокольниках, чтобы посмотреть, как я «адаптируюсь в коллектив нормальных детей».

В школу я опоздала на целый месяц. А в первый день, когда я собралась на уроки, объявили субботник по уборке пришкольной территории, что означало, что можно прийти без ненавистной школьной формы.

На дворе был теплый и солнечный сентябрьский денек, настоящий «золотоосенний», в Тегеране такие стоят до самого декабря. Я надела на себя все самое новое и лучшее из привезенного с собой: джинсы Wrangler, майку Адидас, американские белые кроссовки и японскую серебристую ветровку с аппликацией в виде красных гоночных машинок. А сверху куртки еще и накинула на плечи пушистый красный мохеровый свитер, завязав его рукава спереди под шеей на манер шарфа — все это был писк моды. В спортивную сумку Монтана засунула компактный двухкассетник Тошиба.

— Не пойму, ты на субботник или на танцы? — удивилась бабушка, скептически наблюдавшая за этими манипуляциями.

— Меня в школе считают заграничной штучкой, — серьезно пояснила я, — а мой папа говорит, что человек стремится доигрывать собственный образ, навязанный ему окружающими. Иной пищит, а доигрывает.

— Вообще-то это Фазиль Искандер говорит, а не твой папа, — усмехнулась бабушка.

Затем она внимательно посмотрела на мою маму, которая в присутствии своей мамы традиционно скромно помалкивала, тяжело вздохнула и постановила:

— После того, чему подвергли тебя твои родители, ты уже никогда не сможешь вырасти нормальным человеком!

Возможно, бабушка была права. Но когда я выросла, наступили 90-е, и у них были совсем другие правила.

МИХАИЛ СТАРОДУБ

СТЕКЛЯШКИ НА ВИТРАЖ

(отрывок из повести, часть третья)

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ОСТАЛЬНОЕ, ДЛЯ ДУШИ ПОДХОДЯЩЕЕ

— Искусство — модель Идеального. Словесная, зрительная и так далее… Наше представление о прекрасном. Шанс на спасение. А иногда передышка. Или оправдание. В последнее время появилась форма «искусство — как болезнь». Творчество со знаком минус. Разного рода абсурд — в прозе, драматургии, большей части рок-музыки и так далее. Известными средствами (ритм, размер, образ) представляется (иногда достаточно остроумно, чаще агрессивно и вполне безграмотно) на всеобщее обозрение то, что, к сожалению, свойственно нам, человекам. От чего каждый, увы, не свободен. Чего стыдится нормально развивающаяся личность, руководствуясь логикой, моралью, чувством самосохранения, наконец. Что пытается преодолеть. Жестокость, похоть, насилие в бесконечных формах. Страх и боль. Такого рода отрицательные, эстетически оформленные эмоциональные выбросы производят впечатление за счет простоты и доступности. Бесспорно, положительные формы предполагают немалое встречное усилие, труд. Импульс сотворчества, чуткую, распахнутую душу, согласную (или не согласную!) с Художником, — достаточно деликатную, чтобы не вмешиваться в акт творения. Отрицающий взламывает, создающий отворяет. Минус творчество бьет, душит, коверкает. Чтобы, оставшись в единственном числе, задохнуться в тупике безысходности. Творчество со знаком плюс предлагает бесконечность. Пути, миры, откровения.

Не знаю, как у прочих, но мои открытия, умения, практические навыки, малые, а также редкие, увы, серьезные откровения, выводы и душевные наблюдения, все это, приобретенное, через время покидает. Остаются смутные воспоминания об очередном понятии или действии. Приходится постоянно трудиться, пополняя потенциал. Чтобы остаться человеком, не растерять себя. Сознание — «дырявый мешок», через прорехи которого рано или поздно уходит все.

Если бы все, что я прочитал за жизнь, что ощутил, чего желал, в чем убедился и так далее, если бы все это разнообразное хранилось, не уходило бы из организма (другой вопрос: куда? Каким образом?), — было бы весьма неудобно начинать очередной день: громоздко, а то и опасно, — можно разорваться. Но время скользит, проходит сквозь, оставляя нечто достаточно неожиданное, с точки зрения рассудка, конечно. Этот экстракт опыта, выжимка и есть, собственно, то, чем можно реально пользоваться. Существуя, так сказать, налегке, в сокращенном варианте. Разумеется, можно предполагать, что где-то в глубинах сознания имеется в полном объеме шлейф сведений, переживаний, даже фантазий и надежд, собранных личностью за дни существования. Здесь он хранится до времени... Какого?

Каждый раз для полного счастья не хватает чуть. Чуть с половиной. С третью. С ниточкой, иголочкой, ягодкой, копеечкой. Чуть с ресничкой. С маковым зернышком и пылинкой. Как ни странно, «чуть» не собирается умирать. Напротив, странным образом является ниоткуда, отвоевывая очередную долю радости. Смысл желанного тускнеет. Или отступает в будущее, к событию, которому еще только предстоит сложиться.

Ждал Учителя, но вокруг проживали всего лишь указчики («указатели»). Этих находилось даже более чем необходимо. В чем отличие? Учитель ищет вместе с учеником. Иногда для открытия очередной части Истины ученик необходим Учителю, как вторая равная половина. Часть единого разума, который в беспредельном поиске. А указчик, что ж… толкователь инструкций. Хранитель правил достаточно категоричных или относительно мягких. На случай того, что представляется указчику ограниченной, но вполне реальной действительностью («данной в ощущениях»).

Учитель — это не сумма информации о предмете, это — Путь к предмету, к содержанию и форме. Путь к законам предмета.

Разница между рабством и послушанием. В случае рабства от тебя берут для собственных целей. Используя насилие, обман. Вариант послушания предполагает ряд задач, которые необходимо решить по собственной воле (по чужому разумению), чтобы наполнить тебя знанием, ощущениями, выработать навыки, необходимые для следующего шага, в пространствах, где Путь бесконечен. Потому, что дать серьезное знание возможно только подготовленному, воспитавшему себя. Сила, которую вручают частями, чтобы не обжегся. Что и как ты с этим сделаешь? Знание — скальпель. Спешить с просьбами бессмысленно и некорректно.

Форма и форма! Собственно, приходится описывать явление именно формально, потому что суть его — бесконечна.

Странно искать содержания в музыке. Здесь содержание — это мое «я», ассоциации, эмоции по поводу более или менее гармоничного набора звуков.

С одной стороны — желание необыкновенной любви, удачи и счастливого случая. Со стороны другой, чтоб все «как у людей»: дом, семья, зарплата. То есть необыкновенная любовь в стандартных комнатах, на приличную зарплату по субботам-воскресеньям. Необыкновенность в рамках от сих до сих. Постоянная необыкновенность — токсична для обывателя, трудно переносится. Как перец, соль, вообще специи. И если уж бросить себя во что-то рисковое, то разве на время. Хлебнуть адреналина и вернуться. Заметим, что необыкновенность, как чужая кожа, — трудно приживается. Не монтируется. Как алмаз, сияющий на ручке сливного бачка в коммунальном сортире.

Кто, собственно, доказал, что мир нуждается в наших усилиях? Что вообще нуждается в каких-либо добавках? В окружающих пространствах и без того — гармония, а наша доля — слово, мысль и остальное, так ли необходимы? Кто угадает, какие формы или явления не отвергнет день? Выдохи восхищения, скрежет зубовный? Удары сердца? Взмахи ресницами? Время с нами приобретет или мы из него вычтем? День потеряет. В каплях дождя, солнечных лучах, шорохах ветра. Сегодняшний ли день? Может быть, мы строим (структурируем, формируем и так далее) день будущий? Даже и не свой? И надо ли вообще об этом задумываться, то есть человеческое ли дело — оценивать плюсы и минусы в местах, которые устроены Божественно, не по логике человека, без его спроса. Определенно, все состоявшееся в мире — это демонстрация Силы. Ее печать, отблеск, напоминание о том, что Она есть, и какая!

Красивый — не обязательно умный. Умный — не значит талантливый. Талант не всегда подарок, но — возможность однажды научиться дарить. Сильный — не всегда долгожитель. А долгожитель — не пример для подражания, он может сделаться несчастным долгожителем, занудой (живущим нам во вред непростительно долго). «Мы» означает «и я тоже», «я и остальные». Кто такие — прочие? Те, кто не я. «Я» — понятие необъективное. Допускает пристрастные оценки. «Я» не хочет быть грубым, но не может сдержаться, не желает зла, но, уступая обстоятельствам, срывается. Обстоятельства — это ряд ситуаций, в которых там, где удобно всем, должно быть удобно мне. Удачные обстоятельства — сочетание условий, когда там, где удобно мне, должно быть удобно всем. А несогласных отправить куда подальше! В иные обстоятельства!

«Сережа» — это «серый ежик», просто по-домашнему «ежа». То есть ежик — ежечик — ежа. Кто-то первый заложил в это слово свое доброе отношение. Если писать сказку про ежа, имя для него есть. Какое? Угадай с трех раз!

«Мишка». В котором хранится доля удивления. Появляется Мишка:

— М-м-м… ишь, как?

Никита — это тот, кто не кит, а… очень даже человек (и гражданин!).

Василий — во-первых, поможет без у*силий*. Во-вторых, он искал *вас* или кого-то другого, чтобы помочь без усилий. И наконец, он запросто о*сили*т любого, так что не стоит его обижать.

Евгений — потомок Евы, как и все мы. Но очень талантливый. Гений, что скрывать. Ев — гений. А еще мальчик Женя — часть дви*женья* и любого дости*женья*.

Безлюдье — это когда с нами нет Люды, безверье — это когда не пришла Вера. А когда еще и Соня загостилась в прочих местах, значит — бессонница.

На две трети «мир» из Ир, не бывает пир без Ир. Исключается кефир, запрещается трактир. Глух поэт, когда нет л*иры*. Что за рыцарь без турн*ира*? Не теряя ориент*ира*, почитайте имя Ира.

Любопытно, какая в слове «вода» заложена партитура ощущений! Стало быть, встретились однажды я и вода. От неожиданности мое:

— В-в-в!

Это все, что я в силах произнести сквозь стиснутые зубы. Далее в зависимости от времени года и моего желания отхлебнуть часть, как благо:

— О!

Ну и, по-видимому, как итог многочисленных встреч с водой, положительное:

— Да.

Мол, это именно то, что необходимо, что искал:

— Вода! — складываю я такое знакомое слово. Разумеется, не так подробно, не настолько аппетитно складываю.

Учусь говорить заново

1. «Бой»

Слово из «бо» и «ой».

— Больно? — злорадствуя, хотел бы спросить победитель. — Бо... — успевает произнести он.

— Ой! — уже откликнулся побежденный. Ему и в самом деле ой как больно...

«О» — буква общая — этих двоих и автора.

2. «Страх»

Кругом какие-то «с-с-с!», потом еще хуже — «т-р-р!». Здесь ты, разумеется:

— Ах!

3. «Война»

— Хотите, подарю приключение? — спросил случайный прохожий.

— Куда отправимся? — обрадовались дети.

— В места, которые по справедливости называют: «Ой!» Отправимся в «Ой!».

— В «Ой!»? — удивятся мальчики и девочки. — И что же, там, в местах с названием «Ой!», наверное, не очень-то весело?

— Да, — честно признается прохожий.

— Нет, не хотим, — решат мальчики и девочки. — Это приключение в «Ой!» пусть остается у вас. — На! — возвратят дети подарок. — «В» «Ой!» «На!» — крикнут они случайному прохожему. — Приключение, которого не хотим!

4. «Глагол»

Кто-то гладкий и голый, только родившийся. Молоденький, который не может усидеть на месте. Сразу начинает действовать. Глагол — это действие в чистом виде, голенькое, не прикрытое метафорами и прочим.

5. «Взрыв»

Сначала по свету разгуливало страшное «зры!». Которое просто невозможно было остановить. Там, где говорили «зры!», все разрушалось в клочья. И первый погибал тот, кто произносил это слово.

Наконец, догадались с двух сторон запечатать его невероятную энергию, замкнуть оболочкой двух «в».

Получилось «в зры! в».

6. «Люблю»

Встаньте прямо, глубоко вдохните, закройте глаза. Постарайтесь вспомнить это слово. Необходимо дважды сложить губы трубочкой, потянувшись... конечно! Навстречу тому, кого любите. Смущают «потянувшись» и «трубочкой»? Вздор! Ваши глаза все еще закрыты. Продолжайте исследования в русской словесности, и вас осенит: тот, кого любите, исполняет подобное, «потянувшись» и «трубочкой».

Счастье застало врасплох, обрушилось. Оставалось улыбаться и подставлять ладони. Он до сих пор улыбчив и растерян, с согнутыми в локтях руками — ладошки вверх — человек, ушибленный счастьем. Безмятежный инвалид. По мартовскому утру поселок стиснут коркою льда. Лед прозрачен и тонок, сквозь него — пласты весенней черной земли, снежные поляны, цветастые пятна скрюченных прошлогодних листьев. Утро солнечно, и поселок сияет, будто отлакированный. Лучики-лучи скрещиваются, набегают, мечутся в глазах. Все вокруг истекает светом. Золото и серебро плещется, кипит. Серебряное утро, золотой день под чисто вымытым небом. Блаженные лица.

— Ложку дегтя! — улыбаясь, бормочет Поэт. — Ложку дегтя мне!

Сосны чиркают по небу лохматыми верхушками, вычищая и без того ясное пространство. Утро. Резвятся в снегу щенки — белый, черный и щенок многих цветов. Школьники отправились на занятия. Поводя бедрами, вышагивают старшеклассницы. Идут школяры с рюкзачками и пузатыми портфелями. Тянутся, спотыкаясь, совсем еще «кнопки». Под синим небом, под солнцем, бежит по колена в снегу, падает, кувыркается, бежит дальше в брызгах снега мальчишка со связкой книг, перетянутых веревкой. Сшибаются тени и солнечные пятна. И понимаешь (приходит ощущение), что чувствует сосна, поскрипывая, раскачиваясь на ветру, потягиваясь. Понимаешь, что происходит с землей, истекающей талым снегом, с утром, что расстегнулось, обнаживши голубое, жаркое тело. Кажется, все это есть я. Я — мальчишка, что плещется в снегу. Я — распахнутое, жаркое утро.

Сверху, где долженствовало бы находиться небо — рушатся пласты снега. Снизу — где подразумевается земля — встают другие пласты снега. Все это сталкивается, упирается, кипит и мечется из стороны в сторону клубками и фонтанами, расхаживает стенами белого и хлесткого. День свистит-охает-завывает. Меня гнет к земле, потом выдергивает из одежды, выпотрошевывает. За спиной вдруг смыкается в кольцо ветер и, вздохнув, упершись как следует, — бросает вперед и вверх! Секунды… неумело лечу, задохнувшись в ожидании чего? Конечно же приземления! Громоздкий шлепок… мороз за воротом — под мышками — в ногах. Иду. Шаг до конца света. Из белого, зыбкого появляется угол дома, фонарный столб. Побыл некоторое время рядом — растворился. Надо бы… что? Отогреться, но как? И где я сейчас? Горстью снега растираю лицо. Пальцы плохо гнутся, щеки чужие, не мои. Круговерть расступается человеком. Белый косматый иней на шапке вкруг румяного лица, человек пьяненький. Кладет руки на плечи мои, дышит хмельным, кислым. Глаза его счастливы, руки тяжелы. Так стоим некоторое время. Он — выше ростом, пытается что-то сказать, плюется слюной, не отпускает. Резко бью по рукам. Со спины наваливаются еще двое со счастливыми глазами. Трещит одежда, сразу становится жарко, шапка сползает на затылок. Кулак упирается в мягкое, живое… раз! Другой упирается! Клубы снега разнимают нас — сверху рушатся пласты — мечутся клубки и фонтаны снизу. В двух шагах — ворочаются люди, воинственно пыхтят.

За тех, кто в море, выпьем! За тех, чья кровь не рыбья, плоть не морская пена, не паруса холстина… За тех, с кем мы едины в сей миг благословенный: стол — наш корабль, штормит, держись, коль слаб, — веревкой привяжись! Штормит, вокруг все ходуном, за тех, кто в море, пьем!

Строчка хорошего стиха — как глоток вина. Можно и нужно ощутить горечь, теплоту, терпкость. Не торопясь, цедить четверостишья, наполняя себя. Или осушить написанное залпом, чувствуя, как через короткое время смысл захватил. Одурманив или приободрив, согревая. Как оглушил, а то и отравил.

Надо ли, для того чтобы предельно ощутить что-либо — запах хвои, дождя, осенних листьев, появление любимой женщины, вкус хлеба, радость от законченного дела, прочее, бесконечно прекрасное, — надо ли быть «голодным»? Чтобы в наиболее полной мере почувствовать результат? Может быть, напротив, сделаться гурманом, знать множество дождей, дел, свежеиспеченных хлебов, чтобы ощутить неповторимость явления в ряду остального? Чтобы иметь право на выбор? Возможность сравнения?

Боровско-Пафнутьевский монастырь. Реставрационные работы. Келья Аввакума — ни разогнуться, ни вздохнуть. Жутко представить: протопоп на цепи. Дни и дни, проведенные за решеткой. Битый кирпич во дворе. Стены, амбразуры. Пахнет сухим деревом. Пять крестов собора. На свежем воздухе — душно. В трапезной — прохладно, просторно, белые потолки дугой. Позже проезжали мимо церкви, кресты которой покосились. Странные лица вокруг: длинный нос, пустые глаза. Горбунья, животастый молодчик с окороками-ручищами, седой красавец без подбородка, женщина с толстой шеей и пузырями груди. Старик с глазами, что утонули, кажется, до самого затылка, — он из прошлого века, оттуда, из кельи, с цепи.

Геленджик. Поздний вечер. Двухэтажный домик. Я — на втором этаже. Позвякивая мелочью, играют в карты там, за тонкой перегородочкой, переговариваются шепотом (чтобы не мешать!) — «совестливые» соседи, семья из Тамбова. Другие соседи — «бессовестные» (сборная тридцатилетних девиц из многих городов) — в голос хихикают с ухажерами, которые, в свою очередь, многообещающе похохатывают. Так, что стенки дрожат. «Тихая» соседка — дама лет сорока — палит электрическую лампочку на балконе. Вздыхает время от времени призывно, протяжно и горько. Трудный выдох этот сползает в ночь, к стволам кипарисов. И далее, на дорогу, подсвеченную тусклыми фонарями, в тень, к скамейкам, на которых присели пары влюбленных. Кажется, вздыхает кто-то большой. Так, должно быть, вслух мучается трансформаторная будка, киоск с прохладительными напитками. Хочется немедленно прийти на помощь.

Знание, конечно, не тот объем информации, который предъявляется по первому требованию. Знание — это ощущение, чувственная способность отличить истину от рядом стоящего, ложного. Знание там, внутри. Оно — озарение, интуиция или внутренний голос, форма толкования, на выбор. Палитра истин, из которых позволено сложить законченную картинку. При известных усилиях, разумеется.

Итак, времени — нет, пространства — нет. Скажем так: «время» и «пространство» — категории логические, чувственные, существующие внутри и вокруг нас как условие бытия. Которое (бытие это), в свою очередь, замкнуто, ограничено единственно всеобщей категорией, существующей «за» и «вне» реальности. Тем, что именуется (вероятно, достаточно приблизительно) как Истина. Данная нам реальность существует искусственно замкнуто во времени и пространстве до тех пор, пока необходимый потенциал Истины…

«не созреет», — другого аналога для толкования сути явления не нахожу! Живущему дано прибавить (разрешается всего лишь дополнить чем-либо уже имеющееся) к общечеловеческому объему Истины или — на выбор — остаться пустышкой. Движение одностороннее, процесс необратим. Результат нетленен, пассивен до времени абсолютного набора элементов. После чего — качественный переход.

Думаю, что проблема биологического бессмертия человека напрямую связана с продолжением рода. Бессмертный не нуждается в продолжении. Он сам себе предыдущий и последующий. Обособив, исключив себя из мира, спроектировав собственное биологическое кольцо, человеческая особь может надеяться на бессмертие. Изъяв себя из ныне существующего, сделавшись вне или поднявшись над природой. Собственно, сегодняшний мир дарован смертным. Он вполне может оказаться не приспособленным для существа бессмертного, новой формы разума или очередной формы Духа.

Сосняк. Холодок за воротом и в перчатках. Деревья с не зимними, чересчур зелеными и длинными иглами. Поблескивает заледенелая тропа в сторону дачи. Снега немного, по краям узенькой дорожки торчит желтая, почти белесая трава, как венчик седых, даже желтых от времени волос на лысине старика. Наконец, показался ряд сереньких, хлипких штакетин забора. Далее — подмосковный сад — корявые стволы яблонь, тощие прутики вишен и слив. Несколько замерзших плодов на ветках. Срываешь и кладешь в рот ледышку. А она — сладкая, с мякотью и вкусом сливы. То же с почерневшим мороженым яблоком: отстругиваешь зубами ленточку, пластину. Размораживаешь во рту. Тишина, в дачном поселке — я один. Жилища до времени брошены, похожи на стоптанные башмаки, поношенную одежку. Почти невозможно представить, что кому-то все это еще понадобится. Где-то захрипела ворона. День узенький, небо съежилось. Нахохлился и я: доля тепла под скорлупой куртки.

В литературу, театр, музыку уходишь, чтобы приобрести. Вернуться с чем-то почти неуловимым, но определенно необходимым для дальнейшего. С TV другое. Там оставляешь. Тебя, кажется, ненавязчиво ограбили на пару часов внимания, реже, ощущений. Но, увы, в лучшем случае не предложили ничего взамен, а в случае худшем наполнили такой дребеденью, мусором, чепухой! Требуется время, чтобы прийти в себя. Вспомнить, какой ты, собственно, был до того, как приклеился к голубому пузырю.

Художники, конечно, отличаются друг от друга тем, что один — демонстрирует, отражает, сколь получится, точно копируя человеческое лицо, дождь, цветы, прочее. А другой — растит эти цветы на холсте, знакомится с человеческим лицом, вспоминает сырость, сегодняшние капли. Художник глазеет сам, приглашая желающих присоединиться.

Среди прочих в искусстве и такой закон: никаких законов!

ТАТЬЯНА ШИПОШИНА

ИЗ НОВОГОДНЕ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ПОЭМЫ В ПРОЗЕ

(отрывок)

Главный герой в костюме Деда Мороза в поисках Снегурочки обходит все квартиры одного из подъездов пятиэтажки.

ГЛАВА 2

Квартира № 16

Добрался Вася до пятого этажа, неумело перекрестился перед квартирой, которая направо, и нажал кнопку звонка.

Перекрестился не потому, что был уж таким верующим, а потому, что не был уж таким неверующим. Мало ли что (кто) ожидает его за дверью? Могут и не посмотреть, что Дед Мороз, и ошпарить, например, кипятком.

За дверью послышались нетвердые шаги. Потом послышались звуки открываемого замка, и кто-то «тяжелым» голосом произнес:

— Кого это черт несет?

Дверь распахнулась.

— О! — произнес стоящий на пороге. — Дедушка Мороз! Тьфу, тьфу! Пошел прочь!

Стоящий на пороге сделал такое характерное движение рукой, которое под силу только крепко пьяному человеку. Да и то — после многих лет упорных тренировок. Как, например, балерина оттачивает своего «умирающего лебедя», так и тут. Не перепутаешь ни с чем.

— Не, тогда зеленые были, — пробурчал он себе под нос.

Одет стоящий — строго по канону: в грязно-голубую майку-алкоголичку и спортивные штаны с лампасами по бокам. Драные на коленке.

Видимо, чтоб у любого, кто откроет дверь в его квартиру, не возникало никаких сомнений относительно здесь проживающего индивидуума.

— Да я не… — попытался объяснить Вася. — Да я не Дед Мороз!

— То ты Дед Мороз, то ты не Дед Мороз… Ты кто? — спросил пьяный человек и начал оседать на пороге.

Видимо, устал.

Васе ничего не оставалось, как подхватить хозяина под белы ручки и приволочь его на его же собственную кухню.

— А… Дедушка Мороз… — открыл глаза хозяин.

И снова их закрыл.

На кухне хозяина, в углу, под батареей, спал гость. Почему гость? Потому, что тот, кто спал, обут в ботинки. А хозяин все-таки передвигался в тапках.

Гость укрыт блестящей гирляндой из мишуры. Праздник, однако, а не хухры-мухры!

— Дедушка, дедушка! — ворчал Вася, усаживая хозяина на табурет. — А ты, мальчик, видимо, плохо себя ведешь!

— Я-а-а?

— Ты, ты! Тебя как зовут?

— И-ик! И-и -горек…

— Вот-вот, Игорек! Мы вот со Снегурочкой решали, что Игорьку подарить. И решили — ничего Игорьку не дарить, потому что он плохо себя ведет. Квасит почем зря.

Тут хозяин стал ловить руками воздух и даже пошатнулся на своем табурете:

— А я… я машинку хотел… на радио…радио… радио-уо-уо-ур… правлении…

— Не будет тебе, Игореша, машинки! — жестоко произнес Вася-Дед Мороз. — Ты уже все свои машинки пропил, как я погляжу.

— Пр-пр-про…

— Пропил, пропил!

Вася уже огляделся и мог произнести последние слова с полной ответственностью. Потому что кроме грязного стола и пары табуретов на кухне доживали свой век два пустых кухонных шкафа. Пустоту скрыть не имелось никакой возможности, так как оторванная дверца шкафа валялась тут же, на полу.

В углу — батарея бутылок, на столе — бутылка недопитая, корка хлеба, остатки селедки.

Картина. Натюрморт «Приплыли».

— Эх, Игорек, Игорек! — вздохнул Вася.

Но, для точности, все же спросил:

— А что, Игорек, Снегурочка к тебе сегодня не забегала?

— Сне… Сне… не-а… Я бы ее…

— Да ладно! Ты бы! На табурете усидеть не можешь!

— А я хочу сти-шок рас… рассказать…

— Стишок? Ну, ты, Игореша, даешь! Что, и на табуретку залезешь?

— Зале…

Хозяин зашевелился, но Вася остановил его героические попытки.

— Сиди уже!

— Эх, блин! — Игорек махнул рукой.

Лицо его перекосилось. Он хлюпнул носом. Через минуту Игорек рыдал пьяными слезами, положив руки на стол, а голову на сложенные руки.

— Алкаш я… ал…коголик я… И мама моя была ал…коголик… и папа, и дедушка ал…коголик, и бабушка…

Вася потеребил Игорька за плечо:

— Бабушку с дедом-то хоть не трожь.

— И пра… бабушка… и пра… дедушка…

— Так ты до Адама и Евы дойдешь, — вздохнул Вася.

— Не, — не согласился Игорек. — Не, не дойду… Я стишок… я хотел рассказать стишок, а батя нажрался, и на елку не пошли…

— Так ты теперь решил батю перепить.

— Стишок! — всхлипывал Игорек.

Васе стало жаль этого бедолагу:

— Ладно, рассказывай! Дед Мороз я или нет?

Игорек поднял голову:

— Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет, — почти без запинки начал он.

Но дальше…

— Он бежит… — подсказал Вася.

— Бежит… — повторил Игорек и снова уронил голову на руки. — Жена убежала. Сына забрала. И-и-эх!

— Ладно, пошел я, — поднялся Вася. — Через десять минут — Новый год. Притормозил я тут у тебя, Игорек.

Игорек ожил.

— Выпить! Со мной! За Новый год! За но… но… новое…

— С тобой, Игореша, только за новое счастье пить! — усмехнулся Вася.

— Со мной! За новое! Сейчас!

Игореша быстренько протер нижним краем майки один из стаканов, валяющихся на столе, и подвинул стакан Васе. Потом разлил водку, по полстакана.

— Давай! Дедушка, д-давай!

Что-то такое промелькнуло во всех действиях Игорька. Что-то такое, неуловимое. Какие-то струнки в Васином сердце дрогнули, и Вася поднял налитый стакан:

— Я, как волшебный Дед Мороз, пью, Игорек, за твое новое счастье! Чтоб в Новом году ты выучил стишок и получил в подарок машинку на радиоуправлении. Ну, и все остальное, чтоб было у тебя, Игорек, не менее светлое и радостное.

Вася залпом опрокинул стакан в рот. Занюхал рукавом дед-морозовской шубы.

А Игорек посмотрел на Васю и стакан до рта не донес.

Когда Вася обернулся на пороге квартиры Игорька, он видел, что Игорек все так же стоит со стаканом в руке. Застопорился Игореша.

Дверь захлопнулась. Водка не то чтоб ударила в голову Васи, а так… согрела изнутри.

«Видно, тут и Новый год встречу», — подумал Вася и позвонил в квартиру левее.

ГЛАВА 3

Квартира № 15

Звонок в квартиру, видимо, не работал. Тогда Вася постучал в двери. Сначала потихоньку, костяшками пальцев. Безрезультатно. Потом — кулаком.

Вроде бы какое-то шевеление за дверью ощущалось, но дверь не открывали. Вася решил уже уйти. На прощание только стукнул кулаком еще разок. В сердцах.

И посмотрел на часы. И правда, без десяти двенадцать. 23.50.

Видимо, эта идея — быстренько пробежаться по квартирам — изначально являлась неправильной. Глупая идея. А теперь… Ни туда ни сюда.

Вот тебе, бабушка, и Новый год.

Вася готов был отступиться от первоначального плана. Он успел обозвать себя самыми разными словами. Посмеяться над собой и сказать себе что-то вроде: «И когда ты уже перестанешь влипать во всякие глупости!»

В это время дверь распахнулась.

На пороге стоял парень. Вроде бы помладше его, Васи. Ненамного. Нормальный парень, только бледный. Одет обыкновенно. Не пьяный. С длинны-

ми, нечесаными волосами. В волосы вплетены какие-то висюльки — цветные бусинки.

— Привет, — неопределенно махнул рукой парень. — Входите. Интересно, почему ко мне?

Вася вошел.

Темная прихожая. В прихожей — пушистые женские тапки. Комната со старой мебелью. Не со старинной, а со старой. Годов семидесятых. В буфете — тех же лет бокалы и вазочки. На полках — тех же лет книги. Цветные книжные корешки, стоящие в ряд — собрания сочинений. На спинке стула — теплый вязаный платок.

В комнате работает телевизор, только звук выключен. Какая-то певица беззвучно кривляется на экране.

Около телевизора, на тумбочке, маленькая искусственная елочка. Тоже старенькая, как и все в этой квартире. Сейчас уже не делают таких елочек.

Вася огляделся. По его предположениям, в такую комнату должна бы войти старушка, хозяйка всего этого добра.

Но старушка не вошла. И Вася спросил:

— А где ваша мама?

— Мама уехала к сестре в Тверь, — ответил парень. — Так вы — к маме?

— Да нет, я не к маме, — покачал головой Вася. — Я — вообще. С Новым годом поздравляю! Счастья, радости желаю!

— Неужели это мама мне Деда Мороза заказала? — не успокаивался парень. — Ну, дает! Все никак не привыкнет, что я вырос.

Васе ничего не оставалось, как кивнуть:

— Может, конечно, и мама!

Но про себя Вася подумал: «Наверняка мама никого не вызывала…»

— Вы прямо… это… сейчас… — развел руками парень. — Садитесь вот, на диван…

— Дело в том, что я не знаю, в какую квартиру нас вызвали. Снегурочка знает, да нет ее. А что, — улыбнулся Вася. — Лучше бы не Деда Мороза, а Снегурочку? Кстати, она не забегала сюда?

Парень усмехнулся в ответ:

— Не помешала бы и Снегурочка. Только…

Парень суетливо забегал, а Вася приземлился на диван и чуть опустил вниз бороду.

Да, со Снегурочками у парня явно напряженка. Заметно невооруженным взглядом.

Картинка на экране сменилась видом кремлевских башен. Парень включил звук и побежал на кухню. Откуда вернулся через минуту с бутылкой

шампанского и тарелкой холодца. Расположил все это на журнальном столике.

Сбегал на кухню еще пару раз, приволок тарелку с нарезкой колбасы и сыру. Вазочку с салатом оливье. Две тарелки, вилки, бокалы. И еще — вазу с конфетами и мандаринами.

Вероятно, все это заботливо приготовлено мамой. Заранее.

Президент, в телевизоре, что-то говорил о достижениях страны в уходящем году. И о больших надеждах на год наступающий.

— Вы умеете шампанское открывать? — спросил парень. — А то я… а то мне…

— Да что там уметь? — удивился Вася.

Старый год доживал последние мгновения. Вот уже куранты начали свою вечную песню, и Вася, вместе с парнем, начали считать вслух, как полагается:

— Три… семь… десять, одиннадцать… Двенадцать! Ура!

— Трах! — взвилась в потолок пробка от шампанского.

И вправду, не знаешь, где найдешь, где потеряешь… Не знаешь даже, как и с кем встретишь Новый год. Какой план имеет судьба? Это известно только ей…

Бокалы зазвенели.

— С Новым годом! С Новым счастьем!

Выпили, закусили, налили еще.

В телевизоре снова заплясали и запели. Парень поморщился и выключил звук.

— Да пусть поскачут, — добродушно сказал Вася, отправляя в рот кусок холодца. Понимая, что голоден. В кафешке-то не ел, а так, баловался.

— Не терплю! — мотнул головой парень. — Попса. Пошлятина. Кто эти программы составляет? Нарочно, наверно, всякую гадость подбирают. Чем хуже, тем лучше. А что? Пипл схавает! Кстати, будем знакомы: Аристарх.

Парень протянул Васе худую, холодную руку с длинными пальцами.

Вася даже как-то постеснялся такую руку пожимать. Хоть душа Василия с детства тянулась к искусству, Бог не обидел Васю физической силушкой. Васина пятерня могла ручонку Аристарха запросто раздавить.

— Ну и рука у тебя! — не мог не отметить Вася. — Музыкой, небось, занимался? Или занимаешься?

— Занимался… Мама все пыталась меня заставить… на скрипке.

— Не получилось, что ли?

— Нет.

— А где же ты, Аристарх, сейчас работаешь?

Такой простой вопрос почему-то ввел Аристарха в замешательство.

— Выпьем еще? — взялся он за бутылку.

— Выпьем, — согласился Вася. — Только можно, я бороду сниму и шубу? А то — запарился уже. Ты же не будешь мне стишки рассказывать?

Аристарх как-то странно взглянул на Васю:

— А ты… ты хочешь послушать?

— Мне по должности положено! — усмехнулся Вася.

— А если — без должности?

Вася понял. Он встал, поправил шубу и бороду и дед-морозовским голосом произнес:

— А вот какой стишок нам расскажет мальчик Аристарх? Давай, давай, не стесняйся!

Аристарх встал. Он покраснел!

Он взмахнул головой, чуть картинным жестом откинув со лба длинные, нечесаные волосы:

Все чернотой покрыто!
Как все темно вокруг!
Разбитое корыто
Соблазн для ваших рук…
Разбитое корыто,
И все вокруг черно…
Сырой землей зарыто
Последнее окно.
И черным покрывалом
Замотана душа…

Аристарх продолжал декламировать, а Вася вдруг вспомнил детство. Летний лагерь на берегу речки, мальчишескую палату на двенадцать коек, и ночные страшилки, которые рассказывал сосед по палате: «Там, на черной-пречерной горе, стоял черный-пречерный дом. В том черном-пречерном доме была черная-пречерная комната. В той черной-пречерной комнате стоял черный-пречерный стол. На том черном-пречерном столе стоял черный-пречерный гроб. В том черном-пречерном гробу…»

В этот момент, по правилам искусства, надо начинать бояться. Можно и кричать.

«В том черном-пречерном гробу лежал черный-пречерный человек… А-а-а! Отдай мое сердце!»

Вася махнул головой и улыбнулся (про себя), прогоняя ненужные воспоминания.

К этому времени и Аристарх подобрался к финалу:

Серебряною брошкой
Сколола сердце ты,
И словно головешки
Надежды и мечты.

Может, Аристарх ждал аплодисментов, но Вася не смог их из себя выдавить. Тогда Аристарх несмело спросил:

— Ну, как?

Тут уж Васе — не отвертеться. Надо что-то говорить… Вася и задал глупый вопрос:

— Это ты сам сочинил?

— Угу, — кивнул Аристарх.

— Ну… складно… — выдавил из себя Вася. — Только… как сказать… черного много.

— Такое состояние души, — потупил взор Аристарх.

— Значит, ты поэт?

— Ага!

— Ты, значит, нигде не работаешь, а только стихи сочиняешь?

— «…изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды…»! — как бы с гордостью процитировал Маяковского Аристарх.

Но на Васю цитата не подействовала:

— А… понятно… руду ты не добываешь, руду не возишь, а только изводишь. А кто это тебе «сердце брошкой сколол»? Реальное лицо?

Аристарх покрылся красно-белыми пятнами:

— Да нет…

— Значит, живешь с мамой. Она тебя кормит. Маме-то нравятся стихи?

— Конечно! Я и в редакции стихи рассылаю. В журналы. В издательства. Если напечатают, то это… гонорар будет.

— И давно рассылаешь?

— Года четыре. Поэтов никогда не признают, понимаешь. При жизни. Не понимают! Там все по блату! Не пробиться настоящему поэту! Потом будут драться за мои стихи! Когда это… когда я умру…

Аристарх рывком допил то, что оставалось в стакане.

«Многих и после смерти признавать не за что, — подумал Вася. — И подраться людям есть за что, кроме стихов... Но четыре года… круто, блин!»

А вслух сказал:

— Разливай, что там осталось. Давай выпьем за искусство.

На тосте «За искусство» бутылка шампанского показала дно. Часы показали 0. 55.

За окнами слышалась пальба — это подвыпившая и выпившая публика взрывала петарды и пускала в небо китайский салют.

От шампанского, выпитого после водки, Васю не то чтобы развезло, а просто на душе установилось удивительно благодушное настроение. Он даже чуть подзабыл, зачем ему вдруг понадобилось переходить из квартиры в квартиру в этом незнакомом доме.

Вася поправил так и не снятую бороду и вдруг, неожиданно для себя, спросил у Аристарха:

— А кем ты, мальчик, хотел быть, когда вырастешь? Раньше? До того, как начал писать стихи?

— Ну, и вопросы у тебя, Дедушка Мороз, — отмахнулся Аристарх.

— Отвечай Дедушке, — погрозил пальцем Вася.

— Ну, это. Как все дети. Пожарником.

— Все, да не все! — покачал головой Вася. — А какую поэму ты смог бы написать про пожарные будни!

Аристарх откинул со лба волосы и как-то странно посмотрел на Васю.

Тут Вася понял, что ему пора идти. Он встал.

— Вася, посиди еще! — поднялся и Аристарх. — С тобой так… нормально. А то не с кем слова сказать. У меня еще бутылка есть… Я тебе стихи почитаю…

— Нет, пора мне!

На душе у Васи благодушие сменилось чем-то неясным, грустным и даже чуть тревожным. Словно накрылось его благодушие «черным покрывалом».

Не о себе грустил Вася. Ох, не о себе…

Ну, может, и о себе. Чуть-чуть.

ГЛАВА 4

Квартиры № 14, 13

Площадка пятого этажа встретила Васю сиротливой прохладой. Потоптавшись по площадке и зачем-то взглянув вниз, во мрак лестницы, Вася решительно поднес указательный палец к звонку квартиры № 14.

На первый звонок никто не отозвался. Не отозвался ни на второй, ни на третий.

«В конце концов, люди могли пойти в гости или уехать, — подумал Вася. — Отрицательный результат — тоже результат. Баба с возу — кобыле легче».

Вася пристукнул посохом и повернулся направо. В ответ на его звонок раздались шаги и немолодой, шамкающий женский голос недовольно произнес из-за двери:

— Игорешка, у меня водки нет, и денег я тебе не дам! Иди, алкаш, подобру-поздорову, а то полицию вызову! Ишь, моду взял! Ни дня ни ночи на тебя нет! Хоть бы в Новый год успокоился!

— Извините, — стукнул в двери Вася. — Это не сосед ваш, а Дедушка Мороз!

— Кто?

— Дедушка Мороз!

— Из психушки сбежал, что ли?

— Нет! С Новым годом поздравляю, счастья, радости желаю!

После того как за дверью позвякали замком, дверь слегка отворилась, обнажив цепочку. Из-за этого пережитка прошлой эпохи показалась старушечья голова, обвязанная платком концами вверх.

— Што, и вправду Дед Мороз?

«Прям бабка Ежка какая-то!» — подумал Вася.

А вслух ответил:

— Да, Дед Мороз, от фирмы «Воздушный шарик».

— Шарик? Хе-хе-хе…

— Нечего смеяться, — прервал старухин смех Вася. — Вызывали?

— Может, и вызывали.

— Со Снегурочкой?

— Может, и со Снегурочкой.

— А Снегурочка была?

Старуха прикрыла дверь, зазвенела цепочкой. Дверь открылась.

— Заходи, — пригласила старуха. — Потерял, значит, Снегурку-то?

— Потерял, — вздохнул Вася и прошел в квартиру старухи. — Так была?

— Не было никого, не было! — проворчала старуха. — Растаяла Снегурка-то… хи-хи-хи…

«Точно, Яга!» — подумал Вася.

Если в квартире Аристарха все сохранилось с годов семидесятых (прошлого века, разумеется!), то в квартире «бабки Ежки» — годов с пятидесятых, соответственно.

Этажерка, шкаф, стол, покрытый белой скатертью с вышитыми по краям цветочками, стулья, дорожки на полу… Салфеточки на приемнике с про-

игрывателем и на стародавнем телевизоре. А главное — диван! С высокой спинкой, в которую вставлено небольшое зеркало. Валики по краям, подушечки. На подушечках — вышитые крестиком лебеди и старинные замки. На столе, в вазе — веточка ели с блестящим дождиком.

«Ностальгирует Ежка по гусям-лебедям», — подумал Вася.

Да, от такой квартиры только каменное сердце не охватит ностальгия… По чему-нибудь…

— Пришел, так поздравляй! — прошамкала старуха, усаживаясь на стул.

Во рту у бабки, как у взаправдашней бабки Ежки, виднелся один (один!) зуб.

«Надо же! — подумал Вася. — А я думал, что так не бывает!»

Бабка нащупала на столе пульт от телевизора. Убрала звук. Уселась на диван.

— Давай, давай!

Вася расправил плечи:

— Я Мороз, Красный нос,[1]
С белой бородою.
Ущипну — так до слез!
Не шути со мною.

— Ущипнет он! — тут же отозвалась старуха. — Кто тебе еще позволит, щипаться-то!

Вася продолжил:

— Почему вы, бабушка, все время недовольны! — стукнул посохом Вася. — Может, хотите Дедушке Морозу стишок рассказать? Или историю какую-нибудь?

— Стишки я все позабыла, а истории мои — не тебе слушать!

— Что-то, бабушка, вы как-то невесело Дедушку Мороза встречаете! Может, сами посоветуете Дедушке, как ему вас развеселить?

При слове «посоветуете» старуха аж вскочила с дивана:

— Чур меня! Чур меня! «Посоветуете!» Кто ты такой, чтоб я тебе советы давала! Кто ты такой, чтоб я на тебя последний зуб потратила! «Посоветуете!» Ишь, чего захотел! «Посоветуете!»

Старуха замотала руками. Еще несколько раз прошамкала: «Пошоветуете ему!», «Ишь, чего жахотел!» «Ишь, выишкался!»

[1] Строки из стихотворения Э. Богуславская «Дед Мороз».

Вася понял, что взаимопонимания со старушкой он вряд ли добьется. И что пора ему эту квартиру покинуть. Чем скорее, тем лучше. Но все-таки спросил:

— Бабушка, а вы мне не скажете, какая связь у моих слов с вашим последним зубом?

Тут старуха приостановилась. Встала с дивана. Оперлась руками о стол. И прошептала:

— Да ты — не виноват. Это я — несчастная…

Тут старуха неожиданно всхлипнула и закрыла лицо руками:

— Проклятие на мне. Проклятие. Сын родной проклял меня, вместе с фифой своей, с невесткой этой… Бедная я, несчастная… Сижу одна, как проклятая…

Старуха снова опустилась на стул:

— У-у-у… бедная я, несчастная!

«Нет, нельзя уходить!» — подумал Вася.

Он подошел к старухе и погладил ее по косынке.

— Расскажите, что случилось. Может, все не так и страшно. Может, никакого проклятия и нет?

— Как же — нет? — всхлипывала старуха. — Как же…

Через некоторое время старуха взяла себя в руки.

— Ты мне скажи, Дед Мороз, — спросила она. — Это что, сын тебя мне заказал?

— Сын, — кивнул Вася. — Наверно. Я не знаю, в какую квартиру меня вызвали. Снегурочка должна была квартиру назвать. Но не явилась. Застряла, видно, в пробке. Вы лучше расскажите, что с вами?

— Сын… — протянула старуха. — Сын… Они раньше со мной жили. Сын с невесткой да внук. А сейчас — квартиру сни́мают! При живой-то матери, при двухкомна́тной квартире — ушли и квартиру снимают!

— Чего ушли-то?

— Да забодала, говорят, я их своими советами! И ничего я особенного не советовала. У этой невестки — руки не из того места растут! Ни готовить, ни стирать, ни убирать не умеет! И ребенка воспитывают они неправильно! И деньги копят неправильно, и вообще! Ну как матери советов не давать? Нет, ну ты скажи, как матери советов не давать? А?

— А при чем тут проклятие?

— Один раз… ну, сказала я невестке пару слов. А она… «Вы, — говорит, — мама, скоро в постель к нам залезете и будете советы давать, куда мне ноги складывать!» Ну, и разревелась она. Реветь-то горазда! Фифа! Только название одно, что с высшим образованием!

— Гм…

— А сынуля возьми и скажи...

Тут бабка сделала паузу. Чтобы сморкнуться в большой платок, который извлекла из кармана.

— Так и сказал: «Если бы, мама, у тебя после каждого совета зуб вылетал, ты бы советы давать перестала бы!»

— Так проклятие-то в чем?

— А вот в чем. Ну, я ему и отвечаю: «А я тебе, сынок, дам совет: не лезь, когда мать говорит!» И тут же… тут же… вдруг выпал у меня передний зуб. Прямо я его себе в ладонь и выплюнула.

— И что, так все и выскочили? — удивился Вася.

— Один остался, — вздохнула старуха. — Я уж сыну с невесткой перечить потом перестала, да они все равно ушли. Ну да, ругала я его. За проклятие-то. А он: «пародонтоз да авитаминоз!».

— Может, и правда… авитаминоз?

— И ты туда же… Последние три зуба от соседей повыпадали!

— Это как?

— Игорешкиной жене (это сосед наш, алкаш) посоветовала от Игорешки уйти. А мамаше этого дурака, бездельника этого…

— Аристарха, что ли?

— Вот, ты его знаешь! Говорю мамаше: «Прекрати его кормить, обалдуя великовозрастного! Гони его на работу! Ему вагоны разгружать, а он груши околачивает! Кому они нужны, стишки его. Чай, не Пушкин!»

— Ну, и что?

— Што, што! Вывалилшя жуб…

— А третий?

— Да эти… соседи рядом. Все им на месте не сидится. То в Турцию, то в Таиланд. Я им говорю: «Я бы на вашем месте лучше бы денежки копила!» А то — голь и моль! Как подсоберут — так куда-нибудь за границу и едут! Даже на Новый год и то уехали! Не удержалась… посоветовала… На свою голову.

— Я думаю, вам к стоматологу надо, — вздохнул Вася. — Да и питаться надо… получше. Небось, копите денежки, а? Еду хорошую, небось, не покупаете?

— Коплю, — согласилась старуха. — Да ему же, сыну, и коплю! Я ж их в могилу не заберу!

— У сына, наверно, зарплаты хватает, — предположил Вася. — И у невестки тоже.

— А чего это ты моими денежками интересуешься? Думаешь, зашел к старухе, так ее и ограбить можно! Ну, уж нет!

Старуха вскочила.

— Нет! Я тебе советую — убирайся-ка ты, мил-человек, отсюда!

Старуха даже занесла свою старческую руку — вроде как замахнулась на Васю. И тут же руку опустила. Сжалась, скукожилась…

Согнулась и выплюнула на ладонь последний зуб:

— Ах ты… Ах ты…! Ввел, ввел во искушение… Заставил шовет дать… Ах ты…

Вася поправил бороду:

— Парадонтоз у тебя, бабушка. Парадонтоз и авитаминоз. Купи себе икры красной, да мяса кусок пожарь. Подобреешь и не будешь людей во всех смертных грехах подозревать.

— Да кто ты такой, чтоб мне шоветы давать? — шамкала старуха, сжимая в ладошке последний зуб.

— У тебя, бабуля, не только пародонтоз. У тебя еще и склероз. Дед Мороз я! Дед Мороз!

Тут Вася слегка поклонился. Уже у двери произнес:

— На этом разрешите откланяться. И пожелать вам в Новом году…

— Может, оштанешься? — вдруг по-человечески попросила старуха. — Жуб последний… обмыть бы надо. Ну, и жа Новый год… А то я тебе не налила даже…

Но Вася уже ступил на площадку.

— Будь здорова, бабушка. Здорова будь.

ВИКТОР ЧЕРНЯК

Московский союз литераторов. Доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук (РАЕН), действительный член Международной академии инвестиций и экономики строительства (МИАЭС), действительный член Europa Akademieder Naturwissenshaften (Германия). Почетный деятель науки. Автор и соавтор осуществленных проектов. Последняя должность — Генеральный директор Центра инвестиционного проектирования. Издал более 200 научных книг, а также более 100 художественных и научно-популярных. Среди них: 4 тома Истории экономики строительства, 5 томов о современной Москве (продолжается), «Большие романы», «Это было при нас», стихи «Элементарные частицы». Был главным редактором альманаха «Литературный перекресток». Награжден медалями, орденами, дипломами, грамотами (советскими, российскими, зарубежными). В том числе: «Во славу и пользу отечества», «За заслуги», «Золотой орел» и другими. Лауреат РАЕН («За цикл новых учебников»), лауреат премии И. Бунина.

ОТСТАЮЩИЙ КЛАСС, ИЛИ ЦЕНА ОЦЕНКИ

Я прихожу в бешенство от одной мысли о том, сколько бы всего узнал, если бы не ходил в школу.

Джордж Бернард Шоу

Я никогда не позволял, чтобы мои школьные занятия мешали моему образованию.

Марк Твен

У школы нет ничего общего с образованием.

Уинстон Черчилль

Всех учили. Но не каждому повезло. Учителя проводили свой педагогический эксперимент, ученики, как умели, сопротивлялись. Некоторые благополучно выбирались из школьных коридоров в жизнь, другие навсегда остались прилежными учениками.

Первый обладатель Нобелевской премии по экономике, профессор Оксфордского университета Ян Тинберген, голландский экономист, считал,

что скука, формализм, перегрузка сухими, абстрактными знаниями, пугающая система отметок — все это вызывает сопротивление в ребенке. К этому «учебному» процессу можно добавить процесс «воспитательный» — бесконечные нотации, вызовы в кабинет директора, угроза исключения из школы, дикие записи в дневнике.

Мария Склодовская-Кюри — французский и польский ученый-экспериментатор (физик, химик), педагог, общественный деятель, первый дважды нобелевский лауреат в истории. Свою дочь, Ирен, она хотела избавить от муштры и зубрежки, от школьной бессмыслицы. «Иной раз у меня создается впечатление, — писала Мария Кюри сестре, — что детей лучше топить, чем заключать в современные школы».

Решительная Мария Кюри («Похитительница мужей! Распутница!» — так писали о Марии Склодовской-Кюри газеты по всей Европе) не стала топить свою дочь, а нашла другой способ ее спасения. Вместе с несколькими близкими друзьями, такими же выдающимися учеными, она организовала школу для десятка детей. В этой школе учителями стали сами родители. Кажется, никогда и нигде не было школы с таким блестящим преподавательским составом. Математику преподавал Поль Ланжевен — отец четверых детей и любовник Марии Складовской-Кюри. Уроки химии проходили в лаборатории Сорбонны под руководством лауреата Нобелевской премии французского химика Жана Батисты Перрена, физике учила сама мадам Кюри в своей лаборатории.

Такие же учителя преподавали литературу, историю, иностранные языки, естествознание, рисование, лепку, шитье и даже огородничество. После двух лет этой идеальной школы дочь Марии Кюри, Ирен, тоже будущий нобелевский лауреат, поступила в колледж.

В других школах жизнь шла своим чередом. Будущие знаменитости постоянно огорчали своих учителей — сначала потому, что плохо учились и тем самым портили репутацию школы, а потом — потому что стали знаменитыми и тем самым как бы подвели своих педагогов, которые в свое время были уверены, что оценивали их по заслугам, то есть посредственно. Списки беспросветных тупиц от А до Я с упорным постоянством перекочевывают из позорных школьных журналов в академические справочники и энциклопедические словари.

Самые выдающиеся люди, гении «от Бога» и гении «от себя», кажутся своим учителям не только малоспособными, но и слабоумными, они редко и ненадолго попадали в число первых учеников, куда, впрочем, и не стремились.

Каждый знает: никогда не забываются травмы, нанесенные в самую ранимую пору детства. И десятилетия спустя прославленные поэты, ученые,

живописцы — бывшие тупицы, двоечники, второгодники — в письмах, дневниках, мемуарах жаловались на незаслуженную кару школьного начальства. Потрясение было так велико, что вспоминали с такой обидой, будто все это произошло лишь вчера. Пытались понять и не понимали.

Для гениального труженика Оноре Бальзака, одного из основоположников реализма в европейской литературе, колледж, где он учился, по его словам — «тюрьма детства». Писатель Татьяна Толстая в «Женской доле» тоже пишет: «Школа — первая примерка тюрьмы».

«Высшая и конечная цель Пушкина, — написал директор лицея в официальном отзыве, — блистать, и именно поэзией; но едва ли она найдет прочное основание».

Карлу Линнею (ботаники всего мира считают его создателем этой науки, к тому же он является создателем литературного шведского языка в его нынешнем виде) учителя пророчили карьеру сапожника.

Германа фон Гельмгольца (немецкий медик, физик, физиолог, психолог и акустик; исследовал зрение и слух человека, скорость передачи нервных сигналов, изобрел некоторые медицинские приборы) школьные учителя признали чуть ли не слабоумным.

Исаак Ньютон — английский физик, математик, механик и астроном, один из создателей классической физики, автор фундаментального труда «Математические начала натуральной философии», в котором он изложил закон всемирного тяготения и три закона механики, ставшие основой классической механики. Разработал дифференциальное и интегральное исчисления, теорию цвета, заложил основы современной физической оптики, создал многие другие математические и физические теории… Так вот у Ньютона были отвратительные отметки… по физике и математике.

Луи Пастер — французский химик и микробиолог, член Французской академии, один из основоположников микробиологии, создатель научных основ вакцинации и вакцин против сибирской язвы, куриной холеры и бешенства; его труды легли в основу стереохимии; его имя широко известно благодаря созданной им и названной позже в его честь технологии пастеризации — преподаватели уверяли, что он просто не способен понять… химию.

Юстус Либих — выдающийся немецкий химик, изобретатель известного всем химикам и широко используемого по сей день холодильника, получившего его имя, открыл хлороформ, уксусный альдегид, карбоновые кислоты и множество других веществ; предложил эффективный способ оценки

качества продуктов и разработал рецепт мясного концентрата, известного нам как бульонные кубики; по сути, создал такие науки, как агрохимия и биохимия. Так вот — Юстоса Либиха даже исключили за неуспеваемость.

Особую группу «бездарных» учеников составляют второгодники, для которых это событие оказалось сильным ударом на всю жизнь и которые, разумеется, остались незамеченными самими учителями — судьями. На второй год (по разным причинам) были оставлены:

Аносов, Николай — хирург.
Бенуа, Александр — художник.
Бродский, Иосиф — поэт.
Брусилов, Алексей — военачальник.
Бунин, Иван — писатель.
Гауптман, Герхарт — писатель.
Гоголь, Николай — писатель.
Гончаров, Иван — писатель.
Галуа, Эварист — математик.
Дали, Сальвадор — художник.
Достоевский, Федор — писатель.
Есенин, Сергей — поэт.
Мане, Эдуард — художник.
Манн, Томас — писатель.
Нушич, Бранислав — писатель.
Романов, Пантелеймон — писатель.
Тракль, Георг — поэт.
Чехов, Антон — писатель.
Фет, Афанасий — поэт.
Эренбург, Илья — писатель…

И это далеко не все. А сколько их вообще бросивших забивать себе голову школьной премудростью, оставшихся без всякого аттестата!

— У тебя только и есть интерес к стрельбе, возне с собаками и ловле крыс, — приходилось слышать Чарльзу Дарвину, — ты будешь позором для себя и своей семьи.

«Мой успех как человека науки, — писал много лет спустя Чарльз Дарвин, — каков бы ни был размер этого успеха, явился результатом умственных качеств и условий… Воистину удивительно, что, обладая такими посредственными способностями, я мог оказать довольно значительное влияние на убеждения людей науки по некоторым важным вопросам».

Грустно знать, что люди, подобные Гейне и Шоу, Достоевскому и Золя, провели немало горьких часов в школьных стенах, оставаясь в списке неспособных, трудных учеников.

«Мы обыкновенно улучшаем биографии великих людей, подсыпая им в аттестаты пятерки», — писал Виктор Шкловский.

Говорят, Салтыков-Щедрин, написав сочинение за дочь, получил «двойку», да еще с припиской: «Не знаете русского языка».

Юлия Друнина на всю жизнь запомнила и незадолго до самоубийства пошутила:

А поэтесса Друнина тогда
Считалась в школе попросту тупицей…
Когда б вернуться в школьные года,
Я на отлично стала бы учиться.

Наверно, только в этом случае.

В конце 1980-х годов были опубликованы данные одного опроса, проведенного Институтом Немана в Яффе (Израиль). Ответы дали 450 человек, отобранные в качестве одаренных учеников 15 лет назад. Теперь им было 26–28 лет. Все они сдали в свое время экзамены на степень бакалавра, набрав более 18 баллов (по 20-балльной шкале), что является выдающимся результатом. Из них 70 процентов избрали профессию инженеров, что довольно банально. Нобелевских лауреатов среди них нет. Нет их и среди выпускников школы для одаренных детей, основанной в Калифорнии (США) в 1962 году Норманном Мирманом. Здесь учились 275 человек в возрасте от 3 до 18 лет. «Среди них три 9-летних мальчика, знающих математику на уровне инженера, — говорил Мирман. — Родители платят 8500 долларов в год. В классах не больше, чем 15 учащихся. Учителей мы ищем среди университетских преподавателей. Они достаточно вооружены знаниями, чтобы иметь дело с одаренными учениками, которые везде находят ошибки, даже в учебниках». Многочисленные примеры, надеюсь, докажут обратное. Будущих одаренных людей искать надо не среди одаренных школьников, а как раз среди отстающих. Но кто ж на это решится?

Уроки литераторам

Однажды Бальзак («Шагреневая кожа, Гобсек, Евгения Гранде…») объявил, что занимается графологией. К нему пришла пожилая женщина с ученическими тетрадками и попросила определить будущее ребенка по почерку. Нахмурив брови, Бальзак внимательно изучил тетради и сказал, что ребенок подвижный, но тупой и ничего хорошего от него ожидать нельзя. А женщина

неожиданно засмеялась, смутив «графолога». «О, дорогой Бальзак, — сказала она, — как же вы не узнали своих собственных школьных тетрадей!»

В училище Бальзак не достиг никаких успехов; родные и учителя видели в нем мальчика, которого надо постоянно понукать. Его считали до того малоспособным, что если ему случалось сказать что-нибудь осмысленное, то даже мать обыкновенно говорила: «Ты, конечно, сам не понимаешь, что говоришь, Оноре».

Враги Даниэля Дефо («Робинзон Крузо») всю жизнь корили его недостаточным образованием. Даже, несмотря на то, что он превосходно знал пять языков и написал многочисленные сочинения по различным отраслям знаний.

Маленький Гёте («Фауст») не был вундеркиндом, да поэты и не бывают таковыми.

Оливер Голдсмит, автор «Векфильдского священника», «Гражданина мира», «Ночи ошибок», был абсолютно неспособен корпеть над тем, что не давало пищи его воображению и презиравший усидчивую посредственность, прослыл тупицей, нередко был предметом насмешек и издевательств.

Профессор Эндрю Далзелл однажды заявил, что Вальтер Скотт («Айвенго, Роб Рой, Квентин Дорвард») — тупица и останется таковым. Позднее, правда, они стали друзьями.

Беранже, знаменитый французский поэт, писал в своей биографии: «Я много слушал и мало говорил. Учился многому, но не выучился почти ничему».

В очерке «Байрон» А. С. Пушкин, надо думать не без удовольствия, заметил: «В классе он был из последних учеников — и более отличался в играх…»

Директор лицея Е. А. Энгельгардт в марте 1816 года дал официальный отзыв о своем ученике — Александре Пушкине: «Его сердце холодно и пусто, в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как никогда еще не бывало юношеское сердце…» Ну и директор! Чем не Дантес?! За четыре месяца до выпускных экзаменов Пушкин получил несколько нулей и даже в «российской поэзии» единицу.

Из журнала, веденного надзирателями гимназического пансиона, где учился Яновский (Н. В. Гоголь), известна следующая запись: «Самые отличные в худом поведении. Во время дневных дежурств замеченными были многократно за шалость, драку, неопрятность и непослушание: (такие-то) и Яновский (Гоголь) получили достойное наказание за их худое поведение…» До экзамена Н. В. Гоголь «состоял во втором отделении, но по экзамену не переведен в третье, а оставлен в том же отделении».

Поэт Генрих Гейне писал: «Матери моей пришлось отказаться от мечтаний о моей блестящей карьере; учению, имевшему в виду эту цель, наступил

конец, и странное дело! — в сознании моем не осталось ни малейшего следа, до такой степени было оно ему чуждо. Это были всего-навсего механические достижения, отброшенные мною, точно никчемный хлам».

В детстве Александр Дюма («Граф Монте-Кристо, Три мушкетера, Королева Марго») мало чему научился: усвоил начатки латыни, грамматики да еще усовершенствовал свой почерк, приделывая к буквам всевозможные росчерки, сердечки и розочки. Это могло стать его единственной профессией.

Устные экзамены Эмиля Золя («Жерминаль, Нана, Деньги, Ругон-Маккары») проходят неудачно. Во-первых, он не знает дату смерти Карла Великого; во-вторых, экзаменатор по французской литературе счел, что суждение Золя о творчестве Лафонтена идет вразрез с общепринятыми взглядами: полный провал.

Писатель Герхарт Гауптман («Перед заходом солнца, Ткачи, Потонувший колокол») в школе считался дураком. Он дважды оставался в одном классе на второй год.

Георг Тракль, гениальный австрийский лирик-экспрессионист, не мог перейти в секунду (шестой и седьмой классы немецких школ). Совершенно убитый, он бросил школу и начал изучать аптекарское дело.

Одно из своих стихотворений венгерский классик Шандор Петефи начинает словами:

Это правда, я ленился в школе
И за партой помирал с тоски.

О своих школьных годах Александр Иванович Герцен писал: «Я любил чтение столько же, сколько не любил учиться. Страсть к бессистемному чтению была вообще одним из главных препятствий серьезному чтению. Я, например, прежде и после терпеть не мог теоретического изучения языков, но очень скоро выучился кой-как понимать и болтать с грехом пополам и на этом остановился, потому что это было достаточно для моего чтения».

«Мое учение — это настоящая борьба за существование и независимость, — писал Бранислав Нушич в «Автобиографии», одной из самых смешных книг в мировой литературе. — Это была поистине беспрерывная и длительная борьба, в которой участвовали, с одной стороны, учителя и наука, а с другой — я. Разумеется, борьба была неравной, и мне почти всегда приходилось уступать; утешение я находил в мудрой народной пословице: «Умный всегда уступает». Но уступать я должен был еще и потому, что учителя, видя во мне противника, применяли один и тот же излюбленный, но весьма нечестный прием: на уроках, экзаменах они всегда спрашивали меня то, чего я не знал. Таким образом, они лишали меня возможности добиться

успеха в борьбе за независимость… Я окончил начальную школу благодаря не столько своему прилежанию, сколько отцовскому вниманию к учителям». В гимназии у Нушича что-то тоже не складывалось. «Само собой разумеется, что уже в конце первого года обучения я провалился на экзаменах по трем предметам и остался на второй год в первом классе».

«…Лев Николаевич Толстой, хотя и получил по арабскому языку на экзамене в Казанском университете пятерку, хотя и удивил своими математическими способностями самого Лобачевского, не был даже троечником», — писал Виктор Шкловский. О причинах своего ухода из университета сам Толстой рассказывал: «Меня мало интересовало, что читали наши учителя в Казани…»

Антон Павлович Чехов никогда не получал за школьные сочинения больше тройки. «Много испортила она (*школа*) моих детских радостей», — вспоминал Чехов.

У истоков воспитания Джорджа Бернарда Шоу стоит гувернантка. «Смешно сказать, — писал Бернард Шоу, — она всерьез пыталась научить меня чтению. Я же как-то не припомню, чтобы книжная страница была для меня миром за семью печатями. По-моему, я родился грамотным». Гувернантка научила Шоу складывать, вычитать, умножать, но делению научить не смогла, долбила свое: «Два на четыре, три на шесть», а что означает в этом случае «на» — не разъяснила. Узнал я это в первый же день в школе, и торжественно заявляю, что только этому меня школа и выучила». В школе он был, по его собственным словам, предпоследним или последним учеником. Шоу еле-еле тянул по всем предметам, удавались ему только сочинения. Причину своего отставания в школе он осознал намного позднее: «Я не могу запомнить того, что меня не интересует. У меня капризная память, причем выбор ее не отличается строгостью. Я совершенно лишен стремления меряться с кем-нибудь силами, равнодушен к поощрению и похвале и, понятно, не люблю конкурсных экзаменов. Если победа достается мне, разочарование моих соперников меня не радует, а огорчает. Поражение не ранит мое самолюбие. Кроме того, у меня достаточно веры в свои силы и ни к чему мне искать им удовлетворения в какой-то там «степени», в золотой медали, да в чем угодно...»

Много позже высказанная кем-то просьба поместить в школьном учебнике одну из пьес нобелевского лауреата Бернарда Шоу «Святая Иоанна» подняла в его душе воспоминания и исторгла вопль: «Нет! Да будет навеки проклят загоняющий меня в учебник! Я не хочу, чтобы меня ненавидели, как Шекспира! Не желаю, чтобы мои пьесы стали орудием пытки!..»

Писатель Алексей Николаевич Толстой сообщал о себе: «Лет десяти я начал много читать — все тех же классиков. А года через три, когда меня

с трудом (так как на вступительных экзаменах я получил почти круглую двойку) поместили в Сызранское реальное училище, я добрался в городской библиотеке до Жюля Верна, Фенимора Купера, Майн-Рида и глотал их с упоением, хотя матушка и вотчим неодобрительно называли эти книжки дребеденью».

Сын профессора математики Бугаева — поэт Андрей Белый — не только плохо учился в школе, но позднее, в 1928 году, пытался дать этому вразумительное объяснение:

«Мой отказ от учения был моим «да», сказанным алканью подлинного учения, товарищи удовлетворялись «пятеркою»; я удовлетворился бы только системою знания; а эта система вырастала из организации моих собственных интересов, из роста их… С четвертого класса я начинаю учиться у себя, и моя борьба с неправильным внедрением «ложной учебы» принимает вид настоящей революции: с организованным подпольем и с бомбами; решение себя обучать, минуя гимназию, минуя наш дом, крепнет после поражения с естествознанием: весь второй и третий класс я проплыл с любовью к естествознанию и жаждою иметь соответственную литературу: я выковыривал из детских журналов и книг все, что носило отдаленное приближение к природе — к ботанике, к зоологии, к метеорологии: и, за отсутствием книг, я должен был с естествознанием разорвать; грустно признаться: имея такого отца, с такой библиотекой, заключающей Дарвина, Бэкона и так далее, я не имел дома естественно-научной пищи; да, — не имел, потому что, во-первых, никто не принес мне в комнату Дарвина, а во-вторых, какое ни есть развитие, но факт остается фактом: «Происхождение видов» — не книга для двенадцатилетнего…»

Гимназия, по словам Александра Блока, отталкивала его своим «страшным плебейством», не соответствующим его «мыслям, манерам и чувствам».

Николай Гумилев учился плохо, окончил гимназический курс лишь в 20 лет. Правда, к этому времени он сумел издать сборник «Путь конквистадоров», который переиздается спустя сто лет после казни поэта.

В автобиографии «Я сам» Владимир Маяковский писал: «905-й год. Не до учения. Пошли двойки. Перешел в четвертый только потому, что мне расшибли голову камнем (на Рионе подрался), — на переэкзаменовке пожалели… Перевелся в 4-й класс пятой гимназии. Единицы слабо разноображиваемые двойками. Под партой “Анти-Дюринг”». Маяковского, по словам поэта, «из пятого вышибли класса» гимназии. Учился он затем несколько лет в училище живописи. Однако запятые ставить не умел…

Павел Антокольский учился, по собственному признанию, весьма посредственно. Пришлось нанять репетиторов.

О своих школьных годах Александр Грин писал: «Довольно большая библиотека Вятского земского училища, куда меня отдали девяти лет, была причиной моих плохих успехов. Вместо учения уроков я при первой возможности валился в кровать с книгой и куском хлеба, грыз краюху и упивался героической живописной жизнью в тропических странах... По истории, Закону Божию и географии у меня были отметки 5,5 — 5+, но по предметам, требующим не памяти и воображения, а логики и сообразительности, — двойки и единицы: математика, немецкий и французский языки пали жертвой увлечения чтением похождений капитана Гаттераса и Благородного Сердца… Задачи, заданные решать дома, почти всегда решал за меня отец, иногда за непонятливостью мне влетала затрещина».

Когда Томасу Манну было 26 лет, он издал свой первый роман «Будденброки» и сразу приобрел мировую известность. В коротком эссе под названием «В зеркале» 32-летний Томас Манн писал о себе: «У меня темное, зазорное прошлое, и мне крайне неловко распространяться о нем перед нашими читателями. Начнем с того, что я гимназист-недоучка. Не то чтобы я провалился на выпускных испытаниях — утверждать это было бы прямым бахвальством. Я вообще не дотянул до последнего класса и уже во втором был стар, как вестервальзский заповедник. Закоренелый лентяй, не знающий ничего святого, ненавистный учителям старинного и почтенного учебного заведения — достойным мужам, которые с полным правом и вполне обоснованно единодушно предрекали мне верную гибель, — я только в силу какого-то, мне самому неясного, преимущества стяжал почтительную приязнь некоторых моих соучеников». К этому можно добавить, что нобелевский лауреат Томас Манн однажды остался на второй год, а также то, что он «стяжал почтительную приязнь» не только своих соучеников, но и читателей всего мира, за исключением, вероятно, своих школьных учителей.

Генрих Белль, один из наиболее читаемых писателей Германии второй половины XX века, в аттестате зрелости получил «тройку» по родному немецкому языку.

Бертольд Брехт — писатель, теоретик искусства — вспоминал: «В народной школе я проскучал четыре года. В течение девяти лет закутывала сонным коконом аутсбургская реальная гимназия, и за это время мне не удалось сколько-нибудь существенно способствовать умственному развитию моих учителей. Они же неустанно укрепляли во мне стремление к безделию и независимости». Провалив один из письменных экзаменов в средней школе, Брехт отметил красными чернилами в своей работе незамеченные учителем ошибки. Растерявшийся учитель попросил тетрадь, чтобы серьезно ее посмотреть.

Назад Брехт ее не получил, но отметка была исправлена и ученика перевели в следующий класс.

В произведении «Автор о самом себе» Лион Фейхтвангер («Безобразная герцогиня, Гойя, Иудейская война») писал: «98 преподавателей, в общей сложности, обучали его 211 научным дисциплинам… Писателю Л. Ф. понадобилось целых 19 лет на то, чтобы полностью вытравить из своей памяти 172 из 211 предметов».

В табеле Антуана де Сент-Экзюпери («Маленький принц») дисциплина и вежливость оценивались самой низкой оценкой — «е». Такую же оценку он получил за прилежание и опрятность. Все это создало будущему автору «Маленького принца» репутацию посредственного ученика. В 1909 году Антуан становится учеником коллежа Нотр-Дам де Сент-Круа. Курс наук он прошел на положении экстерна, и это немного спасает его от бдительного ока отцов-иезуитов, от мертвящего однообразия школьных порядков. Учился он средне, занимался тем, что его больше интересовало, вел себя не всегда чинно, получая неважные баллы за прилежание и опрятность. В 1919 году Сент-Экзюпери держит экзамен в военно-морское училище, но срезался на… сочинении.

Писатель Андре Жид («Пасторальная симфония, Изабель, Подземелья Ватикана»), увенчанный лаврами классика французской литературы и званием лауреата Нобелевской премии, говорил, что в школе он иногда симулировал обмороки, чтобы избежать «школьных мук».

Член Французской академии, Франсуа Мориак (Клубок змей, Агнец, Дорога в никуда) окончил литературный факультет в Бордо и в 1952 году стал нобелевским лауреатом… В школьные годы его нередко охватывало чувство слабости и боязни. То был «страх из-за неприготовленного урока, из-за невыполненного домашнего задания, страх перед тем, что тебе залепят по физиономии мячом во время игры».

Сын учителя, Виктор Шкловский, говорит: «…учился плохо». «Написал диктовку с кляксами и ошибками — меня не приняли… Мимо третьего реального до сих пор иду с уважением, вздыхая о не достигнутом. Ходил в классы, учился пестро, делал в диктанте грамматические ошибки… Был у меня ужасный порок: орфографические ошибки в диктанте».

«Приближался конец первой четверти, — вспоминал о своих школьных успехах Евгений Шварц («Обыкновенное чудо, Дракон, Тень»). — Получив отметки, я несколько огорчился. Пятерка была одна — по Закону Божьему. Четверка по русскому устному. Остальные — тройки… Напрасно я спорил, крича и обливаясь потом, что, коли двоек нет, — значит все отлично».

Вениамин Каверин («Два капитана, Открытая книга») вспоминал о своих школьных годах: «Если в задаче говорилось о купцах, отмерявших сукно какими-то локтями, мне представлялись эти купцы с румяными скулами, угодливые и наглые, торговавшие в суконных рядах… Все это кончилось тем, что я провалился. Это была первая неудача в моей жизни. Я провалился главным образом потому, что не мог представить себе, что могу провалиться…Не помню, почему на весеннем экзамене в первый класс я снова провалился. Может быть, потому, что я записался в городскую библиотеку. Кажется, я провалился по грамматике».

В «Книге для взрослых» Илья Эренбург писал: «Детство я провел на границе между сном и преступлением. Я кинулся с ножом на дворника Илью; я пытался поджечь дачу моего деда; я пробовал убежать к бурам. Я дерзил родителям и читал запретные книжки. Я мечтал о парижских шансонетках. Я ненавидел арифметику…» Учитель русского языка называл его сокращенно «Эрен». Он говорил: «Эрен-мерин, из тебя выйдет сапожник».

«Вы говорили, что были двоечником?» — спросила журналистка Валентина Петровича Катаева («Белеет парус одинокий») в интервью для радиослушателей. Писатель охотно подтвердил.

Вспоминая свои школьные годы, Евгений Винокуров писал:

Я был старателен,
а все ж учился плохо.
Не мог постичь я таинства наук.
И бабушка не сдерживала вздоха
И слез
При мысли, что бездарен внук.
Я ж, как рыбак, что ожидает невод,
Ждал дневника — когда же отдадут?
И плакал я, коль попадался «неуд»,
И радовался тихо, если «уд».

В «Преждевременной биографии» Евгений Евтушенко сообщает: «Мама хотела, чтобы я учился, учился и учился. А учился я необыкновенно плохо… К некоторым предметам я вообще был неспособен — например к физике… Плохие отметки у меня были всегда по устному русскому. Писал я почти без ошибок, и мне казалось бессмысленным заучивать грамматические правила, если я и так пишу правильно». В школе Евтушенко не получил аттестата зрелости. Его приняли в Литературный институт, который он тоже не окончил.

Я поэт. Немножко даже критик.
И прозаик без пяти минут.
Предлагают, что ни говорите,
Даже завершить Литинститут.

Прозаик Вячеслав Пьецух, по образованию учитель истории, пишет: «В школе учился безобразно, но малый был тихий и среди учителей имел больше товарищей, нежели недоброжелателей, так что школу я с грехом пополам закончил, хотя аккуратно каждую весну директор Иван Сергеевич пугал меня исключением».

На второй год в седьмом классе был оставлен поэт Иосиф Бродский (рыжий Осик), «вынужденный слушать школьную ахинею, которую, по обязательной для всех программе советской средней школы, несут учителя» (*см. И. Бродский «Меньше единицы», а также С. Волков «Разговоры с Иосифом Бродским», А. Львов «О Бродском. Маска, приросшая к лицу»*).

У Владимира Жаботинского, поэта, писателя, переводчика, человека многосторонней одаренности, полиглота (говорил на семи языках), в качестве журналиста, снискавшего уже европейское имя, прослушавшего курс на юридическом факультете в Римском университете, были немалые, растянувшиеся на годы, проблемы с аттестатом зрелости. Крайней практической необходимости в аттестате зрелости не было, но отсутствие документа о гимназическом образовании не давало Жаботинскому покоя, пока, наконец, двадцати семи лет от роду, он не получил документ как выдержавший экзамен. А еще несколько лет спустя, когда экстерну было уже за тридцать, получен был, по курсу правоведения, и университетский диплом.

Уроки историкам

В детстве Фемистокл, афинский полководец и вождь демократической группировки в период Греко-персидских войн, был полон бурных устремлений, но учился лениво и неохотно, рассчитывая на свои природные дарования.

Фабий Максим, один из самых опытных римских полководцев, слыл в детстве за неуклюжего простака.

Петр Первый в годы обучения не прошел даже курса, который обычно преподавали царевичам в XVII веке. Между тем в зрелые годы он обнаруживал глубокие познания в истории, географии, артиллерии, фортификации, кораблестроении, градостроительстве. Этим он обязан собственной одаренности, неутомимой тяге к знаниям и готовности всегда учиться.

Будущий фельдмаршал Григорий Александрович Потемкин в 1756 году поступил в гимназию Московского университета, а в 1760 году был оттуда исключен. Однако «леность», послужившая официальной причиной этого исключения, не помешала ему всю жизнь воевать, строить города и корабли, управлять Россией в качестве первого советника Екатерины II.

Учитель немецкого удивился, узнав, что Наполеон считается лучшим математиком в училище. «Я слышал от многих, — сказал он, — и сам теперь убеждаюсь, что математика дается только дуракам».

Генерал Фридрих Врангель, прусский фельдмаршал, которого берлинцы любовно называют «папа Врангель», в свое время с большим трудом дошел лишь до терции (четвертый и пятый классы немецкой школы).

«Железный канцлер» Отто фон Бисмарк в немецком, географии и истории мог показать выдающиеся успехи, но это не относилось к другим предметам.

Генерал от кавалерии Алексей Брусилов (с чьим именем связан знаменитый Брусиловский прорыв — наступление Юго-Западного фронта в 1-ю Мировую войну) учился как и многие незаурядные люди. «Те науки, которые мне нравились, — писал в своих «Воспоминаниях» генерал, — я усваивал очень быстро и хорошо, некоторые же, которые были мне чужды, изучал неохотно и только-только подучивал, чтобы перейти в следующий класс: самолюбие не позволяло застрять на второй год. И когда в 5-м классе я экзамена не выдержал и должен был остаться на второй год, я предпочел взять годовой отпуск и уехать на Кавказ к дяде и тете…»

Будучи президентом Франции, генерал Шарль де Голь неожиданно признался своим внукам и внучатым племянникам: «В начальных классах школы я никогда не учил уроков. Но этому примеру не следует подражать». Один из преподавателей дал ему такую характеристику: «Отличается средними данными во всех отношениях за исключением роста».

Отрицательная школьная характеристика была у премьер-министра Великобритании Джона Мейджора: «Сознательно решил бездельничать». Там же сказано, что естественные предметы вызывают у него невообразимую скуку.

Будущий президент Франции Франсуа Миттеран, судя по школьной характеристике, был застенчив невероятно. Настолько, что на устном экзамене бакалавра не смог рта раскрыть — и провалился.

Президент США Рональд Рейган признавался, что учебе всегда предпочитал спорт и не знал оценки выше «е» (то есть был закоренелым троечником). А когда колледж, в признание последующих заслуг, вручил Рейгану

почетный диплом, он даже пошутил: «А я-то думал, что почетным был тот, первый диплом, который мне вручили по окончании».

В «Энциклопедии Михаила Горбачева», вышедшей в издательстве «Палея», напоминается, что президент СССР в школе не любил немецкий, а после пятого класса отличался резкой антипатией к школе вообще.

В школьной характеристике Бориса Николаевича Ельцина записано: «Борис — зачинщик всех проделок и может дождаться того, что его исключат, если он будет продолжать в том же духе».

Уроки математикам, физикам, химикам

Михаил Васильевич Ломоносов вспоминал: «Школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет двадцати пришел латыни учиться!»

В Эдинбургской академии, как важно называлась школа, куда поступил учиться Джеймс Клерк Максвелл, у него сразу же появилось прозвище — Дуралей. Учеба шла все хуже и хуже, его отсаживали все дальше и дальше, ко все более агрессивным соседям, отдавшим все свои силы и способности издевательству над Джеймсом. Он служил для ректора прекрасным примером для назидания другим: вот как не надо декламировать стихи!

Имя Анри де Пито связано в представлении каждого инженера со знаменитой «трубкой Пито» — простейшим и необходимейшим прибором для измерения скорости жидкостного или газового потока. В детстве он огорчал своих близких заторможенным развитием.

Эварист Голуа — основоположник современной алгебры, проживший всего 18 лет. Преподаватель класса риторики, наблюдая за учебой Голуа, писал: «Поведение очень плохое: характер замкнутый. Оригинальничает. Способности выдающиеся, но не желает применять их к риторике. Для текущих занятий не делает ровным счетом ничего…» Другие учителя тоже составили о нем мнение: «Некоторые задания выполняет, а вообще болтлив, как обычно», «Рассеян, болтлив. Похоже, что задался целью меня изводить. Это могло бы послужить очень плохим примером для его одноклассников, если бы он пользовался среди них влиянием». Директор настойчиво советовал родителям оставить сына на второй год в том же классе. Его оставили на второй год. На вступительном экзамене в Политехническую школу его провалили. Он швырнул губку в голову профессора. Его понимал только отец.

Легендарный изобретатель Томас Альва Эдисон имел всего лишь начальное образование. Учителя признавали его «ограниченным». «Я никогда не был способен хорошо учиться в школе, — вспоминал Эдисон. — Я всегда был в числе последних в классе. Я чувствовал, что учителя мне не симпатизируют и что мой отец думает, что я глуп, и я почти решил, что я, должно быть, тупица».

Говорят, что особенности склада Пьера Кюри (физик, член Французской академии, лауреат Нобелевской премии) не позволяли ему быстро усваивать школьную программу. Он и сам считал себя тяжелодумом и часто говорил об этом.

Мать Альберта Эйнштейна писала: «Право, я ума не приложу, что мы будем делать с Альбертом; он почти ничего не учит». Он чувствовал себя несчастным и подавленным, не мог привыкнуть к школе, учителя считали, что он оказывает разлагающее влияние на других учеников. Ему не раз доводилось слушать, как учителя называли его за глаза «туповатым» парнем, но он не обижался на них. Позднее Эйнштейн написал: «С жаждой более глубоких знаний, но недостаточными способностями к усвоению, и к тому же обладая неважной памятью, приступил я к нелегкому для меня делу учения. С чувством явной неуверенности в своих силах я шел на приемные испытания».

Дмитрий Иванович Менделеев несколько раз сдавал экзамены в университет и всякий раз «проваливался» на химии.

Жорес Алферов, вице-президент РАН, нобелевский лауреат, по его собственному признанию, не получал по физике оценок выше четверки и вообще учился по физике весьма посредственно.

Виталий Гинзбург, физик, лауреат Нобелевской премии, в одном из последних интервью говорил: «Восполнить многие проблемы в знаниях мне так и не удалось, и я до сих пор пишу с ошибками и испытываю трудности в арифметике».

Выдающийся биолог Н. В. Тимофеев-Ресовский не имел не только ученой степени, но и высшего образования.

Израиль Моисеевич Гельфанд, один из самых известных математиков XX века, педагог, организатор математического образования, академик РАН, иностранный член Национальной академии США, Лондонского Королевского общества, Французской академии наук и многих других академий наук мира, скончался в 2009 году в возрасте 96 лет. Лауреат Сталинских премий (1951, 1953), Ленинской премии (1961), кавалер орденов Ленина (1954, 1956, 1973), он стал также лауреатом самых престижных международных наград. В 1978 году Израиль Гельфанд и Карл Зигель из Германии стали первыми учеными, получившими премию Вольфа в математике. В 1994 году Гельфанд был награжден так называемым призом для гениев — стипендией фонда Джона и Кэтрин МакАртур. В 2005 году ему была вручена высшая награда Американского математического общества — премия Лероя Стила за выдающиеся достижения на протяжении карьеры. Вспоминает заведующий

кафедрой общих проблем управления профессор МГУ Владимир Михайлович Тихомиров:

— Кончить школу Гельфанду не довелось.

В одном своем интервью Гельфанд поведал о трех «счастливых» обстоятельствах своей жизни. Первое из них состояло в том, что ему не пришлось кончать ни средней, ни высшей школы. Второе, что он приехал в Москву в шестнадцать с половиной лет. «Это случилось, — пишет Израиль Моисеевич, — в результате некоторых трудностей, возникших в моей семье». Какое-то время в Москве Гельфанд был безработным, какое-то время работал контролером у входа в Ленинскую библиотеку (что дало ему возможность этой библиотекой пользоваться). Тогда же он начал преподавать математику, сначала в школе, потом на различных курсах и в вечерних институтах. Он начал посещать лекции и семинары МГУ. Сам он потом говорил, что первой математической школой в его жизни был семинар М. А. Лаврентьева по комплексному анализу. А в чем же состояло третье «счастливое» обстоятельство в жизни Израиля Моисеевича? Вот, что он рассказал:

— Мои родители не имели возможности покупать мне математические книги — у них не было средств для этого. Но мне снова повезло. Когда мне было 15 лет, родители повезли меня в Одессу делать операцию аппендицита. Я сказал, что не пойду в госпиталь, если они мне не купят книгу по математике.

И книга была куплена. Это был очень ординарный учебник по анализу. Но он радикально изменил представление пятнадцатилетнего юноши о математике. Перед тем он думал, что существуют две различные математики: алгебра и геометрия. А когда он увидел формулу Маклорена, то осознал, что между этими науками нет пропасти: «Математика предстала передо мной в своем единстве. И с той поры я понял, что разные области математики вместе с математической физикой образуют единое целое».

По воспоминаниям академика Владимира Игоревича Арнольда, Андрей Николаевич Колмогоров только в присутствии двух человек чувствовал интеллект равный или больший его собственного, «ощущал присутствие высшего разума». Одним из них Колмогоров назвал своего ученика И. М. Гельфанда.

— Для человеческого интеллекта правильное отношение к математике играет такую же роль, как восприятие музыки, поэзии и других недоходных или малодоходных областей человеческой деятельности, — отмечал в 1999 году Израиль Гельфанд. — Поэтому я всегда старался, чтобы красота математики доходила и до тех людей, которые никогда в жизни больше заниматься ею не будут. Организованную мною больше 30 лет назад в России заочную математическую школу окончили более 70 тысяч человек, большинство из них не стало профессиональными математиками, но убедилось в ее неизмеримой красоте!

Уроки музыкантам

Бетховен учился плохо. За пять лет, проведенных в школе, Людвиг выучился немногому — чтению, письму, начаткам латыни и арифметики. А считать так никогда и не научился толком. Когда ему, уже всемирно известному композитору, требовалось для подсчета гонорара помножить 251 на 22, он столбиком выписывал цифру 251 двадцать два раза и складывал. К людям, умевшим быстро считать и владевшим непостижимыми для него тайнами умножения и деления, Бетховен навсегда сохранил наивное уважение.

Гретри, известный композитор, автор оперы «Ричард Львиное Сердце», был отрекомендован своему второму учителю первым в следующих выражениях: «Посылаю вам одного из моих учеников. Он прекрасный мальчик, доброй нравственности, но в музыке — настоящий осел».

«В мое время, — писал Петр Ильич Чайковский, — экзамены в Училище правоведения были даже не лотерея, где все зависело от удачно вынутого номера, а просто комедия. Все было основано на узаконившихся традициях разнообразного мошенничества, в которых очень часто принимали участие и сами преподаватели, входившие в стачку с учениками».

Композитор Сергей Рахманинов…Настал день, когда ему пришлось получить эту отвратительную зачетную книжку. Вернувшись домой, он не пошел к бабушке. Взяв тайком в дядином кабинете витую свечу и дорожную чернильницу, он уединился в месте весьма укромном. И вскоре единицы превратились в четверки. Такую операцию Сережа ухитрялся проделывать не один и не два раза. Ему шел двенадцатый год, о нем говорили: «Шалопай отчаянный». Он с позором провалился по всем обязательным предметам.

Тончайший искусствовед и телеведущий Виталий Вульф вспоминал, что всегда писал себе шпаргалки на экзамены. «Когда мне удавалось их достать, я получал пятерки, когда не удавалось — тройки.

Уроки экономистам и философам

В свидетельстве об окончании университета будущему философу Гегелю написали, что он — «молодой человек со здравыми суждениями, но не отличается красноречием и в философии никак себя не проявил».

Экономист и философ Карл Маркс в школьные годы не был пай-мальчиком. Его зачислили в разряд средних, малообещающих, склонных к лени учеников. Как им это удается?

Георгий Валентинович Плеханов, чьим именем названы престижные вузы России, получил следующий документ за подписью директора института: «Дано сие из Горного Института Георгию Плеханову в том, что он состоял в Институте студентом II курса в течение 1875–1876/7 учебных годов и уволен из оного по малоуспешности».

Однажды композитор Дмитрий Шостакович спросил драматурга Евгения Шварца: «Что вы знаете о композиторе N? (И он назвал фамилию совершенно неизвестную.) Не знаете? Странно. А между тем этот самый N учился у Лядова одновременно с Прокофьевым, и когда Прокофьев получал тройки, а иногда двойки, N учился на круглые пятерки. И что же? Ловкач и проныра Прокофьев завоевал себе мировое имя, тогда как N, несмотря на семнадцать симфоний и одну «Поэму», никому не известен».

Уместно также вспомнить, что лифтерша, которая училась вместе с Биллом Гейтсом, в отличие от своего посредственного одноклассника, в школе была отличницей.

Эдисон говорил: «Моя мать сделала меня таким; она поняла меня; она дала мне возможность следовать моим склонностям».

Родители Пьера Кюри были достаточно просвещенными, они не требовали от сына усилий, которые вредно сказались бы на его развитии.

Они сами находили себе учителей. Аристотель говорил о Платоне, своем учителе: «Дурной человек не имеет даже права хвалить его». Французский писатель Жюль Ренар записал в своем дневнике: «Мне скучно читать писателей, не любящих Виктора Гюго, даже если они прямо не говорят об этом». У Гомера учились и ему подражали многие. Александр Македонский брал с собой в поход «Илиаду». Самым великим «подражателем» Гомера был философ Платон. Гомеру подражал историк Геродот и многие другие античные писатели. В одном из писем Н. В. Гоголь пишет, что ему «нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров. Я принялся за них, начиная с нашего любезного Гомера». Тамерлан был не только великим полководцем, но и просвещенным государственным деятелем; он обменивал пленных на редкие книги.

Бальзак называл своим учителем Рабле, Мопассан учился у своего современника — Флобера, Горький — у Короленко и очень внимательно учился у Чехова. Лермонтов переписывал по-английски поэмы Байрона и по-русски — Пушкина. Лев Толстой говорил: «Я больше чем кто-либо другой обязан Стендалю». Эйнштейн говорил, что Достоевский для его творчества дал больше, чем Гаусс. «В научном мышлении, — писал Эйнштейн, — всегда

присутствует элемент поэзии. Настоящая музыка и настоящая наука требуют однородного мыслительного процесса». Художник Делакруа вдохновлялся поэзией Гёте, Байрона, Шекспира. Знаменитый архитектор Франк Ллойд Райт сказал, что больше всего ценит произведения двух гениальных архитекторов — Баха и Бетховена, то есть великих музыкантов. Начиная с юношеских лет до конца жизни С. Вавилов вел дневник-размышление о трагедии Гёте «Фауст», постоянно носил с собой томик немецкого издания «Фауста», пытаясь постичь сложность уникального явления мировой культуры. В нобелевской лекции, прочитанной Иосифом Бродским, поэт перечислил поэтов, без которых «как человек и как писатель я бы стоил немного…» Эти имена: Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Роберт Фрост, Анна Ахматова, Уистен Оден.

Каждый экзамен — это мощный стресс, серьезно влияющий на здоровье. Значение имеют и психологическая устойчивость ученика, и владение речью, и отношения с педагогом.

Ученые многих стран исследовали влияние экзаменов и прочих испытаний на здоровье школьников и студентов. Известно, что накануне и в момент экзамена всегда возрастают артериальное давление, частота дыхания и потоотделение. Более того, экзаменационный стресс влияет на человека даже на генетическом уровне, изменяя скорость синтеза ДНК. Изменяется газовый состав крови и микрофлора в полости рта. Резко увеличиваются энергозатраты, особенно у людей с высокой мотивацией к успешной сдаче экзаменов.

Известно, что большинство отличников среди выпускников — девочки. Некоторые из них заканчивают школу на круглые пятерки благодаря выдающимся способностям запоминать уроки — от и до. А многие зарабатывают отличный аттестат тяжким трудом и горькими слезами, часами просиживая над учебниками, недосыпая, отказываясь от всех радостей и развлечений своего возраста. На радость родителям. И это не проходит бесследно.

В книге «Моя жизнь и моя эпоха» знаменитый американец Генри Миллер писал: «Я вообще против учебы в школе… По-моему, школьное образование действует решительно. Оно убивает любознательность и желание учиться. Как только дети выходят из детского сада, начинается промывание мозгов. Думаю, если доходишь до всего своим умом, становишься внутренне богаче. Зачем терять время на учебу?»

«Главную свою задачу в школе, — писал Миллер, — я, судя по всему, видел в том, чтобы высмеивать учителей. Занятия казались мне слишком легкими и слишком глупыми. Такое было чувство, будто меня не обучают, а дрессируют, как мартышку».

Значит, и он тоже. Я это понял задолго до того, как открыл Миллера. С детства нам старались привить страх и трусость. Мы должным были бояться плохих отметок, и мы боялись. Уровень отметки зависел от выученного урока и определял статус в глазах взрослых. Стоишь как дурак (впрочем, почему «как»?) и на глазах всего класса не знаешь, чего говорить.

Родители весь день на работе, дома некому ремень показать. Не станешь же добровольно менять Жюля Верна или Джека Лондона на «Неорганическую химию». Мы проходили «Как закалялась сталь» Николая Островского, а под партой читали «Алые паруса» его современника Александра Грина. Страшно получить двойку в дневник, а в четверть — это вообще высшая мера. На экзамене двойку, конечно, не поставят. Это будет отметка не ученику, а учителю: плохо, значит, учил. Вытягивает, молодец, на тройку. А вообще школьная оценка имеет еще один символический подтекст: она не оставляла времени отвлечься от учебника. Либо целый день учи уроки, либо живи в свое удовольствие. Так закалялась сталь. Учеником я был плохим, но научился не обращать внимания на плохие оценки, не боюсь оценок, которые ставят мне другие. Искренне переживал только на двух уроках — литературе и физкультуре. Мои школьные друзья были уверены, что я стану писателем или чем-то в этом роде. Однако заглядывать так далеко нельзя.

«Лишь на сорок третьем году я дождался выхода моей первой книги. Это было решающее событие в моей жизни», — писал, извините, как обо мне, мой любимый Генри Миллер о себе. Мы жили не в гуще жизни, а на тонкой поверхности фактов, и то, как оказалось, лживых.

31 мая 2002 года в Калифорнийском государственном колледже состоялось событие, к которому было приковано внимание мировой прессы: 55-летний режиссер Стивен Спилберг, обладатель нескольких «Оскаров», чьи фильмы принесли ему многомиллионные доходы, получил… диплом об окончании колледжа. И дело вовсе не в том, что прославленный режиссер на старости лет вдруг вздумал повысить уровень образования. Просто он задумал исправить ошибку, которую совершил 33 года назад.

Все дело в том, что через 3 года после поступления в колледж в 1965 году самоуверенный молодой человек решил бросить колледж, полагая, что сможет построить карьеру режиссера и без образования. Как показывает история, самоуверенность Стивена Спилберга была не дутой: уже на следующий год после демонстрации его 22-минутного фильма «Эблин» на кинофестивале в Атланте Спилбергу предложили подписать долгосрочный контракт с Голливудом, чтобы вплотную заняться кинокарьерой.

По словам представителя университета Тони Берон, Спилберг, получивший награды Американской киноакадемии за фильм «Список Шиндлера»,

«Спасти рядового Райана», как и остальные выпускники колледжа, облачился в мантию и надел на голову квадратную шапочку с кисточкой. «Мистер Спилберг пройдет в шеренге с остальными студентами и вместе с ними будет стоять на сцене», — сказала она накануне торжественного события.

Поделился своими переживаниями и сам Спилберг: «Вот уже много лет мне хотелось достойно завершить образование в благодарность моим родителям, давшим мне возможность учиться и строить карьеру, и в назидание молодежи, которая должна понимать, как важно завершить начатое. Впрочем, я надеюсь, что нынешним молодым людям понадобится меньше времени на то, чтобы выполнить требования колледжа, необходимые для получения диплома».

Миссис Берон доверительно сообщила журналистам, что Стивен Спилберг всю весну пополнял свои знания на отделении кино- и электронных искусств, однако она отказалась подробно рассказывать о студенческих работах маститого режиссера.

Любопытно, что большинство преподавателей Спилберга уже давно ушли в мир иной и ему пришлось заниматься под руководством молодых профессоров, которые постигли свою науку на его же произведениях. «Господи, да Стивена можно с уверенностью назвать самым великим студентом, занимающимся кинопроизводством, — заявил его давний друг Мартин Левай из мальмедийной компании «Дрим Воркс». — Ведь это он создал «Челюсти», трилогию о докторе Индиане Джонсе, «Парк юрского периода» и другие киношедевры».

Ученые НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков (Москва) обследовали молодых беременных женщин и рожениц с отклонением в течение беременности и родов. И выяснили, что абсолютное большинство из них — те самые бывшие отличницы, которые заплатили за свои школьные и институтские успехи здоровьем, и не только своим, но и своих детей. Это явление так и назвали — «синдром отличницы». Так что лишняя пятерка в аттестате стоит ли счастья будущей женщины, жены, матери?

Как подростку пережить школьное время — время нервное, суетливое, подневольное, бессмысленное время унижений — без потерь для здоровья, сберечь благие порывы? Трудно. Подростки нуждаются в спокойной доброжелательной обстановке, в понимании и любви, впрочем, как и все люди, независимо от возраста. Но это уже на тему — «хорошо бы все были счастливы».

Тема Рахимов, ученик 8 класса «А» петербургской гимназии № 272, оставил предсмертное послание в своей тетради: «Мама и бабушка, я вас очень люблю. Не могу больше обманывать вас с оценками. В моей смерти никто не виноват».

Учителя говорили: он всегда был твердым троечником.

— Не каждому дано быть отличником, — говорила завуч. — Мы его никогда не ругали, поддерживали.

Завуч промокнула слезу промокашкой. И заспешила домой — ей еще план составлять.

Год Артем закончил, как обычно, на тройки. Однако в дневник вместо реальных оценок поставил завышенные. Мама узнала правду, созвонившись с классным руководителем. Вечером после торжественной линейки по случаю окончания учебного года она сказала сыну: «Завтра ты пойдешь в школу и все исправишь». Затравили парня. А это 8-й класс, они что, не понимали? До школы мальчик не дошел.

Преподаватели гимназии были опечалены:

— Может, ему стало стыдно за свой поступок. Наверное, Тема боялся, что мы в нем разочаруемся. Если это было для него так важно, мы бы дали ему задание, и он бы исправил свои тройки.

Конечно, надо бежать от таких учителей и завучей, от такой школы. Но не туда, куда мальчик Артем, о котором написала 3 июня 2009 года в газете «Метро» Анна Бобрович, озаглавив заметку «Артем покончил с собой из-за учебы». Да нет же, не из-за учебы, а из-за учителей, которые брали на себя право оценивать мальчика-восьмиклассника. При всех, при девочках.

— Учеба в школе — это в принципе не такое уж приятное дело, — *сказал в интервью газете «Известия» 22 января 2010 года Валерий Козлов (вице-президент РАН, директор Математического института им. В. А. Соколова).* — Скажу жестче: любая школа содержит некий элемент насилия, поскольку ребят заставляют изучать то, к чему у многих из них душа не лежит. Например, сам я в детстве школу не любил, хотя учился в общем-то легко, пусть порой и неровно. Математику и физику обожал, а вот химию не любил и не понимал. Но вынужден был ее изучать. Вот и нынешние ребята должны учиться не только складывать цифры, чтобы не обманули на рынке или в кафе, но и анализировать, брать производные, строить умозаключения по геометрии и т. д.

О физиках… 4 июля 1938 года ученым советом ленинградского Института химической физики было единогласно принято постановление о выдвижении кандидатуры не имевшего высшего образования сотрудника института — 24-летнего кандидата наук Якова Борисовича Зельдовича — в члены-корреспонденты АН СССР. В подписанном председателем ученого совета ИХФ, будущим нобелевским лауреатом академиком Н. Н. Семеновым представлении наряду с прочим говорилось: «Яков Борисович Зельдович пришел в наш институт почти непосредственно по окончании средней школы. Не имея никакого официального диплома, он исключительно быстро и

чрезвычайно глубоко изучил самостоятельно все связанные с химической физикой отрасли науки и стал самостоятельным научным работником…»

О лириках… Едва переступивший порог начальной школы, все тиражное Иосиф Бродский сразу, по его собственным словам, воспринимал как некую пропаганду. С оглядкой на далекое прошлое, в каком ему виделся мальчик, который «садится на место, расстегивает портфель, кладет на парту тетрадь и ручку, поднимает лицо и приготавливается слушать ахинею», — пишет И. Бродский («Меньше единицы»). Несколько лет спустя, томимый уязвленным самолюбием и практическими неудобствами, которые были связаны с отсутствием у него аттестата зрелости, Иосиф сделал попытку сдать экстерном экзамены за десятилетку: «…жалко было, что школу не кончил, в университет не пошел…Думал я, что погорю на физике или на химии, но это как раз сдал. Как это ни комично, погорел я на астрономии… Чего-то они меня спросили, чего-то я походил вокруг доски» (*С. Волков. «Разговоры с Иосифом Бродским»*).

В беседе с другом, поэтом Евгением Рейном, Иосиф дал другую версию провала: «Пытался некоторое время сдать экзамены на аттестат экстерном, но из этого номера тоже ничего не получилось, потому что я очень сильно погорел на физике и химии». Конечно, можно было попробовать пересдать, «но я уже скис: надоело все это, все эти детские игры» (*С. Волков. «Разговоры с Иосифом Бродским»*).

Иосиф Бродский, с детства самолюбивый, привык сам себя экзаменовать с первых школьных лет. Причем экзамен, учиненный самому себе, был не какой-нибудь, по пустякам, а серьезный, включая такую науку, как философия. И никакие имена, никакие авторитеты — как отмечают биографы поэта — не препятствовали ему в выработке собственного взгляда на вещи.

Лев Толстой — «наше все–2» — учился, как уже говорилось выше, плохо, но всю жизнь относился к себе, как к ученику, ставил себе задачи и все время их проверял и даже как бы ставил себе отметки, и это продолжалось годами…

А не ввести ли в школьные программы предмет, изучающий жизнь замечательных людей в их школьные годы? Чтобы учителя подумали и родители успокоились.

ПАВЕЛ ЧХАРТИШВИЛИ

Московский союз литераторов. Окончил истфак МГУ им. М. В. Ломоносова. Имеет 15 публикаций в российских журналах, диплом журнала «Байкал», знак «Почетный работник Госархива РФ», медаль «В память 850-летия МОСКВЫ».

В ГАЛАКТИКЕ Z9225W

Повесть (часть вторая)

Пятый день

Почтмейстер. А что думаю? Война с турками будет…
Право, война с турками. Это все француз гадит.
Городничий. Какая война с турками!
Просто нам плохо будет, а не туркам.

Н. В. Гоголь. Ревизор

У меня каникулы, у мамы и папы отпуск. Мы снимаем домик в горах. На поляне множество кустов черники. Я влезаю в эти заросли, срываю и ем крупные сочные сладкие ягоды, вымытые дождем.

Просыпаюсь. Это лето 3410 года. Кажется, что вчера.

В 3426 году, когда я работал почтальоном и заканчивал учебу в Финансовом педагогиуме, меня по блату приняли в Проектно-Хозяйственную Коллегию. Там рядовых сотрудников-осомольцев иногда бросали в выходной на плодоовощной склад или на строительство метро. У нас в Финансовом отделении работала серьезная, недоступная осомолка в очках, она со всеми здоровалась чопорно, с самым строгим выражением лица:

— Здравствуйте... Здравствуйте… Здравствуйте…

А на складе, среди ящиков, я ее не узнал: куда все подевалось!.. Дал себе раскрутку.

Однажды мы пахали на станции метро «Радостная», и пожилой рабочий спросил:

— Ребята, вы работаете или учитесь?

— Работаем и учимся, а по выходным метро строим, — в сердцах бросил я.

Мужик обалдел:

— Ни фига себе!

Как-то шестилетняя Акви шла с мамой мимо лотка с дорогими куклами. Девочка стала клянчить:

— Купи.

Ажниаледа объяснила:

— Я столько не заработала.

Малышка сказала:

— Надо больше зарабатывать.

И была права.

В Проектно-Хозяйственной Коллегии я заслужил значки «Отличный профорг» и «Ударник высокоэффективного труда». В моем личном деле было записано: «Иностранными языками не владеет», это тогда способствовало карьере. Но лично мне это не помогло, и я в 3428 году решил вступить в правящую, единственную в стране партию «Защитники Общенародного Государства» (Зэ-О-Гэ). Сообщил о своем намерении начальнице Финансового отделения — члену этой организации. Она отмахнулась:

— Ты еще не созрел.

Что она могла еще ответить? От нее мало что зависело. Учрежденческих служащих в Зэ-О-Гэ принимали неохотно. Общенародное Государство считалось государством рабочих и крестьян, которых, наоборот, тащили в партию за шиворот. Те упирались, как могли: в отличие от служащих, им партбилет не приносил никаких материальных выгод, только приходилось томиться на партсобраниях и партучебе, да еще платить членские взносы, причем уже не двадцать чолемов в месяц, как в юности — в осомоле, нет, теперь взнос составлял десятки льбуров.

Когда-то, в 3357 году, Зэ-О-Гэ захватила власть. Мечтатели-революционеры считали себя умнее ученейших зубров экономики. Уверенные в возможности обеспечить рабочим и беднейшим крестьянам благополучие без частной собственности, свободного предпринимательства, рынка и конкуренции, они отменили на подвластной им территории капитализм и деньги, запретили торговлю, ввели планирование и распределение. Противившихся насаждению утопии, а также тех, кому безосновательно «шили» такой грех, — выдавливали из страны или отправляли рубить лес, строить канал, электростанцию, железную дорогу, часто просто вешали. Затем, после начального ада, пришла эпоха, когда устоявшийся режим перестал прибегать к

крайностям, и тогда в Столице на какое-то время наступила неплохая жизнь. Наша страна была по территории в два раза больше, чем сейчас, и диктовала свою волю половине планеты Атеналп. Зарубежные вассалы, существовавшие за счет работяг нашей республики, наперебой поздравляли Правителя Общенародного Государства с очередным днем рождения, привозили ему и вешали на мундир высшие ордена своих партий. Огромное количество семей в Общенародном Государстве обрело отдельные квартиры. Правда, средства на строительство жилья власти изымали у будущих новоселов, негласно недоплачивая им в получку. Но трудящиеся, зная это или не догадываясь об этом, были рады переехать из бараков, подвалов и коммуналок в новые дома. Не было безработицы. Я два года занимался теннисом в детской спортшколе, потом полтора года осваивал игру на гитаре в клубе имени Родного Вождя, и за все это мои родители не заплатили ни одного чолема. При самом, как утверждалось, прогрессивном строе официально все считались товарищами, вместе успешно строящими Изобилие. Но в ходе строительства наблюдалось удивительное раздвоение. Одни товарищи постоянно пребывали в комфорте: пользовались закрытыми распределителями, поликлиниками, санаториями, ателье, выезжали за шмотками в капстраны или постоянно там обитали, служа в зарубежных представительствах Общенародного Государства. Другим товарищам (большинству) на счастливой родине зачитывали на собраниях их повышенные социалистические обязательства; велели в субботники бесплатно трудиться на своих рабочих местах, во дворах, в скверах, а в праздники ходить на демонстрации; игнорировать эти мероприятия люди не осмеливались. Впрочем, буду объективным: никто не мешал населению дальней глубинки ездить по воскресеньям в главный мегаполис. Многие жизненно необходимые товары можно было добыть только там, постояв в очередях. Загадка-анекдот тех лет: «Что такое — длинное, зеленое, пахнет колбасой? — электричка из Столицы». Главной газетой Зэ-О-Гэ была «Неоспоримая Истина». Она вешала на людей, которыми сегодня гордится Благоразумная Вольность, ярлыки: «ренегат», «агент империализма», «шпион», «оторвавшийся от народа гнилой интеллигент», «антинародный (антипартийный) элемент», «окопавшийся в тылу трус», «монахиня-блудница», «анти-патриот», «безродный космополит», «буржуазный националист», «убийца в белом халате», «перерожденец», «перевертыш», «отщепенец», «клеветник», «очернитель», «литературный подонок», «изменник», «тунеядец», «урод»; про гениального композитора сообщила, что он хуже свиньи. Верховная Говорильня законопроекты, присылаемые из Дворца, утверждала единогласно, за десятки лет ни одного воздержавшегося (попробовал бы кто-нибудь воздержаться! — не завидую). После сессий избранникам народа продавали во Дворце по госце-

не дефицит: мужикам ондатровые шапки, дамам импортные зимние сапоги. А вокруг Верховной Говорильни… В 3402 году в связи с частичным поднятием розничных цен (на говядину — на 33 %, на сливочное масло — на 55 %) и одновременным снижением расценок на предприятиях в ряде городов вспыхнули волнения и забастовки. В Северной провинции войска расстреляли стихийную демонстрацию рабочих (24 убитых, 87 раненых), затем власти «судили» схваченных «активных» и повесили семерых из них, 105 человек приговорили к заточению на 10 — 15 лет. Со временем людям надоело удручающее качество сервиса и изделий, страшноватая отечественная одежда, нарастающая нехватка товаров. Из числа простых товарищей делать покупки стало возможным не тем, кто имел в кошельке достаточно денег, заработанных или наворованных, а тем, кто раньше встал в очередь в универмаге или универсаме. Очереди были изнурительными. Я пытался раздобыть стиральный порошок, лампочки, шнурки для туфель. Зэ-О-Гэ зарегулировала розничные цены до такой степени, что торговля стала придерживать товары и продукты на складах и базах; становилась нормой покупка вещей и провизии с заднего крыльца. Директора магазинов не были сумасшедшими и не хотели выкладывать на полки, например, говядину по 23 льбура 80 чолемов за один марголик, когда с черного хода ее разбирали по 40 льбуров за один марголик. Появились талоны почти на все. Наконец, прилавки полностью оголились, даже в Столице. Последний Правитель разваливающегося уклада заклинал:

— Больше социализма!

Люди думали: чтоб ты провалился со своим социализмом! Им была нужна еда, курево, водка. Горожане сновали по улицам из одного опустевшего магазина в другой, а крыши домов пестрели транспарантами: «Верным путем идете, товарищи!», «Все во имя человека, все для блага человека!», «Слава Зэ-О-Гэ!». Правда, в квартирах Столицы совершенно пустых холодильников не было, поскольку торговля иногда «выбрасывала» где-нибудь рыбью мелочь, или постное масло, или яйца; надо было оказаться там, где что-то «дают», и встать в хвост. Ослабевшее государство было вынуждено разрешить сходы, и мы с женой ходили на них. Набиралось до полумиллиона простых товарищей, скандировавших: «До-лой Зэ-О-Гэ! До-лой Зэ-О-Гэ!» Помню плакаты: «Раскулачить Зэ-О-Гэ!», «Зажравшихся и завравшихся чинуш в отставку!», «Кончай базар, давай рынок!»,

«От утопий Зэ-О-Гэ
Мы уже по горло в гэ!»

Стоявшие вокруг вахмистры и стражники сочувствовали собравшимся, улыбались, не вмешивались, только что не аплодировали. Вспоминаю атмосферу того времени: опьянение от безграничной вольности; разор и кавардак. Общенародное Государство не было рассчитано на свободу. Хватка спецслужб ослабла — и рухнула давно качавшаяся обветшалая конструкция. Это случилось под Новый 3432 год. В те дни мало кто жалел о распаде державы, почти никто не протестовал, заботило другое: как дожить до весны. На руинах Общенародного Государства, на половине его обширной территории возникла новая большая страна: Благоразумная Вольность. Правителя переименовали во Властителя. Первый Властитель Благоразумной Вольности освободил цены, сразу появились товары и продукты, народ забыл слова «дают» и «выбросили». Но все вздорожало, бедные приходили в магазин, как в музей. Первый Властитель сказал:

— Мы наполнили прилавки. Теперь надо наполнить кошельки.

Новый, свободно избранный состав Верховной Говорильни, ставшей почти полновластной, противился замене дефицитной экономики рыночной. Поэтому в 3433 году Первый Властитель издал эдикт о роспуске Верховной Говорильни (не имея по Краеугольному Закону 3366 года на это права). Депутаты в ответ постановили отрешить Властителя от власти и возглавили восстание бедняков в Столице. Первый Властитель не сложил полномочия, вместо этого подавил восстание. Сведения о числе застреленных повстанцев разнятся: от 146 человек до 2200. Парламентариев, в полном составе сдавшихся на милость победителей, упекли за решетку, через несколько месяцев отпустили. Триумфаторы в любых революциях, в том числе в буржуазных, выбрасывают на помойку старые законы, пишут свои, так произошло и тут. Отечественные академики-вольнодумцы разработали новый Краеугольный Закон, который в том же 3433 году на всенародном плебисците одобрило большинство. Верховная Говорильня получила название Центральный Балаган, парламент практически превратился в безвластный. Были проведены Свободные выборы в него, эти выборы вольнодумцы-рыночники проиграли. Вахмистров переименовали в околоточных надзирателей, стражников — в полицейских, или городовых. Первый Властитель, сделавшийся почти всевластным, продолжил рыночные преобразования. Нам с Ажниаледой денег не хватало ужасно. Меня долго не повышали. Мне тыкали, я взбрыкивал. Однажды, в 3435 году, мне было уже около сорока, позвонил двадцатишестилетний начальник отдела, не нашего:

— Азтевер! Мне нужна Финансовая сводка 3434. Ты когда зайдешь?

Я вежливо:

— Она будет лежать для вас на второй полке сверху.

Сопля щенячья. Сам зайдешь, не рассыплешься.

Всю жизнь натыкаюсь на хамство. Когда встречаю воспитанного человека, душа оттаивает.

В 3437 году мне удалось вступить в «Объединенную Благоразумную Вольность», и я начал продвигаться по службе. Но до сих пор торчит в моей голове мамин вопрос: «Что ты сделал хорошего?» Я делал хорошее. В 3421 году честно поступил в вечерний педагогиум и до полуночи штудировал труды: по деньгам и кредиту в социалистическом обществе, по бюджетной системе Общенародного Государства, по прибыли и рентабельности в социалистическом хозяйстве. Спал шесть часов, хотя молодому организму нужно восемь. Растил вместе с Ажниаледой дочь. Родственник, устроивший меня рядовым сотрудником в Проектно-Хозяйственную Коллегию, вскоре скончался, и блат для меня закончился. Дальнейшую карьеру я строил сам, без протекции, никого не подсиживая, не учиняя подлостей. Приносил пользу экономике. Добился материального успеха, сегодня моей семье грех жаловаться.

Не бедствует и мой школьный друг. Руководящим работникам столичных вузов неплохо платят. Он, жена и их молодые не ходят на массовки несогласных кричать «Еигурд — вор!», а работают; вчетвером в месяц зарабатывают около пяти миллионов. Приятель проводит отпуска с женой на Средиатеналпном море; они обставили дорогой мебелью гостиную, приобрели недешевую иномарку; у сына и снохи недурная квартира в ближайшем пригороде Столицы и приличный автомобиль.

Но от 30 до 80 % населения не имеют сбережений, живут от получки до получки, от пенсии до пенсии. Плохим или очень плохим свое материальное положение считают 22 — 28 % населения; теперь, с изданием Универсала, недовольных станет больше. 51 % семей, имеющих детей, а также многодетных, находятся за чертой бедности. Доход ниже прожиточного минимума имеют 13%. Четверти населения не по карману квартирно-общинные сборы. На еду не хватает денег у 8 — 12 %. Хватает на еду, но не на одежду — еще у 15 — 33 %. Только на еду и одежду хватает у 49 — 50 %. Отсюда вытекает, что лишь от 5 до 28 % населения имеют средства для оплаты чего-то кроме еды и одежды (если верить статистическим службам). Положительно оценивают свой достаток всего 10 — 12%. В Западной провинции у магазинов появились очереди за просроченными продуктами питания; еду из-под полы продают задешево охранники. В Восточной провинции опубликованы фотографии: пенсионерки в поисках пищи роются в мусорных контейнерах. По всей стране на прилавках супермаркетов и торговых центров товары битком, но недавно в Столице, в одном из безлюдных залов Гостиного двора я видел, как немолодая дама, взглянув на цены, сказала спутнице:

— Это не для нас. А раньше: постояла — и взяла недорогие колготки.

Подружка кивнула. Обе ушли.

Боюсь, что если свобода вырвется из допустимых пределов и перейдет в смуту, Благоразумная Вольность развалится, как развалилось в 3431 году Общенародное Государство. Начнутся серьезные беспорядки, полиция и войско вряд ли смогут нас защитить. 92 года назад это уже было: бедняки убивали состоятельных людей и делили их имущество. Неужели доживем до ужаса?

Шестой день

Ни один человек не может стать более чужим,
чем тот, кого ты в прошлом любил.

Э. М. Ремарк. Триумфальная арка

Ажниаледу директор Галереи «XXXV век» отпустил. Мы наговорились всласть по скайпу с Аквинарой, которой сегодня исполнилось 28. Дочь улыбалась, голос радостный. Летает по всему свету с целью познакомиться в группе попутчиков с подобающим кандидатом в женихи. У нее и здесь хорошая компания. А вот подходящего человека все нет. Акви живет своей жизнью, мои и моей жены радости и заботы далеки от ее радостей и забот. Девушка она обаятельная, неглупая, образованная, при хорошем автомобиле, прилично одета в любое время года. До сих пор любит смотреть мультики. Мы с женой ее обожаем и желаем ей счастья. В соседнем коттедже 39-летняя дева, тоже не худенькая, удачно выскочила замуж и уже родила одного за другим двух мальчишек.

Ажниаледа в своем сексуальном полупрозрачном ажурном халате, надетом поверх соблазнительного белья. Говорит:

— Ты когда стригся?

— Неделю назад, — информирую я.

— Не похоже.

— Точно.

— Парикмахерша симпатичная?

Сознаюсь:

— Ничего.

— Дал ей на чай?

— Немножко.

Ажниаледа улыбается:

— Поздравляю: она почти ничего с твоей головы не сняла, чтобы поскорей опять с тебя получить.

Ажни! Дело куда серьезней: Авличена уже скучает по мне, а я по ней.

Я бывал у жены в Галерее «XXXV век». Служба у Ажниаледы легкая. Я мечтаю, чтобы она вообще не работала, а занималась собой, Аквинарой и мной. Но жене дома скучно, ей по душе несложные служебные обязанности и постоянное нахождение среди эстетов. А еще ей нравится демонстрировать коллегам, гостям и посетителям новые прикиды и богатый автомобиль. Ее конек и кайф — современное искусство, с классическим она мирится. Мне в искусствоведении до Ажниаледы далеко. Но у меня есть свои предпочтения. ТВ-колея «Искусство» показала подробный репортаж из жениной Галереи с закрывающейся выставки почетного художника Благоразумной Вольности. Он автор изумительных картин жизни старой, уже ушедшей Столицы, они написаны с любовью к городу и его жителям, с добрым юмором; у меня даже поднялось настроение.

28 лет и 9 месяцев назад мы с Ажниаледой славно потрудились в постели. Сейчас празднуем день рождения дочки. Элитное вино. Вкусная еда: Яакторк постаралась. По ТВ смешная и немножко грустная комедия о романтической нежной страсти. Что б ты делал, мир, без нее? Смотрю на жену, но думаю о другой женщине — о той, с которой я уже говорю обо всем начистоту, перед которой выворачиваюсь наизнанку.

Ажниаледа раз в десять дней ездит в салон «Симпатяжка», там ей подбирают прическу. Изменяет ли она мне? Может быть.

Поздний вечер. Передают прогноз: завтра в Столице плюс один, дождь.

Глажу грудь жены.

Атеналп вертится вокруг своей оси. Мы с Ажниаледой летим вместе с планетой, вместе с галактикой Z9225w — летим во Вселенной… Куда?

Конец второй части

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Седьмой день

Она знает, когда кричать «ура»
и когда улюлюкать — а больше ничего не требуется.

Дж. Оруэлл. 1984

— «Радио для смышленых» слушаете?

(Мысленно отвечаю: а как же.)

Вслух:

— Иногда.

— «Кислород» смотрите?

(Говорю про себя: да, ежедневно, всей семьей, это не запрещено.)

Вслух:

— Только когда пропадает звук на Генеральной ТВ-колее.

— Почему не вызовете мастера?

(Молчу.)

— Не слышу ответа. «Оппозицию» читаете?

(Эта газета скучновата, слишком крайняя, тенденциозная: сообщает только негатив.)

— Изредка.

— Вас все в стране устраивает?

(Думаю: все устраивать может только кретина.)

— Практически все.

— Почему вы не голосовали?

(Голосую ли и за кого, верю ли в Бога, сколько получаю, с кем сплю, сколько вешу… Объяснить ему, что это интимные темы?)

— Я не обязан в этом отчитываться.

— Участия в Свободных выборах требует от гражданина общественная благопристойность. Особенно это относится к членам нашей с вами партии.

— Общественная благопристойность требует от членов любой партии, а также от беспартийных быть законопослушными. Закон определяет выборы как свободные и разрешает воздерживаться от участия в них. Принуждение к голосованию есть нарушение закона. А нарушение закона есть преступление.

— То есть, по-вашему, заставляющий голосовать — преступник?

— Да.

— Вы не юрист, ваше толкование закона хромает. Но вы могли бы печататься в листке «Оппозиция», у вас бы получилось. Не пробовали?

— Попробуешь, как же. Быстро сожгут машину.

— Вам нравится Властитель?

(Мне нравится шатенка Авличена в салоне «Хорош собой».)

Офицер:

— Почему не отвечаете?

— Вам ответишь, а вы посадите.

— И все-таки: вы верите Властителю?

— Послушайте, мы не в храме, вы не батюшка, а я не на исповеди.

— Вы во Внутренней Коллегии. Так вы верите Икяб-Ытадиднак-Еигурду? Он правдив?

— Верят в церкви. А в политике знают или не знают. Я не знаю, правдив ли Властитель, поэтому воздержусь от суждения.

— Я не отстану. Сознайтесь: вам случалось подозревать лидера во лжи?

(Будь что будет.)

— Да. Иногда.

— Наконец-то. Спасибо за откровенность. Я вам объясню. Когда пастор в проповеди лжет — это профнепригодность. Другое дело — политика. Если политик начинает публично исповедоваться, его пора менять.

— Очень интересно. Одного не пойму: меня-то вы зачем вызвали?

— Я вас не вызвал, а пригласил. Вы переведены с должности начальника Финансового отделения Проектно-Хозяйственной Коллегии на должность вузовского преподавателя.

— С ума сойти! Вот спасибо. Не выгнали на улицу.

— Плеяда Председателей Коллегий запретила увольнять «в никуда».

— Знаю. Гуманно. Все-таки, за что мне такая честь?

— Неделю назад вы сказали коллеге, что не любите Икяб-Ытадиднак-Еигурда. Следует провести у вас в доме обыск.

(Коллегу убью.)

— Но это потом, — продолжает офицер. — Пока вот.

(Протягивает мне конверт.)

— Здесь ваша трудовая книжка, характеристика, направление, адрес вуза. Я звонил декану. Постарайтесь, обучая молодежь, использовать свои профессиональные знания. Работайте добросовестно, Азтевер Линожм, выполняйте требования общественной благопристойности, а когда говорите — думайте.

Я вышел. Все рухнуло. Прощай, оклад восемь с половиной миллионов. Нашу семью опустили в нижний класс. Впереди расставание с домработницей. Отчаяние жены, вынужденной продать драгоценности, забыть о круизах, знакомых портнихах, меховом ателье и заниматься стряпней, стиркой, глажкой и уборкой. Вместо осетровых — треска. На Аквинаре женится хирург из поликлиники для бедных. А меня на работе ждут 400 тысяч льбуров в месяц; грубые студенты; на лекциях и семинарах — болтовня и включенные телефоны; первокурсницы, беременные от сопляков-наркоманов; провокационные политические вопросы хулиганов-вольнодумцев и доносы верноподданных в партком на мои ответы; пуля в живот за поставленный неуд.

Доехал. Паркуюсь. Государственный стоматологический философский педагогиум имени Икяб-Ытадиднак-Еигурда. Что я здесь буду преподавать?

Вхожу. Мысленно говорю себе: оставь надежду! Лифт на ремонте. Третий этаж. Табличка «Декан».

— Разрешите? Здравствуйте. Я Азтевер Линожм.

— А, господин Линожм! Добрый день. Хорошо, что не опоздали.

(Вручаю ему документы.)

— Благодарю. Присаживайтесь. Позавчера вашу предшественницу перевели в санитарки.

(Бедняга, думаю я.)

— За что?

— Рассказала студентам анекдот про Властителя.

— За это нет статьи.

— Скоро будет. А пока ей подобрали статью из существующих. Вы, господин Линожм, сейчас прочитаете лекцию… минутку... Вот: лечение кисты[1] без удаления зуба. А затем… момент… семинар по эпистемологии[2].

— Помилуйте! Я специалист по финансам.

— Ничего, освоили финансы — освоите и это. Не боги горшки обжигают.

— Я даже не знаю, что это такое… как вы назвали? Эмистология?

— Думаете, я знаю? — удивляется собеседник. — Я недавний проректор Столичного академиума психиатрии и истории имени Революции 3433 года. Читал общий курс этиологии[3] психических болезней и спецкурс по истории социальных утопий. Мою книгу слишком правильно поняли и бросили сюда

[1] Новообразование, напоминающее по форме капсулу.

[2] Философско-методологическая дисциплина, исследующая знание как таковое.

[3] Раздел медицины, изучающий причины и условия возникновения болезней.

заведующим кафедрой. Преподаю патогенез[1] заболеваний периодонта[2] и аксиологию[3]. Недавно меня повысили — в деканы, это я вам сообщаю для того, чтобы вы преждевременно не отчаивались по поводу карьеры. Все в ваших руках. Только не нарушайте моральный кодекс строителя капитализма.

(Звонок.)

— Звонок на перемену. Ступайте. Четвертый этаж, зайдите там в учебную часть, а потом — аудитория 43. Ни пуха ни пера! Можете послать меня к черту.

Продираю зенки. Так это был сон! Постепенно кошмар отпускает. Домработница поворачивает ключ в замке.

— Доброе утро, господин Линожм!

— Здравствуйте, Яакторк. Как дела?

— Все хорошо.

После завтрака сажусь в кресло. Яакторк гремит посудой. Погружаюсь в роман. Он мне нравится. Тонко и очищает кровь. Достала идеологическая лженаука и демагогия, хочется читать тексты художественные и искренние. «Месяц в Столице» написан в эпоху цензуры. В эпоху цензуры… Как Академии наук и Патентные ведомства перестали обсуждать проекты вечного двигателя, так надо прекратить как занятие безнадежное рассмотрение и утверждение проектов Краеугольного Закона, содержащих отказ от цензуры. Чтобы сановникам не приходилось для оправдания очередного вето прибегать к избитому обороту: «У нас цензура запрещена. Но…»

Сегодня немного выше нуля. Одеваюсь тепло: не хватает только простудиться. Надо двигаться. В моем отделении завсектором Зорриц ленился гулять и получил ожирение печени.

Пройдусь по набережной. Каждую осень, в государственный праздник — День Единства многонационального народа Благоразумной Вольности — нам — сотрудникам Проектно-Хозяйственной Коллегии — приходится являться утром в определенный час на проспект Свободы. Там околоточные надзиратели и городовые раздают флаги, плакаты и разноцветные надувные шарики. Тексты плакатов утверждены не где-нибудь, а во Внутренней Коллегии. Наша толпа выглядит красочно. Под патриотическую музыку стройными колоннами идем до площади Народной Власти. Там два

[1] Механизм зарождения и развития болезни.

[2] Комплекс тканей, находящихся в щелевидном пространстве между цементом корня зуба и пластинкой альвеолы.

[3] Раздел философии, в котором исследуется природа, происхождение, развитие и роль ценностей в отношениях человека к миру. (*Примеч. авт.*)

часа стоим, а на трибуне слуги народа и представители трудящихся по очереди зачитывают в микрофон то, что им написали во Внутренней Коллегии. Мы аплодируем, изредка кричим «ура!» или «позор!». Я знаю, когда что кричать; главное: не быть рассеянным и не перепутать. Потом возвращаемся к проспекту Свободы, уже не так стройно и без музыки. Отмечаемся в списке у старшего десятки, что не смылись до окончания мероприятия, и сдаем реквизит полицейским. Обычно к середине дня я уже дома. Вечером Генеральная ТВ-колея сообщает число людей, решивших утром прийти на торжество (в последний раз насчитали двести тысяч), и опровергает информацию «Радио для смышленых», что горожан вынуждали явиться. На следующий день Председатель Проектно-Хозяйственной Коллегии дает втихаря отгул. В общем, если погода хорошая, то ничего, не обременительно. Даже полезно подышать воздухом.

Ветрено. Кончается навигация. Теплоход вяжется к причалу. Облокачиваюсь на гранитный парапет и любуюсь рекой и Дворцом вдали. Потом возвращаюсь домой. Аакторк трудится. Хорошо, что есть нуждающиеся люди, иначе пришлось бы работать по дому самим. Поскорее бы сделала все: хочется тишины.

Ну, вот она и закончила. Ушла.

Жена приехала с работы. Слушаем «Радио для смышленых». Председатель Коллегии Исследования Взглядов Населения заявил, что население обрадовано постепенной отменой пенсий по старости и бесплатного здравоохранения. «Люди понимают, — сказал он, — какие выгоды несут им эти изменения; за три дня, прошедшие с момента обнародования Универсала, рейтинг доверия к власти поднялся на 22 %». Кто бы сомневался. Еще новость: Тсинивош — председатель фракции Бойцов Благоразумной Вольности — с трибуны Центрального Балагана четвертого созыва потребовал, во-первых, прекратить преподавать в школах, колледжах и вузах иностранные языки, во-вторых, закрыть все театры: «Пусть народ лучше ходит в церковь». Думаю: зачем нанимать специальных сатириков? Надо экономить средства и предоставлять микрофон самим чиновникам, законотворцам, социологам, статистикам: они бесплатно и порой талантливо повеселят публику. Новости далее. Полковник Агупах является во Внутренней Коллегии заместителем директора Службы борьбы со мздоимством. Позавчера в особняке его 62-летней сестры-пенсионерки, бывшей смотрительницы краеведческого музея, спецназ обнаружил 45,3 триллиона льбуров и 168 марголиков золота. Бабушка объяснила, что это ее сбережения. Сегодня днем во Дворце началось экстренное заседание Плеяды Председателей Коллегий. Председатели Коллегий воодушевлены тем, что Агупах не все нахапанное растранжирил.

Обсуждается, какие бюджетные дыры можно заткнуть баснословными средствами, свалившимися с неба. Уже аннулирован Универсал «О пенсионных и медицинских изменениях», пенсии по старости и бесплатное здравоохранение решено сохранить, на это теперь денег хватит. Жулика-благодетеля и его сестру приказано отпустить. Председатель Проектно-Хозяйственной Коллегии даже ходатайствует об объявлении полковнику Агупаху благодарности и присвоении ему очередного воинского звания. Завтра днем минус три без осадков.

Ужинаем. Не тарахтят за окном машины, убирая опавшие листья. Затих шум, доносившийся из соседнего коттеджа. «Кислород» повторяет эстрадный концерт. Певица, популярная десятки лет, поет с милым акцентом красивые песни о самом важном в жизни, о том, что в холодном мире согревает сердца и души. Женщины в зале беззвучно подпевают, повторяя губами давно знакомые стихи.

Ложимся. Под пледом дочитываю «Месяц в Столице». «Заплакавшее небо теряло с покатой щеки россыпь слез, будто было виновато и просило прощенья». Ни в чем небо не виновато, во всем виноват сам герой. Мои глаза слипаются, меня уносит… Мать честная! Опять космолет с инопланетянами, но другими. Что-то зачастили к нам. Властям Благоразумной Вольности братья по разуму надоели, и приема во Дворце на этот раз нет. Еигурду есть чем заниматься, кроме ответов на каверзные вопросы визитеров. Внешний вид пришельцев уже никого не удивляет. Трансляция из Пресс-центра. Мало сказать, что очередные космонавты не из нашей галактики. Они совсем из иного мира, из Другой Метагалактики, то есть из Другой, или, как еще ее у нас называют, Параллельной Вселенной. Летели к нам очень долго. Расхваливают свою страну. Понятно: я тоже люблю родину. Слушаем. Инфляция у них 0,5 % в год. Зарплаты, пенсии и пособия регулярно индексируются. Цены на товары и продукты (кроме роскоши и особых деликатесов) общедоступны. Среди работающих нет бедных; безработные и те, кто по болезни не могут трудиться, также не знают нужды. Находясь за границей, граждане их страны расплачиваются в поездах, гостиницах, магазинах и ресторациях своей национальной валютой. В их отечестве государство давно свело к минимуму свое вмешательство в экономику. Отпала необходимость протекционизма, перешли к свободной торговле. Сложилось на практике разделение властей, независимых друг от друга: Руководитель, Большое Совещание, Почтенный суд. Народные представители иногда отказываются одобрить законопроект, присланный Руководителем; во время таких конфликтов дело вот уже пятьсот лет не доходит до стрельбы, стороны находят компромисс. Слово «модификатор» перестало быть ругательным четыре столетия назад. Одним из

основополагающих принципов провозглашено и соблюдается многообразие мнений. Их государство не разваливается на части от свободы. Оно обеспечивает гражданам соблюдение их прав, довольство и порядок независимо от того, кого избрали в Почтенный суд, членом Большого Совещания или Руководителем; потребовалась бы чья-то особая злонамеренность и огромные усилия, чтобы нарушить нормальный ход жизни. Оклады чиновников и парламентариев высоки, но ненамного превышают среднюю зарплату в стране. Чтобы стать избирателем, политиком, чиновником, полицейским, сотрудником спецслужб, судьей, кандидатом в Руководители или в члены Большого Совещания, надо сдать экзамен на знание действующего Главного Закона, принятого 515 лет назад.

— Как зовут нынешнего Руководителя? — спрашивает наша журналистка.

Главный из космонавтов морщит лоб. Отвечает. «Переводчик» мигает лампочками и сообщает:

— Извините, не помню.

У них сейчас 4716 год. Политические партии отмирают, но есть сильные независимые профсоюзы. Явка на выборах 15–20 %. Граждане ходят в храмы, занимаются любовью, домом, покупкой нового самолета, постройкой дачи, спортом, увлекаются искусством, путешествиями. На устах художники, архитекторы, композиторы и поэты. Эмиграции из страны не наблюдается. Люди улыбчивы, доброжелательны, испытывают дружеские чувства к зарубежным странам, а свое отечество обожают. Специальные занятия по обучению патриотизму в школах, колледжах и вузах отменены за ненадобностью 360 лет назад. Граждане любят праздники, особенно новогодний, в полночь их по телевизору поздравляет Руководитель.

— Что он сказал в прошлый раз? — спрашивают из зала.

Опять осечка.

— Не знаю, — отвечает один из гостей. — Мы смотрели, убрав звук.

Слушаем дальше. У них телевидение основную часть экранного времени отводит реальным проблемам, действительно волнующим население; но есть и развлекательные передачи. Никого не удивляют чьи-то сомнения в правоте своего правительства и критика Руководителя. На Главном ТВ-тракте выступают мыслящие так, как думает большинство; выступают также инакомыслящие; не мыслящих не приглашают. Когда оратор гладит оппонентов против шерстки, те не приходят в бешенство, а ищут в словах выступающего что-нибудь разумное. Участники таких передач не голосят все одновременно, никто никого не перебивает, никто ни на кого не кричит. В прошлом бывали случаи, когда ведущие не могли возразить приглашенному оппозиционеру, но и в такой ситуации они не вцеплялись ему в бороду, не обзывали козлом и не выгоняли из студии. В последнее время сотрудникам Главного ТВ-тракта хватает интеллекта и образования, чтобы вежливыми аргументами размазать оппонентов по стене. Тем ведущим, которым оказалось не под силу вести острую полемику, предложили работу попроще.

Государство у них борется не с оппозиционерами, а с недостатками, порождающими недовольных. В стране немало миллиардеров, четверть их законных прибылей забирает казна. Кроме того, в среде сверхбогатых считается знаком хорошего тона содержать больницу или хоспис. После этого у них остается достаточно на личный небоскреб, яхту длиной 120 ртемов, собственный космический корабль. СМИ не лезут в частную жизнь знаменитостей. Срочная служба в сухопутном воинстве и на флоте – только по вольному найму, престижна, хорошо оплачивается. Во время нее молодые люди не собирают урожай, не разгружают вагоны, не ремонтируют и не строят командирам палаццо; отслужив, имеют льготы. Страна не воюет уже 570 лет.

— Сколько?! — не верит один из наших.

— 570.

За границей их могущественное неагрессивное государство ни в кого не вселяет страх, вызывает к себе симпатии и пользуется уважением. У него нет врагов, есть соперники на внутреннем и зарубежном рынке. Главной темой официальной пропаганды ежедневно является борьба за мир. Криминальный Свод предусматривает пожизненное заточение за развязывание агрессивной войны, за пропаганду ее дают двадцать лет колонии строгого регламента. В их страну, предоставляющую гражданство почти всем желающим, переселяются семьи из тех государств, даже развитых, где заработки ниже и перспективы хуже. Судьи назначаются до конца жизни, их невозможно уволить, поэтому они в своих решениях независимы. Половина приговоров — оправдательные. Число жителей сел и далеких регионов растет, поскольку там комфорт, достаточно рабочих мест, красивая природа и чистый воздух. Власти не боятся отпускать средства на строительство дорог и жилья, так как эти деньги не разворовываются. Государство вкладывает большие средства и предпринимает законодательные шаги в целях повышения рождаемости и продления жизни пожилых людей. Средняя продолжительность жизни достигла 94 лет. Женщины выходят на пенсию в 50 лет, мужчины — в 55. Отдых на зарубежных океанских курортах доступен всем пенсионерам. Некоторые, получая пенсию, продолжают работать, если работа привычна, легка и интересна. Здравоохранение только платное, поэтому весь медицинский

персонал заинтересован в лечении больных и уходе за ними. Оплата лечения — по карману всем гражданам без исключения. В поликлиниках докторам на прием каждого больного отводится сорок пять минут; налицо все необходимые узкие специалисты, попасть к ним — проще простого. Многие семьи оплачивают собственного домашнего врача. Ежегодная обязательная бесплатная проверка на онкологию; пациента, не прошедшего ее, не примет ни один доктор. Детских домов всего два. В них остаются не съеденными надоевшие воспитанникам шоколадные конфеты. Не было случая, чтобы государство не подарило выпускнику детдома коттедж и автомобиль. Работники просвещения и образования имеют время следить за научными новинками. Историки днюют и ночуют в рассекреченных архивах.

— Неужели ночуют? — удивляется скептик.

— Их оттуда не выгонишь, — улыбается космонавт. — Их хлебом не корми, дай переписать историю.

— Что в этом хорошего?

— Постоянно идут исследования, совершаются открытия, становятся известными новые факты. Пока существуют ученые, в любой науке время от времени что-то будет пересматриваться и переписываться, это нормально. Не надо смешивать добросовестное переосмысление с фальсификацией.

Молодые политики и выпускники гуманитарных факультетов подписывают Торжественную клятву не лгать в своей профессиональной деятельности. Отступление от данной присяги оценивается в обществе настолько низко, что нарушителей раз-два и обчелся. Клятва не распространяется на государственные секреты, медицинские тайны и подробности интимной жизни. В школах детям рассказывают о древних временах, когда были рекрутские наборы, гонка вооружений, войны, революции, казни, плановая анархия, промывание мозгов, подписка на заем, отправка на плодоовощные склады и в село на картошку, обязательные субботники и шествия, классовая ненависть, бедность, нищая старость. Школьников учат мыслить самостоятельно, уважать авторитеты, но не бояться спорить с ними; выращивают в детях порядочность и чувство собственного достоинства. Школьные работники делятся на воспитателей и преподавателей. Работа в школе престижна, текучести кадров практически нет: с сытного места не бегут. Школы укомплектованы, сельскому преподавателю физкультуры не приходится вести химию и иностранный язык. Учителя не бесправны, не доведены до изнеможения полуторной или двойной нагрузкой, бесполезной рутинной писаниной, давлением со стороны администрации школ и родителей, принудительными общественными и политическими мероприятиями, а также обязанностями, не связанными с обучением и воспитанием детей. Учителей не грузят оснащением кабинетов за свой счет, мытьем окон в классах, выбиванием денег из родителей (например, на ремонт школы). Не измотанный школьный работник, отдохнувший после уроков, обогативший свой внутренний мир прогулкой в лесу или чтением, фильмом, спектаклем, музыкой, отдает наутро это свое достояние цветам жизни, вместо того чтобы нервничать и кричать на них, и ученики воспринимают, усваивают знания и культуру. У учителей есть время для секс-просвещения подростков. Последнюю задачу они выполняют тонко, не мороча преждевременно голову тем детям, которые не созрели для непростой темы. Зарплата учителей высока в центре и регионах, достойные заработки также у преподавателей вузов и ученых.

Граждане их страны переживают, как личную катастрофу, если их подозревают в алкоголизме, национальной или расовой неприязни, уклонении от уплаты налогов, воровстве денег или мыслей, сдирании семи шкур с лиц, обратившихся за юридической помощью, а также когда их ловят на незнании художественной литературы или на ошибках при письме на родном языке. Народ питает добрые чувства к дорожной полиции. Человек, предложивший взятку представителю власти, жалеет об этом всю оставшуюся жизнь.

Кто-то спрашивает:

— У вас летом отключают горячую воду?

Инопланетянин не может понять:

— А зачем?

Смех в зале. Еще вопрос к гостям:

— Как называется ваша страна?

— Нормальное Государство.

Начинается дружеский ужин, который не транслируют.

Жена говорит:

— Хочу в Нормальное Государство.

А я хочу? Не уверен. Где родился, там и пригодился.

Восьмой день

О, сколько я бы дал, чтобы хоть один разочек
дотронуться до тех двух голубков, что у тебя на груди.

М. Дж. Фиренцуола. Беседы о любви

Очнулся. Тускло светит ночная лампа. «Месяц в Столице» валяется на ковре. Приснилось. Надо же. Утром запишу сон. Ажниаледа сладко посапывает. Интересно, что видится ей. Проснется — спрошу.

Приходят предрассветные мысли, толкутся в сумраке. Хочется утра. Представляю, как завтра в третий раз приеду в салон «Хорош собой». Авличена старательно моет мне голову теплой водой, причем не только перед стрижкой, но и после, чего делать не обязана, при этом осведомляется: не горячо? Не спрашивает, как стричь, знает это лучше меня; аккуратно и ласково импровизирует. Я не вмешиваюсь, не волнуюсь: понимаю, что через полчаса буду хорош собой. Любуюсь в зеркале узкой талией женщины, к 24 годам познавшей жизнь. Авличена вдвое моложе моей жены. Мы болтаем о том о сем, я подробно, без утайки, рассказываю ей свое прошлое, она мне свое. Единственное, о чем я умалчиваю — о том, где работаю и что я большой начальник, но мой автомобиль ценой 12 миллионов она видела. Я поинтересовался, на сколько лет выгляжу; Авличена сказала, что на сорок пять. Она не любит жирных мужчин. Но я пока не потерял форму. Наши свидания-стрижки затягиваются. В первую встречу со мной Авли удивилась высоким чаевым. В связи с дороговизной я в прошлый раз повысил поощрение, она обрадовалась, но так смущенно, что у меня растаяло сердце, до сих пор на душе тепло.

Встаю и становлюсь на весы. Со вчерашнего утра прибавилось 0,05 марголика. Жуть. Если так будет продолжаться, я года через полтора превращусь в бочку сала.

Выходной. Завтракаем поздно. Затем, закутавшись в меховые пальто, идем на прогулку. Рядом на бульваре гипермаркет. Давно не ходим за продуктами сами. Мы всегда ели заграничный творожный рассыпчатый сыр, но потом Благоразумная Вольность поссорилась с соседями, и наш любимый сыр пропал, а отечественные производители осуществили замещение импорта: цену на свой невкусный творожный сыр сразу подняли до цены исчезнувшего иностранного.

Гуляем долго. Возвращаемся подземным переходом. Гитарист, худой, в поношенном легком плаще, играет. На полу в его кепке валяются несколько монет. Прохожие останавливаются, слушают. Музыкальные фразы, словно невесомые листья, влетают в подземный переход, кружатся над собравшейся толпой. Думаю, музыканту невесело.

Подземным переходом, бог знает куда, переходит Благоразумная Вольность. Что ждет ее, несомую вихрем?

Льется в душу наигрыш.

Одиноко взывает газета «Оппозиция». В Северной провинции при разгоне неразрешенного схода городовой сломал девушке руку. В кафе одного из поселков Центральной провинции пьяный околоточный надзиратель избил 17-летнего юношу, парень впал в кому и на следующий день умер в лечебнице, возбуждено уголовное дело. В стране неправедные суды, силовики бьют и пытают: бизнесменов, чтобы отстегнули денежки, и несогласных, чтобы прекратили критику. Делаю вывод: надо сидеть тихо, не высовываться, не болтать на службе лишнее, закрывать кое на что глаза, выглядеть лояльным и соответственно вести себя. Дома можно побрюзжать, предварительно проверив, заперты ли оба замка в стальной двери на два оборота. И все. За мной не приедут. Да, представители власти из страха перед переворотом нарушают Краеугольный Закон 3433 года. Я такие их действия не приветствую. Но я тоже боюсь возвращения революционного кошмара, при котором сначала настанет полная вольность, потом исчезнут товары, продукты, лекарства; государство расколется на враждебные друг другу сегменты, и начнется стрельба.

Гитара — трудный инструмент, но когда она в руках мастера, слушать сложные аккорды — наслаждение. Волшебные композиции. Играй, мужик, пока не прогнал городовой. Сыграешь, пойдешь, думая о не больно щедрых прохожих. Кто скажет, чего им надо? Могли бы быть более благодарными.

Благоразумная Вольность — страна большая. Тот же вопрос: чего ей надо?

Ажниаледа не сводит глаз с гитариста. Музыканту, наверное, легче от взгляда женщины. Бросаю в кепку две с половиной тысячи — на бутылку пива «Черный гриф». Торопливая толпа сметает остатки лада. Мы поднимаемся из подземного перехода, идем в Большой Экономический тупик, к нашему коттеджу номер 14, вдыхая свежий холодный воздух. Что ж, наступай, зима.

Вот мы и дома. Неплохо топят.

Нагуляли аппетит. Слоеный крабовый салат, бульон из телятины, баранина, запеченная под молочным соусом, фруктовый зефир. Гастрономический оргазм.

— Давай прибавим Яакторк, — предлагает Ажниаледа.

— Давай.

Жена идет наверх болтать с подругой по скайпу. Вижу на полке несколько номеров выписываемого Ажниаледой «добродетельно-литературного» журнала «Вольные думы». Беру свежий выпуск и ложусь переваривать обед, накрываюсь пледом. Чего пожелать себе для счастья? Чтобы второго заместителя Председателя Проектно-Хозяйственной Коллегии поскорее перевели куда-нибудь подальше вместе с его дурацкой табличкой на дверях. Чтобы не знать на службе неприятностей, а в душе — ненастья. Чтобы в доме царила радость и все в нем были здоровы.

Включаю «Радио для смышленых». Оно мне надоело: одна критика, ни слова о хорошем. Сколько можно? Чего оппозиционеры от меня хотят? Что я могу изменить? Оставили бы меня в покое.

Слушаю новости. Из богатств, конфискованных спецслужбами три дня назад у родственницы полковника Агупаха, прошедшей ночью украдено 20 миллиардов льбуров и 11 марголиков золота. Оппозиционный «Кислород» по требованию телезрителей исключен из сетки вещания, отныне это будет платная ТВ-колея в Интернете. Четыре киски, принадлежащие жене Председателя Коллегии Бережливости, участвуют в зарубежных кошачьих конкурсах и выставках; эта дама наняла для кисонек частных менеджеров. Она летает с менеджерами и кисулями за границу и обратно специальными рейсами арендуемого ею частного сверхзвукового лайнера, стоящего около трех триллионов. Один из упомянутых менеджеров объяснил корреспонденту «Радио для смышленых», что мурлыкам в салоне бизнес-разряда обычного рейсового самолета не комфортно. За восемь мяукающих полетов супруга Председателя Коллегии Бережливости заплатила из своих личных средств 250 миллионов — свихнулась баба от богатства. Инженер из Южной провинции прислал в Центральный Балаган четвертого созыва предложение об обязательном ежегодном обследовании граждан на предмет правильности их мировоззрения и о прививании им убеждений, полезных государству; сопроводил документ описанием изобретенного им «Детектора мыслей и настроений» и разработанной им (инженером) методикой безболезненного избавления индивидуумов от неверных суждений и взглядов.

Фракция Бойцов Благоразумной Вольности внесла законопроект об уточнении одной из главных статей Краеугольного Закона. Председатель этой фракции Тсинивош с трибуны парламента огласил ее желательную редакцию: «Государство гарантирует свободу патриотического слова, патриотической печати, патриотического творчества». В своей речи Тсинивош отметил, что у нас в стране слишком много гуманитариев. А еще произнес: «Международное сообщество и прочая сволочь».

В эфире появляется гость «Радио для смышленых» — главный редактор журнала «Врач и медицинская сестра». Слушаю его, и легче не становится. Выпускники школ не хотят поступать в медицинские вузы: родители платят за 6-летнее обучение ребенка до 13 миллионов льбуров, а потом сын или дочь получают в уездной больнице жалкие 200 тысяч в месяц. Финансирования не хватает на оснащение клиник и лечебниц; больным не уделяется достаточно времени, что приводит к неправильным диагнозам и лечению; лекарства дороги; хорошие специалисты уходят в частные клиники, где зарплата в три раза выше, или уезжают за границу, за ними туда же потянулись молодые врачи. В бесплатных поликлиниках попасть к некоторым узким специалистам теперь можно только по направлению терапевта, многих больных такая тягомотина не устраивает, поэтому они стали лечиться платно;

добиться этого, вероятно, и было целью Коллегии Бесплатной Медицины. На лечение тяжело больных детишек родители сами пытаются при помощи радио собрать бабки с отзывчивых соотечественников, поскольку в казне на это денег нет. В Восточной провинции закон об обеспечении льготников лекарствами не исполняется, из-за чего умерла девушка, страдавшая сахарным диабетом. В Южной провинции занемогшие люди приходят ко входу в бесплатные поликлиники к шести утра и становятся в очередь за талонами, но талонов мало, приходится являться на следующий день – но и на следующий день нет гарантии, что талон достанется; высказывающим возмущение отвечают: «Не нравится — идите в платную», и это при том, что с населения собирают налоги и обещают за это бесплатную медицинскую помощь. В Западной провинции участковые врачи перестали ходить по квартирам, не на всех участках вообще есть участковые терапевты; невозможно сделать анализ мочи: в лабораториях нет необходимых реактивов; в регистратуры не дозвониться; талон к специалисту можно получить только за полтора месяца до приема; «бесплатное» обследование проводят за деньги. В Северной провинции пациенты вынуждены ложиться в лечебницы со своими лекарствами, расходными материалами и постельным бельем; больные стирают себе бинты; не хватает хирургов для проведения плановых операций, а также санитарок и уборщиц; медсестры, вымыв туалет, ставят капельницы и делают инъекции, нередко просроченными шприцами и медикаментами...

Рано стало темнеть.

Нет сил это слушать. Хватит. Выключаю. Раскрываю наугад журнал «Вольные думы».

Если мало грошей
И легка корзинка,
Думай о хорошем
И о пользе рынка.

Если злая тетя
Брызнет желчным соком,
Ты в своей работе
Воспари, как сокол.

Вглядывайся в лица.
Миг общенья дорог.
Незачем топиться,
Даже если сорок.

Рядом дурость часто,
Надобно спасаться.
Есть веселых каста,
Стоит записаться.

Ну и где здесь поэзия? Рифмованная проза. Стихотворение, очевидно, адресовано немолодым вольнодумцам-неудачникам.

Закрываю журнал. Лучше послушаю радио «Уют», там прекрасная музыка, которая всегда выводит к ночному небу, и вижу звезды. А порой передают давние студенческие и туристские песни; когда я им внимаю, мне снова семнадцать лет, девятнадцать лет. Включаю приемник, набираю цифры, обозначающие необходимую волну. Вот теперь хорошо, только надо сделать тише. Поудобнее укладываю голову на большой пуховой подушке. Вспоминаю о милой Авличене. В нашем изолгавшемся мире существует несколько непреходящих ценностей, в их числе любовь мужчины и женщины. Авли обладает доброй душой, хорошими мозгами, а главное — красотой, увы, недолгой, мимолетной. Женственна, вся — олицетворение цветущей жизни. В ее улыбке, в манере говорить, в неуловимом движении губ нечто обаятельное, трогательное и прелестное. Уже стала близким мне человеком. Лови, Азтевер, короткое счастье. Как я хочу секса с ней!

Медленно поворачиваюсь на правый бок. Не толстеть, не толстеть! Надо меньше есть, совершать ежедневные прогулки. Не поможет — подключу утреннюю гимнастику, хотя неохота.

Натягиваю плед на голову.
И все же: что я сделал хорошего?
Тихая приятная мелодия. Закрываю глаза.

Плод вдохновения жителя планеты Атеналп, не имевший названия, прислали нам российские космонавты, вернувшиеся недавно из соседней галактики. Мы заложили полученную рукопись в «Переводчик», после чего печатаем ее без изменений и изъятий. Позволили себе только озаглавить сочинение и подобрать эпиграфы: к материалу в целом и к конкретным «дням» (кроме эпиграфа к «Третьему дню» — он придуман автором оригинала текста).

Редакция журнала прозы и поэзии «Невозмутимый собеседник». Ул. Ады Якушевой, д. 1, Москва. 12 ноября 2026 года.

ЛАДА КУТУЗОВА

Московский союз литераторов. Сотрудничала с журналом «Семья и школа», где вышли миниатюры из сборника «Лысые пряники». В 2015 году в издательстве «Аквилегия-М» издана сказочная повесть «Мусины бусины». В издательстве АСТ в 2017 году издано подростковое фэнтези «Темногорье». Книга вышла в финал премии ЛайвЛиба «Лучшая книга 2017 года, выбор читателей. Ужасы, мистика». Третье место в конкурсе «Бегущая по волнам» за лучший женский образ в фантастике. В издательстве «Время» в 2017 году вышла школьная повесть «Человек-невидимка из седьмого “Б”». Книга заняла первое место в проекте «Книга года: выбирают дети» среди своей возрастной группы. В 2018 году изданы повести «Звезда имени тебя», «Первое слово съела корова!». В 2019-м — «Укрощение строптивого Женьки». В издательстве «Аквилегия-М» в 2018 году вышла мистико-фэнтезийная повесть для подростков «Изгнанники Темногорья».

ЗАЧЕМ ОН ЛОМАЛ МОИ ИГРУШКИ?

Брат расхохотался.

«Чело-веки!» — он сморщился, будто ему в рот попал травяной клоп, и хлопнул себя по лбу. Потом вытаращил глаза, оттянув нижние веки пальцами, отчего глаза налились красным. Я не люблю, когда брат так делает: будто он хочет стать кем-то страшным, а не моим братом.

— А почему тогда не чело-веки-рото-носы? — скривился он. — Или руко-ноги? Какие дурацкие прозвища ты им даешь.

— Ничего не дурацкие, — я старался не показать, что мне обидно, иначе брат не отцепится.

— Как же не дурацкие, — хмыкнул он. — Такие же дурацкие, как ты сам. «Живот-ные» — не мог чего получше придумать!

Я ничего не ответил. Пусть я не мастак сочинять названия, зато умею лепить из глины разное.

Брат заглянул в домик, хотя я пытался прикрыть его рукой.

— Ой, эти чело-веки уроды! А знаешь почему?

Я промолчал.

— Потому что они похожи на тебя! Лепишь таких же уродов, как сам.

Чело-веки и впрямь походили на меня. А на кого же еще? Не на брата же. Хотя мы близнецы и другие нас путают, но я — это я, а он — это он, мы себя никогда не перемешиваем.

— Дай посмотрю! — брат вырвал коробку и начал вглядываться в чело-веков.

Через некоторое время он резко пихнул ее обратно.

— Они и тупые, как ты, — с разочарованием произнес брат.

Брат злился, потому что не мог никого со-творить. Сколько ни пытался, у него ничего не выходило. А мои чело-веки умели ходить, правда, неуклюже и падали все время, но это ерунда. Зато живот-ные получились хорошие: они бегали и издавали различные звуки. Ничего, я и чело-веков научусь хорошо делать. Мама говорила: «Главное — верить в себя, и все получится».

Домик из коробки собрала мама. На крышке нарисовала небо. На дно приклеила горы и леса из картона, изобразила реки и моря. Когда мама исчезла, я целыми днями лежал на полу и разглядывал коробку. А потом решил со-творить что-нибудь сам. Долго решал из чего, а после взял глину, потому что пластилин брат забрал себе. Он вечно все отбирает у меня, но коробку я не отдал: он может что-нибудь испортить в мамином домике.

…Брат сломал чело-веков. Утром я открыл домик, а несколько живот-ных и чело-веков лежали без движения — они были раздавлены. Брат подошел и пихнул меня в спину.

— Давай, плачь! — велел он.

Я сдерживался: не хотел, чтобы он смеялся надо мной.

— Они мне надоели! — продолжил брат. — Ничего не умеют, лишь ходят, сталкиваются друг с другом и падают.

— Они научатся, — ответил я, хоть и не стоило.

— Как же, — брат выхватил одного чело-века и стал раскручивать его, — они тупые, как и ты.

— Отдай! — не выдержал я.

— Тогда повторяй: «я тупой», — велел брат.

— Не буду!

Брат с силой швырнул чело-века об стену, тот ударился и больше не шевелился.

— Тупой, тупой! — стал кричать брат. — Надо отнять у тебя коробку, чтобы ты не портил ее своими дурацкими игрушками.

— Это не игрушки! Это чело-веки!

Я изо всех сил прижал домик к себе: мама сделала его для меня. Брату-то он зачем? Он вечно все ломает. Но брат подступил так близко, что я испугался. Он не оттягивал сейчас нижние веки пальцами, но мне показалось, что

это кто-то страшный, а не мой брат. И я начал злиться, что он пугает меня. А мама говорила, мне нельзя злиться, потому что я в такие моменты сам не ведаю, что творю. И отключаюсь. Из-за этого кусок времени выпадает из памяти. Это как картинка, состоящая из пазлов: если пропали самые главные, то никак не понять, что там прежде было. Но брат не отступал.

Когда я включился, брат лежал возле стены рядом с чело-веком. На голове у брата было что-то красное. Я потрогал его, и мои пальцы тоже стали красными. Брат не шевелился, что-то испортило его. А может, он сам сломал себя — он любил все ломать. Я оттащил брата во двор и оставил под яблоней, а сам вернулся к домику. Теперь никто не помешает мне творить чело-веков и живот-ных.

…Эти чело-веки были хорошие. Они не спотыкались и умели делать разные вещи. Я целыми днями смотрел за ними: вот это мама, это папа (своего я почти не помнил, он был очень давно), это я, это брат, это еще один брат, а это сестренки. Они были милыми и походили на меня. Я любил глядеть на них. Но однажды я увидел, как один брат взял что-то острое и ударил этим другого. Тот, другой, упал и не шевелился — его сломали. Тогда я испугался, закрыл коробку крышкой и несколько дней не подходил к домику. А когда открыл, то увидел, что чело-веков много, и одни ломают других, и даже живот-ных. И тогда я заплакал.

Раньше я старался не плакать, потому что брат дразнился: «Рева-корова! Нюня!» — и пытался задеть меня. Но после того, как брат сломал себя, мне некого было стыдиться.

Я долго плакал, а когда достал коробку, то обнаружил, что чело-веки ломают мамин домик. Они портят деревья и реки, проделывают дырки в земле, взрывают горы. Мне показалось, что на меня со всех сторон смотрит мой брат — у чело-веков было его лицо. То есть лицо было мое, но из-за него выглядывало другое. Как если бы я перемешался со своим братом. На секунду мне стало страшно, и я едва не разозлился. Хотелось взять коробку и начать трясти ее изо всех сил. Так, чтобы внутри все перемешалось. Но я испугался, что сломаю мамин домик и своих чело-веков с живот-ными.

Тогда я опять закрыл коробку, обмотал ее лентой и отнес в сарай на самую дальнюю полку.

…Я решил сделать домик взамен маминого. Взял коробку и приклеил к крышке сразу несколько рисунков: голубое небо, серое и черное. На черное прицепил звезды из фольги — так красивее, на остальные — клочки ваты, это будут облака. Вырезал из картона горы, сверху выдавил на них взбитые сливки — это снег. Раскрасил листья деревьев в разные цвета: пусть меняют друг друга, а то скучно, когда все одинаковое. Набрал в песочнице

желтый песок для пустыни, а из камина уголь — для земли. Вскоре домик был готов.

Тогда я начал творить из глины живот-ных. Разных. Они бегали между деревьями и издавали звуки. Живот-ные очень хорошие, и мне было с ними весело. А вот чело-веков я делать не стал. Не хочу. Они только притворяются, что у них мое лицо. А потом оказывается, у них лицо моего брата.

Зачем он ломал мои игрушки?

УБИТЬ В СЕБЕ ЛОШАДЬ

Я — лошадь, поэтому весело ржу и прыгаю. У меня самые лучшие дети и самый любимый муж. Я все могу. Сейчас и сразу. Все в моих руках кипит и спорится.

Я — лошадь, я все везу на себе и всегда со всем справляюсь. Когда захожу в дом, муж кричит из спальни: «Хлеба купила?» И я плетусь в магазин, потому что все везу на себе. И начальство на работе уважает меня за то, что я тягловая лошадь — все могу и все везу на себе.

Я звоню подруге и с придыханием рассказываю:

— Галь, представляешь? Я тут в троллейбусе недавно ехала, и на меня всю дорогу какой-то мужик пялился.

Ведь я лошадь и отвыкла, что мужчины могут просто смотреть на меня, не ожидая, что я буду скакать и все везти на себе.

Галина, москвичка в кто бы знал, каком поколении, тянет гласные:

— Да-а? У тебя что-то с одеждой было? Может, запачкалась?

— Нет, Галь, — мой оптимизм еще не погас, и я весело скачу вокруг телефона, — все нормально было. Он просто так смотрел, глаз не сводил.

— Наве-е-ерное, он задумался. Я тоже, когда думаю о чем-нибудь, уставлюсь в одну точку и никого не замечаю.

Да, я — лошадь, поэтому мужчины могут смотреть на меня, только о чем-то сильно задумавшись. Галина — тоже лошадь, у которой получается притворяться, что она женщина. Она высокая и холеная, с породистым еврейским носом. Она умеет превращать окружающих мужчин в лошадей, и тогда они весело прыгают и ржут около нее. Но и Галина каждое утро скачет на работу и тоже все везет на себе, ведь она породистая еврейская лошадь.

У меня есть хобби, которого я немного стесняюсь, ведь для лошади это непозволительная блажь. Я пишу рассказы. Обычно я не афиширую их, ведь у меня нет ни филологического, ни литературного, ни даже журналистского

образования — я тягловая лошадь, которая только и умеет, что все везти на себе и со всем справляться. Я даже пренебрежительно называю свое хобби писаниной, чтобы никто не догадался, что оно для меня значит. Но иногда мне кажется, что я писатель, и тогда я выкладываю свои рассказы в Сеть. Муж снисходительно называет мои потуги фигней и интересуется, когда я начну получать гонорары. (На самом-то деле он называет это не фигней, а другим, более грубым словом. Но мы — приличные лошади, поэтому я пишу «фигней».) Ведь гонорары — это показатель, что мои потуги — не блажь. Ибо лошадь должна все на себе везти и зарабатывать деньги, иначе она — неправильная лошадь. Критики пишут: «Низкий литературный и художественный уровень». И я слышу за спиной их улюлюканье: «Ты — лошадь, ты должна прыгать, и весело ржать, и все везти на себе, а не писать рассказы».

Я прихожу домой опустошенная после выматывающей работы. Мне хочется упасть и уснуть, перебирая ногами во сне, ведь я привыкла скакать. Младший сын виснет на моей шее и сообщает, что уроки не делал — ждал меня. Ведь я лошадь, и все привыкла везти на себе, и со всем справляться, даже думать за других. Ведь это так здорово, когда мама решает задачи и можно не думать самому. Я чувствую себя загнанной лошадью, которую надо пристрелить из жалости. Из моих глаз льются крупные лошадиные слезы. Сын пугается, он не хочет, чтобы во мне что-то безвозвратно сломалось, ведь тогда я не смогу весело ржать и прыгать.

Мои коллеги, такие же лошади, пытаются вытравить ее из себя. Они бегают каждые полчаса на лестницу и травят ее никотином — ведь капля никотина убивает лошадь. Но лошадь дымит никотином, снова все везет на себе и со всем справляется. Она неистребима. Она может только сдохнуть, когда ее окончательно загонят и пристрелят из жалости.

На следующий день я узнаю, что супруг сам сходил в магазин и даже купил хлеб, а младший ребенок сделал уроки. Сын жалеет меня и предлагает отдать сэкономленные от обедов деньги. Он гладит меня по голове и обнимает. Старший ребенок подсаживается рядом, и мы молчим. Вскоре наступает отпуск, и мы всей семьей уезжаем на море.

Прибрежные волны лениво перекатывают гальку, с шумом утягивая за собой мусор с побережья. В тени пляжного зонта я чувствую, что перестаю перебирать ногами и все везти на себе. Я сбрасываю хвост и копыта, как змея прошлогоднюю шкуру, и притворяюсь женщиной. Через десять дней, отдохнувшие и загоревшие, мы возвращаемся домой.

Я — лошадь, поэтому весело ржу и прыгаю.

НАТАЛЬЯ ДЗЕ

Родилась на Чукотке, в городе Певеке. Училась в университете в Москве. В Санкт-Петербург перебралась по любви. Серебряный лауреат Международного литературного конкурса «Русский Stil-2016» в номинации «публицистика, эссеистика». Лонг-лист Одесской Международной литературной премии им. Исаака Бабеля — 2017. Лауреат Смешного Фестиваля «Красный Нос — 2018». Лонг-лист литературной премии «Антоновка 40+» 2019. Лауреат премии журнала «Этажи» — 2020. Лонг-лист литературной премии А. И. Левитова — 2021. Шорт-лист премии «Рукопись года — 2021» — специальная номинация «Детская литература». Печаталась в журналах «Этажи», «Новый Свет» (Канада), «Аврора», «Сура», «Неман» (Белоруссия). Рассказы взяты в сборник «Были 90-х» (выпуск 2017, изд-во АСТ, Москва), сборник «Ангелы-хранители нашего детства» (выпуск 2018, изд-во «Астрель», Санкт-Петербург), сборник «ТАКСИчная книга» (выпуск 2019, изд-во «Астрель», Санкт-Петербург), сборник «Над пропастью в поколение» (выпуск 2020, изд-во «Аврора», Санкт-Петербург).

СТОЛЯРОВ И ЦЫГАНОВ

В первом классе меня посадили с мальчиком по фамилии Столяров.

Тихий, белобрысый, ушастый. Вокруг дрались учебниками, рисовали на тетрадках друг у друга, делили парты, пихаясь локтями. Мальчики дергали девочек за косички, девочки ныли и тянули руку — жаловаться. Мы же со Столяровым не ругались, не дрались, не пачкали тетради, давали списывать друг другу. Если во время урока приходилось случайно коснуться локтями, то вежливо отодвигались. Как будто по парте проходила незримая линия личного пространства: справа мое, слева его. И мы никогда ее не нарушали. Я радовалась, что наше соседство мирное. И думала, что мне повезло со Столяровым, а ему — со мной.

В конце сентября в класс пришел Цыганов. Рыжий, громкий, смешливый. Он бегал по классу, отбирал портфели, разбрасывал учебники, грыз чужие шариковые ручки, подкладывал кнопки на стулья. Его посадили на соседний ряд, через проход от нас. На уроках он постоянно ерзал, поворачивался к нам: показывал язык, кидался бумажными самолетиками и кораблями, изображал носорога, передразнивал учительницу. Столяров хихикал, ему явно нравился новый веселый одноклассник. Я устало вздыхала: кривляние Цыганова раздражало и надоедало.

Близились ноябрьские праздники. Мы готовились в октябрята: учили правила, стихи и речовки, волновались и репетировали. В назначенный день мальчики пришли в белых рубашках, девочки — в белых фартуках, с белыми бантами в косах. У всех — цветы и воздушные шарики. И обязательная звездочка с портретом Володи Ульянова. Цветы и шарики сложили на подоконники. Звездочку держали в карманах — надевать ее до торжественной линейки было нельзя. Оставалось целых четыре урока. Все были возбуждены, невнимательно слушали учителей, шумели и отвлекались.

Цыганов вертелся, подмигивал нам со Столяровым, прикладывал звездочку то к глазу, то к носу, то зажимал ее верхней губой и на последней, самой длинной, перемене задумал каверзу. Он подкрадывался и острой иглой звездочки прокалывал воздушные шары. Те лопались с громким «бах» и превращались в жалкие разноцветные лоскутки. Когда же на него набрасывались обиженные владельцы, Цыганов хитро улыбался:

— Это не я, это вот он! — и протягивал звездочку, с которой наивно взирал кудрявый Володя Ульянов.

Столяров громко хохотал. «Гад какой, Ленина втянул! — хмурясь, думала я. — И этот хорош! Ржет как лошадь!»

И почему-то была уверена, что меня Цыганов не тронет. По негласному соседско-приятельскому уговору. Я забрала свой шарик с подоконника, оставила на парте и полезла в портфель за учебником. Вытащила, подготовилась к уроку и вдруг увидела, что Столяров присоединился к Цыганову, и они вместе прокалывают шары.

— Ну что, Наташка? — они приблизились ко мне, и Цыганов хитро прищурился: — Где там твой?

Я спрятала шарик за спину, но он предательски выплывал: то справа, то слева.

— Нигде, — огрызнулась я. — Не твое дело. Отвали! — И посмотрела в глаза Столярову: — А ты-то, что?

— Ничего, — ухмыльнулся он.

Цыганов тем временем изловчился и ткнул Лениным в мой шар. Тот с грохотом лопнул. Столяров засмеялся.

Я бросилась на него, схватила за грудки, вырвала «с мясом» три пуговицы из нарядной белой рубашки и с криком «Как ты мог?» начала его трясти. Столяров осатанел, оттолкнул меня, схватился обеими руками за парты — справа и слева, подтянулся, раскачался и пнул ботинком в мой бе-

лый фартук. На груди остался след. Было больно, я задохнулась и вцепилась ему в волосы, он — мне.

Очнулись от крика учительницы:

— Столяров! Сергеева! Прекратите немедленно!

Тяжело дыша, мы расцепились.

— Подойдите сюда!

Мы поплелись к доске. Одноклассники уже сидели на своих местах, и Цыганов тоже примерно сложил ручки на парте.

— Октябрята — дружные ребята! — рявкнула она. — А вы? Деретесь! В такой день! Как вас принимать? После урока — линейка! На кого вы похожи?

— На кого? — хмуро поинтересовался Столяров.

— А вы идите и посмотрите! — махнула она в сторону двери, — И себя в порядок приведете. Ты — его, а он — тебя! Ясно? Чтоб я вас не видела в таком виде!

И вытолкнула нас из класса. Когда мы остались вдвоем в пустом школьном коридоре, Столяров как-то сразу обмяк и растерял запал. Он снова превратился в молчаливого вялого соседа.

— Из-за тебя все! — выкрикнула я.

— Что, из-за меня?

— Ничего! Предатель! Теперь нас не примут в октябрята! Как ты мог? Мы ж друзья!

И заплакала. Столяров тихо сопел.

— Что делать будем? — тускло спросил он.

Я вытерла слезы, сняла испачканный фартук и сунула ему в руки:

— Это стирать!

— Где?

— В туалете!

— Там нет воды!

— Иди в женский!

— Женский? — с ужасом переспросил он.

— Да! Там сейчас никого. Я посторожу. Хотя нет, погоди, сначала за нитками.

И убежала на первый этаж к гардеробщице, у которой всегда были припасены и нитки с иголками, и пластырь, и бинт, и даже запасные ручки.

— О-хо-хо! — вздохнула та, когда я попросила белую катушку с иголкой. — Иголок-то полно, а вот белых ниток нету. Возьми красные!

Делать нечего, взяла.

Через некоторое время в женском туалете на втором этаже можно было увидеть такую картину: Столяров в одной майке стоит у раковины и стирает фартук, я же подпираю дверь и пришиваю пуговицы к его рубашке, запутывая длинную красную нить. Столяровский пиджак висит на швабре у стены. Мы торопимся, до конца урока меньше получаса, надо успеть! И еще причесаться — ему, и переплести косы — мне.

На торжественную линейку мы влетели последними: Столяров с приглаженными волосами и я — с криво завязанными бантами. На рубашке Столярова виднелись красные стежки, мой же фартук был влажным и прилипал к форме.

Учительница, недовольно хмыкнув, поставила нас в шеренгу нашего первого «Б» класса. Рядом конечно же оказался улыбающийся во весь рот Цыганов.

— Ну что? — шепнул он нам. — Отмылись?

Я промолчала, Столяров тоже.

Нас торжественно приняли в октябрята. Игла звездочки со скрипом вошла во влажную ткань фартука, и я облегченно выдохнула: получилось, сбылось, достойна, не подведу.

После этого случая все снова пошло своим чередом: мы мирно соседствовали со Столяровым, Цыганов вертелся и кривлялся.

В декабре я уехала из этого городка.

Вернулась только в конце шестого класса, весной. По забавному совпадению, меня опять посадили со Столяровым. Он вытянулся, похудел, но остался таким же немногословным и закрытым. Когда я обращалась к нему, его лицо заливало краской.

Цыганов же шутил, шумел, отбирал мой портфель, боролся на переменах с ребятами, играл в футбол-волейбол-баскетбол, и после физкультуры его рубашка темнела между лопатками от пота. На эту влажную спину хотелось смотреть вечно. После уроков мы с ним вместе прогуливались по школьной аллее. Однажды меня отправился провожать Столяров. Он молча шагал рядом, сопел и, наконец, выдавил:

— Как ты могла?

Я ничего не ответила и ушла.

ЗА КУРИЦЕЙ

Тбилиси, восемьдесят седьмой год, мне двенадцать. Живу у бабушки.

Время перестроечное: дефицит, пустые полки, талоны.

Как-то во дворе пролетел слух, что в магазине за углом дают курицу. Бабушка спешно меня туда отправила.

Подхожу и вижу — очередь, толпа. И, кажется, все наши соседи тут: и хохотушка тетя Ануш из двадцатой квартиры, и степенный дядя Резо из восьмой, и детский врач Оганес из первого подъезда, и седой дед Эльдар из соседнего двора.

Стоим полчаса. Никакого движения.

— Товарищи! — кричит вдруг продавщица. — Не занимайте! Товар заканчивается!

Все заволновались.

— Как же это?

— Только встали.

— Да ведь час всего прошел, как давать начали, и что – кончается?

— Безобразие!

— Ввести новый закон надо, — горячо говорит дядя Резо, — как в Москве: продукты для москвичей по прописке. А у нас — только для грузин чтоб! Нечего всем подряд курицу нашу есть!

— Ой, Резо! — машет рукой тетя Ануш. — Я армянка, но родилась тут и всю жизнь прожила, и муж мой — грузин, сама я с детства на грузинском говорю, Шота Руставели наизусть знаю, и что мне теперь без курицы оставаться?!

— Шота Руставели все знают, это мировая литература. Не имеет значения, — важно отвечает дядя Резо. И приосанивается.

— Ты, Резо, не прав, — хмурится Оганес. — Мы, армяне, как и грузины, христиане, а ты нам курицу пожалел. Нехорошо!

— Ну, ладно, — соглашается дядя Резо. — Пусть курица будет грузинам и тем армянам, кто родился в Тбилиси и знает Шота Руставели.

Оганес одобрительно кивает.

— Не наизусть, — добавляет он. — Просто знает.

Дядя Резо согласно цокает языком.

До сих пор молчавший дед Эльдар громко кашляет.

— Что же у вас получается? — он обводит всех хмурым взглядом. — Мы, мусульмане, свинину не едим, говядину не достать, а вы нам и в курице отказываете? Хороши, нечего сказать! Ты, Резо, не проси меня машину твою

чинить, а ты, Оганес, с шахматами своими не приходи в мой двор. Захлопну двери, так и знайте!

И воинственно вздергивает седой подбородок.

Резо и Оганес переглядываются.

— Нет, Эльдар, ты не так понял, — начинает дядя Резо, но дед Эльдар уже разошелся:

— Идите свинину покупайте, вон, в соседнем отделе, — шумит. — Ишь, курицу им подавай!

— Да той свининой только собак кормить! — смеется тетя Ануш. — Одни кости!

— Слышал, что женщина сказала? — вскидывается дядя Резо. — Одни кости там, а я тебе не собака — кости грызть.

Народ вокруг волнуется, бушует: одни обсуждают — где можно купить хорошую свинину, другие — кому все-таки давать курицу, а кто обойдется, третьи ругают правительство.

Шум, гам, суета.

Тут продавщица поправляет косынку и громко так, насмешливо:

— А курица-то русская, из Краснодара! Как делить будете? А?

Очередь тут же смолкла.

И только Оганес шумно вздохнул:

— Что ж, сестра, поделим поровну. Ты только товара еще привези. Чтоб всем хватило.

ПИШИТЕ ПИСЬМА

Обнаружила на даче адресную записную книжку, которую я вела лет в десять-двенадцать.

В то время не было социальных сетей, электронной почты, и графоманы вроде меня писали бумажные письма.

География моих адресатов удивляла широтой: от тундрового поселка Гыргычан до Винницкой области. От Магадана до Урала. От Благовещенска до Москвы.

Случайные попутчики в поезде и самолете, приятели из пионерлагерей, одноклассники, уехавшие в другие города, подружки на даче у бабушки — все эти люди аккуратно заносились в книжицу и потом, на протяжении долгого времени, бомбардировались обстоятельными письмами.

Многие, кстати, отвечали, терпели меня годами и даже хранили мои послания (сами потом показывали).

В одиннадцать лет я решила замахнуться на заграницу.

Хотелось разнообразия и узнать, как там в других мирах.

Поначалу у меня было два иностранных друга.

Йоанна из Польши и Октай из Монголии.

Оба изучали русский язык и с удовольствием писали.

С Йоанной мы обменивались фотографиями, вырезками из журналов, фантиками от конфет и даже носовыми платками.

Октай же, кроме открыток с юртами, присылал свои чудесные рисунки: степь, лошади, мальчик гарцует на коне. Вскоре он сообщил, что планирует на мне жениться, и я резко прервала переписку, испугавшись такого серьезного шага с его стороны.

Осталась одна Йоанна. Этого показалось мало. И я направила силы на поиски.

Я выклянчила у нашей пионервожатой адрес школы в Кабуле, пообещав, что стану послом мира и советским миротворцем в Афганистане.

И написала афганским школьникам большое письмо.

Они не откликнулись.

Я обиделась и не простила, мол, война войной, а отвечать на письма миротворцев надо по расписанию.

Еще я писала в благополучную пионерскую организацию имени Тельмана и просила выдать мне пару-тройку немецких пионеров, которым я буду рассказывать, как хорошо живется в нашей стране, и слать открытки с видами Красной площади и Эрмитажа. Окультуривать.

Готова великодушно не затрагивать тему «про фашистов». В ответ жду жвачку (тонкую пластинку вполне можно упаковать в письмо), а также переводные картинки.

Но больше всех, конечно, досталось тогдашнему американскому президенту Рональду Рейгану.

Газета «Комсомольская правда» неосторожно (или намеренно?) разместила адрес Белого дома, я тут же переписала, и понеслось!

Я призывала его покаяться, разоружиться, признать себя виновным в гибели Саманты Смит и вообще бросить весь свой апартеид вместе с капитализмом. Открыться миру, подружиться с ним, стать добрым и крикнуть: «Прощай, оружие!»

Что есть только миг между прошлым и будущим.

Ребята, надо верить в чудеса, даже если друг оказался вдруг на маленьком плоту.

Солнечный круг и взвейтесь кострами.

Думаю, к концу восьмидесятых послания с моими призывами так утомили господина Рейгана, что он при первой же возможности подписал с Горбачевым договор о разоружении, как можно быстрее ушел с президентского поста и уехал куда подальше, в деревню, в глушь, чтобы ни одна «Комсомольская правда» не раскопала его новый адрес и не передала активным советским пионерам.

И там, вдали, свободный от обязательств и моих рекомендаций, он, наконец, вздохнул свободно.

ВЕЛИКАЯ ПОЧТАЛЬОНША

Моя первая профессия — почтальон.

Когда мне было пятнадцать, в школе ввели обязательную летнюю практику.

Я выбрала почту.

«Тьфу! — думала я. — Делов-то! Газеты-журналы разносить!»

И пришла на почту со школьным квиточком.

— В семь утра на рабочем месте, дверь со двора!

К назначенному времени я прибежала.

Полутемное помещение, хмурые женщины в синих жакетах, запах типографской краски и сургуча.

— Практикантка! Валь, к тебе! — крикнула одна.

Подскочила маленькая круглая Валя:

— Так, вот стол, вот книга с адресами-фамилиями. Изучай. Если что — спрашивай.

Мне досталось три участка: один рядом с почтой, два других — за озером.

— А за озеро как я понесу?

— Илье отдашь, — и она кивнула на парня лет двадцати, вошедшего в комнату, — он развезет, там, в домах шкафчики навесные, специальные, положит, вот ключи, кстати, — и бросила на стол связку маленьких ключиков. — А ты потом придешь и разнесешь уже по квартирам.

Пока я изучала тетрадку с адресами, мне бухнули на стол пачку нашей местной газеты. Листами, и каждый — размером с ватман.

— Это что?

— «Полярная звезда», из типографии.

— А почему в таком виде?

— Как напечатали — так и отдали! Возьми да сложи!

Первые дни было невыносимо. Газет и журналов выписывали много, я работала очень медленно, боясь перепутать.

Сложнее всего приходилось с «Полярной звездой». Фальцовка давалась трудно: то и дело я резала пальцы о бумагу, шмыгая носом от подступавших слез. Глядя, как мои коллеги ловко — цоп-цоп! — хватают эти листы и тут же складывают вдвое, думала, что никогда так не научусь.

К десяти утра все уже убегали с перевязанными пачками на участки, а я еще возилась с раскладкой.

— Я так не смогу! — ныла я дома.

— Сможешь, — невозмутимо отвечала мама.

И я стала задерживаться на почте допоздна: все мои коллеги уже уходили, а я фальцевала (Валя отдала мне свои резиновые напалечники, и сразу стало получаться быстрее), раскладывала газеты-журналы по списку квартир и домов, подписывала, связывала в пачки.

И вскоре дела наладились.

С утра я разносила, потом прибегала домой, обедала и немножко спала, а вечером — готовила все для моих участков к завтрашнему дню. К семи часам уже освобождалась и мчалась гулять.

Теперь мне нравилась работа, и коллеги уже не казались хмурыми.

Я почти полюбила моих адресатов: знала, кто что выписывает, и иногда ворчала на «интеллихгента» Лаврикова с улицы Советской, которому носила, казалось, все — «Комсомолку», «Известия», «Труд», «Пионерскую правду», «Работницу» с «Крестьянкой», «Огонек», «Юный техник» и «Юный натуралист», а главное — эту толстенную «Литературную газету», которую не пропихнуть в ящик.

Вечерами нам привозили письма и телеграммы.

Письма я долго рассматривала и представляла, как обрадуется С. Г. Кочнев, получив весточку из Ростова, и как запрыгает К. Л. Михайлова, увидев конверт из Екатеринбурга.

Письма пахли дорóгой, самолетом и казались вестниками счастья.

Телеграмм я опасалась, но за время моей работы не пришло ни одной «плохой» телеграммы, а только поздравительные.

И каждый раз я облегченно выдыхала.

Оставалась одна проблема.

Водитель Илья.

Он часто подбрасывал меня на «уазике» на мои далекие участки и настойчиво приставал.

— А не зайти ли ко мне домой пообедать? — он ухмылялся, и во рту у него недвусмысленно поблескивал золотой зуб.

— Не, я уже! Данке шен!

— Битте, но, может, завтра?

Иногда он позволял себе невзначай приобнять меня, как бы в шутку. И мне не хватало умения его отшить. Вроде коллеги, ссориться неохота. Кто потом будет возить меня и мои пачки?

Но однажды терпение лопнуло. Вместо того чтобы ехать за озеро, Илья завернул к своему дому и потащил обедать.

Я уперлась.

— Ну и сиди тут, а я поем пока, — он демонстративно направился в подъезд, а я осталась в машине.

Я немножко посидела, потом вышла, прихватив с собой какой-то журнал, и стала прохаживаться вокруг машины.

Через полчаса Илья выскочил, дожевывая что-то на ходу.

— Ну, что, Илюха?! — залихватски рявкнула я и изо всех сил хлопнула его журналом по спине. — Отобедал?

Илья подавился куском и закашлялся, испуганно уставившись на меня.

Я безмятежно улыбалась.

— Поехали скорей!

— Угу! — кивнул он, и мы поехали.

С тех пор поползновения прекратились.

И потом, когда я случайно встречала его с друзьями на улице, он всегда говорил:

— А это Наташка, моя коллега, великая почтальонша!

Я снисходительно хмыкала.

После окончания практики я получила первую зарплату — двести пятьдесят рублей. И купила в комиссионке осеннее пальто «с волосинками», а еще югославский спортивный костюм.

Прибегала на почту хвастаться — все мои коллеги ахали: «Вот видишь, какая молодец! Заработала и купила!»

Я потом еще долго приходила к ним. Пили чай, болтали.

До сих пор помню логику раскладки газет-журналов, как фальцевать, как придерживать бечевку, когда вяжешь пачки.

Да и наглых водителей теперь сходу умею отшивать.

В общем, если что — пойду на почту работать.

Жаль только, что люди сейчас почти ничего не выписывают.

НЕ СБЫЛОСЬ

Когда мне было двадцать лет, я жила в Москве.

Одна.

Завтракала яблоками, обедала сырковой массой. На ужин обходилась чашкой кофе.

Была очень худа и застенчиво-романтична.

Училась в институте, писала сценарии к капустникам и кавээнам.

Читала вперемешку — Агату Кристи и «Экспресс газету», Набокова и «Спид-Инфо», Гиляровского и «Московский комсомолец».

Ходила в ЦДХ на выставки современного искусства.

Толклась у своих взрослых друзей в фонде «С», где мы с шеф-редактором дымили как два испорченных паровоза, хохотали и сочиняли дурацкие стишки на вечную тему «и скучно, и грустно».

В какой-то момент от столь разнообразной жизни у меня заболел желудок (немудрено, один «Московский комсомолец» чего стоит! да и современное искусство…).

И я — в душе унылый ипохондрик — тут же помчалась к доктору.

После осмотра была направлена на гастроскопию.

В назначенный день бородатый веселый врач запихнул в мое горло зонд с лампочкой и, оставив меня икать на кушетке, подошел к монитору.

Уставшая хмурая медсестра вдруг оживилась и дернула его за рукав:

— Смотри, у нее лампочка в животе видна!

Тусклый свет сквозил из моего худенького тельца.

Я была похожа на мерцающего инопланетянина.

Врач с медсестрой дружно расхохотались.

— Первый раз такое вижу, — врач утер выступившую от смеха слезу. — Ты чего ж так тоща, девонька? Вон, аж лампа горит из пуза!

Мне хотелось как-то изящно ответить. Пошутить. Сделать вид, что мне тоже смешно, а совсем не обидно. Но в горле стоял зонд, и я только беспомощно пробулькала что-то в ответ. Какое-то «а ва ва». Даже улыбнуться не получилось.

Зато потом, стоя у стола в ожидании заключения, которое мой врач-бородач писал торопливыми каракулями, я сдержанно обронила:

— Это был мой внутренний свет. Душевный. Людям светить, понимаете? — и, помолчав, хмыкнула: — В трудные времена я могу работать абажуром!

Мне казалось, это был достойный ответ.

— Для абажура нужна широкая жопа! — весело заржал врач и, глядя на мое оскорбленное лицо, примирительно добавил: — Ничего! К тридцатнику нарастет твой абажур! И светить перехочется!

Прошло много лет.

Я не ем сырковую массу, равнодушна к яблокам и кофе, мало курю, читаю очень выборочно.

Мне не с кем писать дурацкие стишки, да и зачем.

Современному искусству предпочитаю Ренессанс.

«Тридцатник» давным-давно миновал.

И мой внутренний свет — только для близких.

Но кое-что осталось неизменным.

Я по-прежнему без абажура.

Обманул-таки бородач. Как есть — обманул.

ШУШУВИЧ

После института я была госслужащей. В миграционной службе маленького городка. Сидела в отдельном кабинете.

Дел было мало, посетителей еще меньше, из оргтехники — только телефон.

Почти весь рабочий день я читала книжки. И писала друзьям в Москву и Петербург длинные обстоятельные письма.

В кабинете стояла библиотечная тишина.

Как-то зимой, в обеденный перерыв, ко мне пришла крыса. Через дырку в полу.

Выбежала на середину кабинета и остановилась.

Я взвизгнула, уронила бутерброд и поджала ноги.

Крыса отпрыгнула в сторону и замерла. Большая, темно-серая.

Нюхала воздух и смотрела на меня.

А я — на нее.

На макушке топорщился чуб.

«Это крыс!» — определила я по прическе и осторожно кинула кусочек сыра. Потом хлеба с маслом и веточку укропа.

Хлеб и сыр он сточил в секунды, а укроп унес с собой.

— Нарву цветов и подарю букет, — пробормотала я, когда он вместе с укропом исчез в дыре, — той девушке, которую люблю.

Обитать в одном помещении с грызуном не хотелось.

Я сделала большую плотную пробку из бумаги и картона и запихнула в дыру.

Мне виделось, как крыс, уткнувшись головой в преграду, удрученно разведет лапками, мол, черт возьми, закрыто, и повернет обратно.

Наутро весь кабинет был запорошен белым и желтым конфетти.

Крыс разгрыз пробку и разнес ее остатки повсюду. Получилось очень нарядно.

Как будто Новый год.

Еще он украл со стола мой кохиноровский карандаш.

— Новый год только через две недели, — бурчала я воображаемому крысу, подметая кабинет. — А ты уже празднуешь. И подарки сам себе даришь.

Несколько раз я придумывала гуманные способы заткнуть выход, то старым тапком, то тряпками, то опять же — картоном.

Но всякий раз крыс либо выталкивал преграду, либо разгрызал.

— Ладно, — махнула я рукой. — Живи! Вместе веселее.

Я назвала его Шушувич.

— Что за имя такое — Шушувич? — удивлялась Надя из соседнего кабинета. — Пусть уж как бывший белорусский президент зовется — Шушкевич!

— Но я не хочу сидеть в одном кабинете с президентом, — пугалась я. — Бывшим. К тому же Шушкевич звучит как шепелявая «сушка», Сушкевич-Шушкевич, а Шушувич — от крысиного имени Шуша, только мужского рода. Благороднее.

Надя смотрела на меня как на помешанную и больше не приставала с советами.

Шушувич появлялся не каждый день. У него было свое, только ему известное, расписание.

Он никогда не пугал моих редких посетителей. Выходил, когда я оставалась одна.

Сначала слышалось шуршание, потом мелкие цок-цок коготков по полу, и вот он уже в центре кабинета. Потом — пробежка под шкафом, к двери, под стол, и — мимо меня — к норе. Фших! — и нет его.

Порой он хулиганил по ночам.

Сгрызал карандаши, ручки и ластики.

Оставлял на заявлениях вынужденных переселенцев свои крысиные какашки.

Возможно, так он выражал несогласие с миграционной службой. А может, и с политикой государства.

По утрам я сметала со стола стружки, отряхивала заявления и ругалась.

— Это ж строгая отчетность! — трясла я бланками. — Мне голову за каждый оторвут, а ты гадишь на них!

Мне казалось, крыс притаился где-то в дырке, наблюдает и ехидно хихикает.

Однажды он сожрал клеящий карандаш. Увидев остатки на столе, я чуть не зарыдала, тут же позвонила маме и стала уточнять — не умрет ли крыс, не склеятся ли у него внутренности.

Мама посмеялась, мол, для него это суфле или зефир, поэтому нет, не склеится ничего.

Успокоившись, я прочла Шушувичу длинную нотацию, что есть вот так, за здорово живешь мои тюбики с клеем и ручки — редкое паскудство. Потому что канцелярскими принадлежностями меня моя служба не снабжает. Все покупаю сама. Ну, повысили мне в прошлом месяце зарплату с трехсот до шестисот, и что? Помада стоит сто, бутылка масла — пятьдесят, клей — двадцать.

— Вот бумага — она казенная! — крикнула я в дыру. — Ее и жри!

Слышал Шушувич меня или нет — не знаю. Но с тех пор он перестал поедать мою чиновничью канцелярию. Так, раскидает, потопчется, и все.

В благодарность я стала подкармливать его остатками обедов.

Как бездомную собаку. Или кота.

За зиму я привыкла к нему и, когда он не появлялся, даже скучала.

В марте, в празднично-выходные дни пришли рабочие и залили дырку в полу. Бетоном.

Наглухо, мощно.

Вернувшись, я поняла, что осталась в кабинете одна.

Без своего приятеля-коллеги.

Через месяц мы с ним случайно встретились на первом этаже, в туалете (четыре «очка», деревянные перегородки и холодный ветер снизу).

Я зашла и увидела чубатую крысу. Не бывает же в одном здании двух крыс с одинаковыми прическами?

Уверена, это был он.

Я тихонько позвала его, мне казалось, он прислушался.

— Это не я заткнула выход, Шушувич. Я бы ни за что...

Но тут в коридоре раздались чьи-то громкие шаги, он сиганул в угол и там исчез.

Больше я его не видела.

Как жизнь твоя прошла, Шушувич?

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

Недавно мы с мужем нашли на лестнице собачку.

Маленькая, беленькая, испуганная, она лежала пластом, дрожала и тихонько скулила.

Ноль реакции на поглаживания, ноль реакции на ласковые «у-тю-тю», ноль – на колбасу.

Шерстка — в грязи и колтунах. Глаза — самые несчастные на свете.

Мы не смогли пройти мимо.

Взяли себе. Назвали Асей.

Полдня она лежала в углу, боясь двинуться с места. Горестно отворачивалась от еды и питья. Страдала.

— Только начали жить холостыми и свободными, отправили сына и собаку в деревню, — ворчал Миша. — И через неделю сорвались — притащили эту приблуду.

— Она сама нас нашла, — отвечала я, нежно гладя Асю. — Лапушка! Ну, как такую можно бросить?

Ася согласно пискнула и лизнула мне руку.

На второй день она немного освоилась, робко топталась вокруг своего коврика, аккуратно заглядывала в кухню, но так и не решалась дойти до комнат.

Ела осторожно, чуть дрожа, из Жужиной миски.

— Забитая какая! — Миша с жалостью ее гладил. — Не то что наша собачина — козлом скачет по всей квартире — не поймать!

— Интересно, как они сойдутся, — я в задумчивости уставилась на Асю. — Ревности, наверное, будет.

— Поначалу ревности, а потом подружатся, — махнул рукой Миша.

Мы строили планы: какие прививки нужно сделать, чипировать не чипировать, заводить ли паспорт.

Асю не спускали с рук: гладили, тетешкались, успокаивали.

Я размечталась — такую маленькую можно везде таскать с собой. И в поезде, и в самолете, и даже на Книжный салон можно интеллигентно прийти, посадив ее в сумочку.

Миша усмехался.

После очередной прогулки он вернулся хмурый.

— Мы должны отдать Асю, она Верина.

— Нет! — ужаснулась я. — Только не Верина!

Вера — наша соседка с первого этажа. Личность непонятная. Вечная безработная. Много детей и мужей. Занимает деньги и не отдает. Пьет пиво с молодежью на лестничной площадке. Сажает желтые цветы в палисаднике.

Короче, трудная судьба и противоречивые поступки.

— Понимаешь, — рассказывал Миша, — я иду с Асей, а тут — Вера в маршрутку садится! «Ой, говорит, как хорошо, что вы ее нашли, я думала она пропала» — и обрадовалась так, прям расцвела вся.

— А Ася?

— Задрожала, но потом…

— Крым наш, — строптиво перебила я и прижала собачку к груди. — Обойдется!

— Крым не наш. Она голосует за Веру. Я в парадной ее выпустил, так она — шмыг! — и к ее двери. И сидела, пока я на руки не взял.

— У этой Веры — шесть детей! И пять мужей, которые по очереди ходят к ней в гости, — с плохо скрываемой бабской завистью рявкнула я. — Она

никогда в жизни не работала, — я нервно почесала собачку за ухом. — Мне полторы тыщи должна и не отдаст никогда, ясно же!

— Ее моральный облик — не наше дело! Не нам судить, — заметил Миша.

— Я не сужу, мне собаку жалко! Как ей там живется? Помнишь, в каком виде она была?

— Но собака — ее! Это ее ответственность, Верина. Мы не можем забрать чужую собаку, только потому, что нам жалко!

— Ладно, — выдохнула я — Давай пока не будем ничего решать. Мы планировали сегодня Асю купать — вот искупаем, а там видно будет.

И ушла по магазинам.

На обратном пути встретила Веру. Та, увидев меня в окно, выскочила из своей квартиры и, наспех спросив, как дела, робко поинтересовалась:

— Наташ, а собаку-то вы когда принесете?

— Ну… принесем, если она еще не убежала, — я прищурилась. — Вчера повели без поводка, так еле поймали. И вообще, мы ее купать собрались. Вот, даже шампунь купила, — и демонстративно потрясла пакетом.

— У меня тоже шампунь есть, — загнусавила Вера.

— То-то она у тебя грязная, как нищенка! — буркнула я.

— Это она сама где-то извозилась на улице!

— Угу. Ладно, давай, покеда.

— Так принесете? — Вера смотрела, как тяжело я ступаю по лестнице.

Я еле заметно кивнула.

После купания Ася осмелела и начала носиться по комнате.

Она смешно отряхивалась, заигрывала со своим отражением в большом зеркале.

Кокетливо пряталась от мячика под диван.

Надула лужицу на ковролине. Стыдливо пыталась ее затереть.

Наблюдать за этой собакой было одно удовольствие.

— Я не отдам ее Вере, — заплакала я. — У нас она чистая, мы вымыли ее и подстригли, а там она будет неухоженная и грязная. И дети затопчут.

Мишка помолчал и сказал:

— Когда я с ней последний раз гулял, она опять села у Вериной двери. Я звал-звал — бесполезно. Так и сидела. Пришлось взять на руки.

— Это по привычке, — всхлипнула я. — Потом забудет и начнет к нам на пятый этаж бегать.

— А может, и не будет. Вспомни Чехова. Каштанку. Ведь ей лучше было у клоуна, а она все же выбрала старого хозяина, этого… как его… столяра. Или плотника? Собаки же преданы хозяину.

— Но Вера — плохой хозяин, — в голос заревела я. — Она за весь день так и не пришла за Асей. Помнишь, год назад у нее была какая-то маленькая шавка? Исчезла! И эта — вон в каком виде мы ее нашли! Зашуганная, забитая, грязная! Лежит как тряпка — шевельнуться боится.

— Она сидит возле ее двери, понимаешь? — Миша потер лоб. — Я зову — не отходит!

— Синдром Каштанки, — шмыгнула я носом и вспомнила, что в школе «Хороший текст» прогуляла семинар Леонида Клейна. Как раз про Каштанку.

«Вот тебе и возмездие, — мелькнула мысль. — Жизненный семинар».

— И потом, — продолжал Миша, — вон дети ее тоже без присмотра с трех лет во дворе бегают, чумазые и в трусах даже в плюс двадцать, ты же их не хватаешь и не тащишь домой?

— И тащила бы, если бы они так же под дверью грязные лежали! — выкрикнула я в сердцах.

Помолчали.

— Мы сделали все, что смогли, — Миша взял меня за плечи и развернул к себе: — Приютили, накормили, вымыли и выстригли колтуны. Дальше уже не наша ответственность, дальше — Верина, понимаешь?

Мы отнесли собаку. Вера очень обрадовалась.

Думаю, она переживала, что мы лишим ее хозяйско-собачьих прав.

В обмен на давний долг.

— Не думайте, я ее очень люблю! Кнопочка моя! — она демонстративно чмокнула нашу Асю в розовый нос.

— Вер, — помолчав, сказал Миша, — Если тебе трудно с ней, некогда, вон сколько у тебя детей мал мала меньше, отдай ее нам.

— Да вы что?! — вытаращилась Вера. — Как это? Мне ее на день рождения подарили! Я не могу!

Ася-Кнопка спрыгнула с рук и убежала в глубину комнат, даже не оглянувшись.

— Ты идешь к этой Горгоне? — невесело пошутила я, когда дверь закрылась.

— Не, я к жене, — эхом закончил цитату Мишка. — Точнее, к хозяйке…

Вечером я долго не могла угомониться.

Копошилась на кухне, переставляла какие-то банки, гремела посудой, роняла ложки.

Потом зашла в комнату.

Миша спал, отвернувшись к стене. Я оттянула у него кусок одеяла и легла рядом.

— Гуманист! Интеллигент! — прошипела я ему в спину. — Все бы тебе разбазаривать!

«Гуманист» что-то пробормотал во сне, повернулся, обнял меня, я еще немного попереживала, поплакала и уснула.

И снилось мне, что все мы — я, Миша, наш сын Олег, наша рыжая дворняга Жужа, Вера, все ее дети и мужья — идем куда-то вперед, ввысь, туда, к солнцу, а вокруг нас весело скачет маленькая беленькая собачка.

ИТАЛЬЯНСКИЙ МУЖЧИНА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Мужчины в Салерно очень любят женщин. Разных.

Стройных и пухленьких. Высоких и миниатюрных.

Блондинок, брюнеток, рыжих.

На набережной, или, как у них это называется, «лунгомаре», так вот на лунгомаре, при встрече с женщиной, они, страстно причмокивая, отправляют поцелуй в воздух и пылко восклицают «белла», «беллиссима».

И тут же начинают знакомиться.

Три основных вопроса итальянского уличного флирта:

Который час? Как тебя зовут? Ты замужем?

Именно в такой последовательности.

Хоть бы один сбился. Не-ет. Шпарят как по методичке. И вне зависимости от ответа на последний вопрос, настойчиво зовут в «кафе-мороженое».

Кокетка Алла, с которой я разговорилась на пляже, поведала мне, что в Салерно она переехала из-за мужчин.

— Кто я в своем городе? — восклицала она. — Я там старая карга! А тут я кто? — поправляла крашеную челку и, томно изогнувшись, продолжала: — Тут я женщина! И никто не смотрит на мой возраст! Я за рыбой хожу каждое утро на рынок к мальчику двадцатилетнему, так он мне радуется, обнимает и называет дольчиссима, поняла, да? Самой сладкой он меня называет, а мне, между прочим, в этом году шестьдесят два! Ну?

Так и зачем мне тот Киев?

Из-за этого страстного, искреннего, мужского восхищения многие девушки мечтают выйти замуж за итальянца.

Или хотя бы завести себе итальянского друга.

В моей группе, в Академии Салерно, где я учила итальянский язык, было несколько таких.

Самые настойчивые постоянно спрашивали нашего учителя: что любят итальянские мужчины, как с ними себя вести и где можно встретить достойных.

Я слушала вполуха, замуж меня не интересовало, к тому времени у меня дома уже много лет жил прирученный любимый грузин, зачем мне еще и итальянец?

Мне требовался собеседник для разговорной практики. Вежливый, приличный носитель языка и культуры.

Со слов учителя я усвоила, что у моря бродят только легкомысленные элементы, с которыми точно не выйдет интересного разговора. Только «джелато шоколато» и романтические развлечения.

И ни в коем случае нельзя соглашаться на приглашение в «кафе-мороженое», после одного согласия от тебя уже не отстанут.

Поэтому на пляже я накрывала лицо панамой и на все вопросы про «который час» отвечала сквозь нее «не знаю», пожевывая соломенный ободок.

Однажды, полдня лениво провалявшись на берегу, я собралась домой.

Уже на выходе ко мне наперерез ринулся молодой человек с прической а-ля Анджела Дэвис.

Из одежды на нем были только плавки.

— Я на вас давно смотрел! — пылко выкрикнул он и дотронулся до моего локтя. — Позвольте вас проводить!

Он глядел так восхищенно, что я смутилась. И главное — в начале разговора не прозвучало это банальное «который час».

— Но вы раздеты. А я уже ухожу.

— Я сейчас! — воскликнул он, метнулся к своему месту, схватил одежду и, прыгая на ходу, надел брюки.

Так же стремительно он натянул рубашку и, застегивая ее, представился:

— Альберто!

— Наташа, — неохотно промямлила я.

— Откуда вы?

— Из России.

— Ах! Моя любимая страна!

Все развивалось не так. Пляж, полуголый итальянец, южный восхищенный взгляд, зачем все это? И вряд ли у нас найдутся общие темы для разговора.

С другой стороны, день, многолюдная набережная, если мы пройдем немного вместе, по пути, в этом нет ничего предосудительного.

— Я целый час на вас смотрел! — Альберто поправил сумку на плече и зашагал рядом со мной, стараясь попасть в ногу. — Заскочил искупаться после работы, а тут — русалка. Беллиссима!

От его страстного «б» отлетела капелька слюны и шмякнулась мне на щеку.

Я еще больше стушевалась. Вытереть — смутить человека, не специально же он. Оставила как есть. На солнце все быстро сохнет.

Мы поднялись по лестнице на набережную и медленно пошли в сторону центра города.

— А вы кто по профессии? — я решила переключить разговор на что-то предметное.

— Маркетолог! Эх, знала бы ты, Наташа, как тяжело быть маркетологом! — Альберто погрустнел. — Весь день туда-сюда, идеи, аналитика, рынок, конкуренты! И цифры-цифры-цифры! Так и мельтешат перед глазами, так и скачут!

— Я в маркетинге тоже работала, — обрадовалась я общей теме. — Только у меня была реклама, создание брендов, выставки всякие. С цифрами не очень много.

— Это тебе повезло! — горячо заверил Альберто. — Красавица! Белла!

Мы медленно шли по широкой набережной. Альберто размахивал руками и темпераментно рассказывал про трудные будни итальянского маркетолога.

Я подставляла физиономию солнцу.

— А вообще! — он резко остановился и развернулся ко мне. — Знаешь, я кто? Я ведь совсем не маркетолог! Это так, для денег.

— Кто? — удивилась я.

Альберто наклонился ко мне и по слогам произнес:

— Пи-са-тель.

Я облегченно выдохнула и рассмеялась:

— Так это чудесно! Расскажите, что вы пишете!

— Много пишу! Фантастику пишу, реализм пишу, сценарии пробовал.

— И?

— И что? Кому это надо? В стол пишу! Все ящики в столе завалены моими текстами. Пачки! Пачки! Пачки текстов! Тома! Тома литературы!!

— Так отправьте ваши пачки в редакцию! — забеспокоилась я. — Может, что и выстрелит!

— Кому? Кому это надо? — тряс кудлатой головой Альберто, не слушая меня. — Все в стол, все в стол! Кто в наши дни читает? Одни маркетологи вокруг!

Мне стало его жаль. Захотелось сменить тему.

— А вы что читаете? Каких авторов? С русской литературой знакомы?

Альберто воспрял:

— О!! Я очень люблю русскую литературу. Это мировая литература. Толстой, Достоевский, Пешкин…

— Пушкин, — уточнила я. — Александр Сергеевич.

— Нет, Пешкин! — возразил Альберто, и от его яростного П капля ляпнулась мне в глаз.

— Пешков? — догадалась я, вспомнив, как третьего дня на Капри видела портрет Максима Горького. В мозаике. Ох, ничего себе, думаю, Альберто, настоящую фамилию Горького знает, продвинутый какой, а? Сейчас как зачитает «Буревестника»!

— Нет! Пешкин, Пешкин! — яростно выкрикивал Альберто. — Я точно знаю!

Так, в разговорах и спорах, мы добрели до кафе с вывеской «Мороженое».

— Зайдем? — Альберто смотрел с надеждой.

«И ты, Брут, — мелькнуло у меня. — Все туда же, а ведь как хорошо начали».

Я сослалась на что-то срочное, обязательное и, быстро попрощавшись, убежала вдаль по набережной.

Так мы и расстались с итальянским писателем-маркетологом Альберто.

И все же зря считают, что у моря одни легкомысленные разгильдяи бродят. Вон какой интеллектуал мне попался!

А то, что в кафе-мороженое звал, как и все, так это ж, я думаю, просто итальянская мужская традиция.

Не более.

Осталось только одно «но».

Я, неуч и балбес, так до сих пор и не знаю, кто такой Пешкин.

И был ли он в русской литературе.

Может, хоть вы знаете? А?

АНДРЕ ВЮРМСЕР

НОВЕЛЛЫ

(Перевод с французского ***Елены Ксенофонтовой***)

Московский союз литераторов. Окончила трехгодичные Курсы иностранных языков МОСГОРОНО, французское отделение, и в 1954-м – МЗПИ (ныне — Высшая школа печати и медиаиндустрии), получила диплом редактора политической и художественной литературы. Работала старшим редактором в издательствах «Морской транспорт» и «Прогресс»; внештатно — переводчиком в АН СССР. Литературную деятельность начала с внутреннего рецензирования и переводов художественной литературы с французского языка для издательств «Прогресс», «Художественная литература», «Советская Россия», «Московский рабочий» и др. Позднее стала писать рассказы. С 1961 г. — член Союза журналистов. В 1967 г. вступила в Профессиональный комитет литераторов при издательстве «Советский писатель» — ныне Московский союз литераторов, где с 1996 г. — зам. председателя секции прозы МСЛ. Участвовала в выпуске нескольких номеров основанного секцией прозы альманаха «Литературный перекресток» в качестве зам. главного редактора. Опубликована небольшая книжка ее рассказов. Основные публикации — переводы с французского языка. Среди авторов произведений, переведенных Еленой Ксенофонтовой, — известные французские писатели разного направления: Пьер Буль (славу которому как автору-фантасту принес роман «Планета обезьян»); Жозеф Кессель — журналист и романист, член Французской академии; Андре Вюрмсер, автор романов, публицистических статей и коротких новелл; а также один из виднейших писателей Сенегала — Сембен Усман. Елена Ксенофонтова имеет ведомственные награды: Почетная грамота Министерства морского флота СССР (1961г.) и Нагрудный знак Министерства культуры РФ «За достижения в культуре» (2002 г.).

От переводчика

В Большом энциклопедическом словаре можно прочитать: «Андре Вюрмсер (1899–1984) — французский писатель, публицист. Участник движения Сопротивления. Цикл романов «Человек приходит в мир» (т. 1–7, 1946–1955) — ...Литературно-критические и публицистические книги».

В больших словарях указывается главное. Между тем Вюрмсер написал множество новелл. Они публиковались на протяжении нескольких десятилетий, были изданы в сборниках («Калейдоскоп» — 1970; «Новый калейдоскоп» — 1973; «Последний калейдоскоп» — 1982; и на русском языке: «Калейдоскоп». М., Радуга, 1988). Со страниц этих сборников веет иронией, ностальгией, невольной грустью от трудностей человеческой жизни; есть новеллы, персонажи которых — реальные участники движения Сопротивления во время оккупации Франции.

Вюрмсера можно считать мастером короткого психологического повествования. Правда, его новеллы своеобразны, они не очень вписываются в рамки жанра, в котором предполагается один главный герой, описание одного события в его жизни и отсутствие лирических авторских отступлений (и других атрибутов). У Вюрмсера встречаются и лирические отступления, и обращения к читателю, и вовлечение второстепенных персонажей на позиции главных, и другие нарушения жанра. Известный французский писатель Веркор считал новеллы Андре Вюрмсера настолько оригинальными, что можно говорить о рождении нового жанра.

Многие новеллы не имеют названия, и это понятно: в них не столько действие, сколько состояние человека в данной ситуации, и этому не всегда возможно дать определение одним-двумя словами. Иногда автор, в своем желании осветить тему по-иному, возвращается к ней в другой новелле и дает ей название «Вариант».

Знакомство с творчеством Вюрмсера как новеллиста может представлять немалый интерес для пишущих, для самих прозаиков, позволяя увидеть, благодаря каким средствам в этих кратких повествованиях возникает четкая, психологически точная картина.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО

Скучный дождь, не грозовой, не ливень, самый банальный нескончаемый дождь до блеска отмывал старые мостовые супрефектуры. В шесть часов молодой коммивояжер остался ни с чем: ни одного заказа! Он решил испробовать последний шанс.

Две улыбающиеся продавщицы, стараясь угодить клиентам, кокетничали с ними, но еще более неприличной была любезность хозяина, маленького тщедушного человека с таким темным лицом, что оно казалось плохо побритым, и с таким блестящим на макушке черепом, словно по черной лужайке прошлась машинка для стрижки газона. Жюльен, у ног которого образовалась лужа, ждал в углу, как плохо воспитанный пес.

Просителя видно сразу. Торговец кожаными изделиями, когда его клиент уходил, решил отвязаться от назойливого посетителя: «Что там у вас? — и

громче: Приходите через полчаса, вы же видите, что я не могу вас сейчас принять». Так его клиентура узнает, насколько он ей предан и какое ничтожное внимание уделяет всем остальным. Но это все же лучше, чем бесконечные «ничего не нужно» или приводящие в отчаянье «в следующий раз».

Через двадцать пять минут Жюльен вернулся, держа в руке черный чемодан с золотыми заклепками. Он шел по краю тротуара, стараясь не ставить ногу на бороздку, разделявшую камни, чтобы принести себе удачу, как в те времена, когда надеялся благодаря этому получить хорошую отметку по истории. Коллекция была тяжелой, но он экономил, мальчик на побегушках, что носит чемоданы на плече или толкает их в ручной тележке и, как бы тяжело она ни шла, никогда не теряет мрачного юмора неудачливого путешественника: я вас просил, чтобы вы были ровно в четыре, за кого вы меня принимаете, где вас носило.

Когда Жюльен вошел со своим чемоданом, коммерсант разговаривал с комиссаром полиции, которому только что продал портфель из натуральной тюленьей кожи: сердечность располагает к доверию. Продавщица, постоянно выслушивающая нарекания, выместила свое настроение на этом счастливом юноше, который ходит есть в рестораны и свободно разгуливает по улицам, — она указала ему пальцем на прилавок: «Начинайте выкладывать там, пока мсье занят. В семь закрываемся».

Обменявшись рукопожатием с комиссаром полиции и проводив его до дверей, торговец вспомнил о Жюльене: «Мне ничего не нужно, но раз уж вы пришли... Нет, этого ничего не надо». На первую коробку Жюльен поспешно поставил вторую. Маленький человечек брал каждую сумку двумя пальцами, словно пинцетом, и делал гримасу или, спросив цену, пожимал плечами. Если Жюльен настаивал, то раздавалось: «Ах, я прошу вас, я лучше вас знаю, что подходит для моей клиентуры!» И не оставалось ничего другого, как отвечать, словно домашняя прислуга: «Да, мсье», или молча переходить к следующему изделию. Все-таки торговец отложил в сторону сначала одну сумку, затем другую, потом кошелек. Сердце Жюльена стало биться спокойнее, как у засыпающего больного.

Оставалось посмотреть еще две коробки, когда вошла запоздалая посетительница, рыжеволосая, несколько шумная, в белом английском костюме, отделанном искусственной кожей. Торговец заторопился. Он называл артикулы: 324, мадемуазель, 946, и раздраженно восклицал: «Да поторопитесь же!» — голосом, звучавшим скорее как просьба, чем выговор, который, казалось, непременно должен был последовать, если бы клиентка ушла. Затем он осторожно вынул изделие из мягкой бумажной обертки и, держа за ремни, тихонько, словно качели на цепях, покачал эту вместительную сумку

на длинных ручках, имевшую на одной стороне карман с серебряной монограммой. Один или два раза дама в белом с симпатией взглянула на молодого человека, который тихо стоял на своем месте, предаваясь любовным мечтаниям. Ах, любовь в двадцать лет! Она выбрала сумку из телячьей кожи, чрезвычайно дорогую, и к нему постепенно возвращалось спокойствие до самого исчезновения богини, свободной, как красота. Если только она не трепетала, что ее муж, которого она обожала, узнает — но разве она повинна в ужасном расхождении между жалованьем учителя и потребностями самыми законными? — каким слабостям она обязана столькими приобретенными по случаю вещами: «Вот когда, любовь моя, можно подумать, что ты меня обманываешь!»

Усталый черный человечек с лысиной вздохнул: «Ну, что там еще... это все?» Ничто в последней коробке не привлекло его внимания. Он небрежно пододвинул две сумки и кошелек, отложенные в сторону: «Доставьте мне по шесть штук каждой».

Смехотворный заказ, исполнение которого не перекроет расходы одного дня, но все же заказ. «Шесть? Но такой магазин, как ваш...» — «О, это лишь, чтобы вы не считали, что зря потратили время». И он отошел, оставив его собирать свои коробки.

Было ли то удовлетворение дневной выручкой или нечто человеческое поднялось в нем, как отрыжка, когда желудок не в порядке? Лысый подошел и все еще с некоторым высокомерием, но с видимостью симпатии, искусственность которой выдавала банальность слов, произнес: «Ну как дела, ничего?»

Конечно, Жюльен должен был послать его к черту. Чувство собственного достоинства — не слишком стоит советовать иметь его бедным молодым людям. Но если в этом мире редко случается, чтобы продавцы — парфюмерных ли товаров, предметов роскоши или изделий, сделанных своими руками, — подобающе ответили своим покупателям, то это, несомненно, потому, что им не хватает чувства собственного достоинства — им или этому миру.

Жюльен, впрочем, ответил совсем неплохо: «Объединение шорных предприятий охотно взяло бы всю нашу продукцию, отец и два брата работают одни в нашем ателье, но я предпочитаю посмотреть другие места, а отец не хочет “класть все яйца в одну корзину”».

Его отец, адвокат, который к тому же развелся с матерью, был убит несколько лет назад на войне, которая недавно закончилась; у Жюльена не было ни братьев, ни сестер, и он получал от поездок такое же удовольствие, какое получают каторжники, открывая Кайенну.

Он говорил впустую. Его собеседник думал о своих срочных платежах, о векселях коммерческого фонда, которые он еще не оплатил... Если бы все

дни были такими, как этот... Но так уж заведено, что стараешься не для себя... Ах, счастливая молодежь, которая свободно идет куда хочет, смеется, гордая и беззаботная! Он рассеянно ответил: «Ну что ж, тем лучше, тем лучше!»

Дождь все не прекращался. Жюльен взял, как говорится, мужество в две руки и чемодан в одну. И, чтобы выйти из дверей с уже наполовину опущенной решеткой, он низко-низко согнулся.

* * *

Песни сопровождали всю первую половину моей жизни. Песни матери говорили об Эльзасе, о маленьком цыганенке, об узких мостовых, луидорах, лодочнике, ласточке. В песнях сначала боролись с неудачами, затем становились принцами, в глазах которых сквозь освещенные солнцем ресницы искрился беззаботный смех.

С большим запозданием пришла ко мне поэзия из книг и музыка из инструментов. Мои родители не имели ни библиотеки, ни пианино. И прекрасным в мире были для меня сначала эти куплеты. Несомненно, поэтому я так долго был привязан к уличным песенкам, чье наивное искусство, «глупое, как все, что идет от сердца» (как сказал мой большой друг, когда я посвятил ему свою первую книгу), передает примитивную и верную любовь. Я пел их, будучи не в состоянии выкинуть из головы. Я был переполнен этим пьянящим соком.

Позднее я попытался ввести в поэмы обрывки привязавшихся куплетов, как сделал Стравинский с песней «У нее была деревянная нога»: в их простоте иногда не меньше ностальгии, чем у Жерара де Нерваля или Генриха Гейне. Но, с другой стороны, я становился все более и более чувствительным к комизму глупости. В дни моей молодости наши ночные компании импровизировали шуточные, сентиментальные и патриотические песенки и во все горло с громким хохотом распевали их под звездами. Одна военная колыбельная песня, жанр, впрочем, редко встречающийся, начиналась таким несравненным четверостишием: «Солдат, здорово, /Как дела? /Дела неплохи, /Генерал!»

Так прошла моя молодость: с песнями. Я распевал их не с утра до вечера, как молоденькая швея или коммивояжеры прежних лет, а в чудесные моменты, когда жизнь бурлит и каждое утро заглядывает мне в лицо, намыленное для бритья. Поскольку я человек хорошего настроения, неприятности не мешали мне петь, а пение помогало их переносить.

В середине моей жизни чей-то безумный голос провопил мне в телефон, что мой большой друг умер. Я сжал виски, я кричал, я плакал, я был несчастлив. Утром мои глаза сказали моим глазам: он умер. Впервые я брился не напевая. И больше я никогда не пел. У меня бывали радостные, восторженные состояния, я участвовал в общественных делах, бок о бок со своими. Я не воскрешал в памяти моего друга каждое утро. Его смерть не переменила моей жизни, уже прочно определившейся с вошедшей в нее любовью, не изменила моего уже намеченного пути. Этот запрет, глупый, как все, что идет от сердца, я прочел в моем взгляде, он был известен только мне. Так как я продолжал оставаться человеком хорошего настроения. Он мне никогда не говорил: «Смотри, ты больше не пой!» Но я больше не пою.

Антрополог будущего, совсем иначе наделенный знаниями, чем мы, для воссоздания облика мертвых, скажет, манипулируя с моим черепом: «Этот индивидуум умер в последней четверти двадцатого века, будучи довольно старым к тому времени. Он был ранен на сороковом году. Умер он не от этого, но рубец остался».

ВАРИАНТ

Мне приснилось, будто один из моих друзей умер, и я упрекал себя в том, что не очень опечалился. То был не самый близкий мой друг. Он был одним из тех, с кем часто встречаться мешает каждодневная суета, но если случай или наши усилия сводили нас, то я видел в его глазах радость, равную моей. Он умер давно, и — непостижимо — я ничего об этом не знал; я продолжал время от времени о нем вспоминать и совершенно напрасно говорить себе: «Черт возьми, надо бы все же выбрать время повидаться». Я упрекал себя в том, что редко пытался встретиться с ним и никогда не говорил о своей привязанности; я продолжал идти вперед, как старый вояка, потерявший идущего рядом товарища, лучше которого не сыскать. Он умер, а мой каменистый путь продолжался среди чахлого можжевельника плоскогорья, под темными облаками. Я снова увидел его шрам на лице, складки его век, и меня словно ударило в сердце: «Сколько времени я о нем совсем не думал?»

Я проснулся. Мой друг не умер. Я вздохнул с облегчением. После этого скверного сна жизнь моя идет словно под грозовыми облаками, по каменистой дороге. Он не умер, и каждый раз, когда я думаю о нем, я говорю себе: «Черт возьми, надо бы все же выбрать время повидаться». Одного из нас мучают ужасные угрызения совести, об этом мне сказал мой кошмарный сон. Но так оно и будет идти, с грехом пополам, до того утра, когда, проснувшись, с горечью обнаружишь: «Нет, это не сон, он действительно умер, слишком забытый друг».

Ах, пусть мой голос издалека дойдет до вас, друзья мои, как бы мало мы ни любили друг друга, но любили гораздо больше, чем имели возможность сказать об этом друг другу.

АЛЕКСАНДР СМИРНОВ

Московский союз литераторов. Окончил Всесоюзный юридический заочный институт, юрист. Двадцать шесть лет прослужил в органах внутренних дел. Вышел на пенсию по состоянию здоровья в 2002 году в звании полковника милиции. Является членом Московского клуба афористики. С 2010 года его стихи и афоризмы публикуются в сборниках и альманахах, а также периодической печати. Автор книг и сборников афоризмов, созданных в качестве автора и составителя (последние — «О жизни и судьбе». Серия «Современные афоризмы». М., Радио Софт, 2018; «Медицинский справочник афориста». М., Радио Софт, 2018; «Веллеризмы. От истоков к современности». М., Радио Софт, 2019; «Жизнь была б мудрей тогда, знать бы, если и когда». Серия «Современные афоризмы». М., Радио Софт, 2019; «Энциклопедия отношений». Серия «Современные афоризмы». М., Радио Софт, 2020; «Трактат о глупости». М., Радио Софт, 2021).

Фразы

Если с вами спорят, значит, еще считаются.

Жизнь, начатая с чистого листа, отличается лишь новизной ошибок.

Отворачиваясь от проблем, не увернешься от их последствий.

От тьмы знаний светлеет в голове.

При ярких чувствах мысли в тени.

Избыток знаний опасен при недостаточности ума.

Только веря в свои силы, можно надеяться на других.

Убивая время, хороним жизнь.

Чаша терпения долго наполняется, но запоминается последняя капля.

Попытки вернуть прошлое говорят о бесперспективности будущего.

Справедливость цены не имеет, поэтому ее поиск так дорого обходится.

Говорить правду надо тому, кому она не вредит.

Действительно ценно то, что для человека бесценно.

Мысль, уходя «в народ», теряет автора.

Стоящему на коленях не больно падать.

Женщине, которую носят на руках, легче пересесть на шею.

Не запрягут, коль повода не дать.

Чтобы плевать на все, надо напиться на все.

С холодной душой проще нагреть руки.

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК»
№ 17, 2021

альманах

Координатор *Джангули Гвилава*
Главный редактор *Михаил Стародуб*
Редакционная коллегия:
Татьяна Шипошина (1-й заместитель главного редактора),
Жанна Голубицкая (заместитель главного редактора),
Ева Меркачева, Лада Кутузова

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов

Подписано в печать 02.09.21. Формат 60x90 1/16
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 9,5.
Тираж 700 экз.